П. П. БЕРГ.

ГРАНИЦА

MCMXXXVII.

П. П. БЕРГ.

ГРАНИЦА

(ИЗ БЫТА ПОГРАНИЧНИКОВ)

Izdevniecība
„Laikmets“ Rīgā

Spiestuve „Vārds“, Rīgā,
Peldu ielā 24. Tālr. 23409

ОГЛАВЛЕНІЕ.

На боевом посту

Командир Конной Пограничной Сотни, старый служака, подполковник Володин, нервно и быстро шагал из угла в угол, останавливаясь иногда у стола, чтобы хлебнуть глоток чая и закурить новую папиросу. Папироса всегда была его неразлучной спутницей и без нея нельзя было представить себѣ Володина.

Был он средняго роста, сухощав; худое морщинистое и угловатое лицо его с жидкой с сильной просѣдью бородкой и желтыми прокуренными усами не представляло в сущности ничего примѣчательнаго, но прямой и острый взгляд небольших, всегда прищуренных и как бы смѣющихся глаз, невольно обращал на себя внимание и когда, что случалось, правда рѣдко, привѣтливыя и дружескія складки смѣющихся глаз сглаживались и в них появлялись какой то странный, металлический блеск, то всякому становилось ясно, что Володин чѣм то недоволен и что под его невзрачностью таится желѣзная воля и незнающая преград настойчивость.

В таких случаях обыкновенно ровный и спокойный с хрипотой голос его частым смѣшком, бро-

сал короткія рѣзкія фразы, не допускающія двух мнѣній.

Настроеніе Володина как то мгновенно передавалось в сотню и тогда, начиная с вахмистра, вступавшаго в смертельный бой со своими отчетностями и хозяйственными разсчетами и кончая кашеварем, всяк угублялся в какую-либо работу и что удивительно — даже кони проникались общим настроеніем, вели себя благонравно и не вызывали громких окриков дежурных и дневальных по конюшням.

В хатѣ, по которой шагал Володин, помѣщались еще три офицера его сотни: худой и длинный пограничный ротмистр и прикомандированные к сотнѣ драгунскій поручик и совсѣм юный гусарскій корнет.

Корнет лежал на походной кровати и изнывал от полнаго затишья на фронтѣ: ротмистр сидя у стола задумчиво уставился в недопитый стакан чая, а поручик уныло глядѣл в оконце, в сущности рѣшительно ничего не видя, так как и видѣть то он ровно ничего не мог, так сѣро все было вокруг.

Тусклый день смѣнился сумерками и окно хаты, стоявшей крайней на опушкѣ лѣса, упиралась в толщу какой то общей сѣрой массы, в которой сѣрыя облака, туман, клубами плывшія по сѣрому полю и моросившій мелкій и частый дождь слились между собой так плотно, что поглотили в себѣ всякія контуры и очертанія и единственно что поручик мог созерцать — это капли дождя на оконном стеклѣ; онѣ сначала, как будто прилипали к стеклу неподвижно, но затѣм на-

чинали ползти к низу все ускоряя свой бѣг и соединяясь с другими каплями, катились уже струей, пока не исчезали в подрамникѣ окна.

Уже двѣ недѣли сотня стоит на мѣстѣ и сколько еще простоит одному Богу извѣстно. А осень лишь, началась и впереди долгая зима.

В 20 верстах от сотни широкая рѣка, за рѣкой враг, но и он видимо в берлогу на зиму забрался.

Скучно, тоскливо, отвратно, — думает поручик и отвернулся от окна.

— Что, батенька, разглядѣли, разскажите-ка нам — спросил со смѣшком Володин поручика, а глаза как бы добавили: — и стоило так долго созерцать эту прелесть!

Поручик улыбнулся, подошел к столу, сѣл на табурет и сказал:

— Да, вы правы, Андрей Иваныч, мерзость изрядная, но что прикажете дѣлать? По моему в ваших руках скрасить наше невольное прозябаніе в этом болотѣ. Вы много видѣли, много испытали сами, но до сих пор нам ничего не разсказали. Пожертвуйте нам вечерніе часок — другой, да разскажите что нибудь из своей жизни и службы, иначе мы в серьез будем думать, что вы кромѣ длиннѣйших своих хозяйственных бесѣд с вахмистром, служебных разговоров и споров с ротмистром о качествах табака, ни о чем другом говорить не можете.

Володин по обыкновенію хихикнул, бросил окурок, закурил новую папиросу, прищурился и сказал:

— Хорошо. Если будете вѣрить, что не брешу я, то попробую посвятить вас, „в дѣла минувших дней,

преданья старины далекой". Прошу лишь простить, что позабыв или не видя нужды, я кое кого назову не своими, а другими именами и прозвищами.

Попыхивая папиросой и шагая по комнатѣ Володин начал свои разсказы.

Поручик и корнет устроились на своих кроватях, а ротмистр, сидя в углу за столом, записывал разсказы в свою тетрадку... И вот что, пока сотня квартировала в деревнѣ, а офицеры томились от бездѣлья в своей хатѣ у опушки лѣса, успѣл им разсказать подполковник Володин.

Разбойник Ахмет

I.

Однажды вниманіе татар и персов, съѣхавшихся из разных мѣст пограничной полосы Россіи и Персіи в расположенном на лѣвом берегу рѣки Аракса селенія Карадонлы по случаю осенняго базарнаго дня, было привлечено странным предметом, плывшим вниз по теченію рѣки.

Острый взор мог различить, что это небольшой плот, что на плоту лежат 2 человѣка и что над ними как то уродливо торчит голова.

Вѣсть об этом мгновенно проникла во всѣ углы базара и, кто мог, бѣжал к берегу рѣки, к которому теченіе начало прибивать плот, вскорѣ застрявшій на отмели выше селенія.

Люди бросались к плоту и застыли от ужаса: на нем рядом лежали обезглавленный татарин и смуглая красивая татарка; из груди ея около сердца торчал вбитый остріем в плоть кинжал, на рукоятку котораго воткнута была отрѣзанная голова мужчины.

Невѣроятный шум и крики понеслись по базару, а когда случайно прибывшіе на базар с коврами кочевники из расположеннаго верстах в 30 выше по теченію на русской сторонѣ кочевья Кара-Кендеглы признали в убитом своего соплеменника, а в убитой соплеменницу, выданную год тому назад замуж за сосѣдняго кочевника-шахсеванца Ахмета, то к крикам присоединился еще и вой и истерическія клятвы кровавой местью из поколѣнія в поколѣніе мстить за пролитую кровь.

Но сдѣлать это не пришлось. Ахмет был одинок как перст Божій; круглый сирота, он рос среди шахсеванцев пастухом, переходя от одного кочевника к другому.

Крѣпкій, ловкій, чудный наѣздник и неутомимый работник он не был красив, но глаза его были изумительны: изсиня черные, скрытые за длинными стрѣльчатыми, изогнутыми рѣсницами, они в минуты раздраженія, что бывало рѣдко, приводили в ужас каждаго, на котораго метнул он взор свой. Обычно были же они задумчивыми и свѣтили такой бархатной и мягкой лаской и нѣгой, что не было женщины способной не зачароваться ими. И когда, возмужав, он взглянул в душу убитой теперь красавицы-дочери богатаго стадами Кара-Кендеглинца, она покорно ушла с ним из родной кочевки и стала его женой, оставив сердце свое тому, с кѣм судьба предрѣшила совершить ей послѣдній ужасный путь по рѣкѣ.

Случилось это просто. Замѣтив, что жена уходя на Аракс за водой, что то долго остается у рѣки, Ахмет выслѣдил причину ея задержек и, спрятавшись в камышах, стал ожидать прихода своего соперника.

Как тигр бросился он на него и одним взмахом отдѣлил голову от тѣла; подойдя к женѣ, он долго молча смотрѣл ей в глаза и, когда она закрыв свои вѣки, медленно стала склоняться на землю, он подхватил ее за спину и не отрывая взора от нея, медленно погрузил окровавленный и еще теплый кинжал в ея сердце.

Тут же на берегу из прибитого лѣса и камыша он сдѣлал плот, положил тѣла и пустил по теченію. Затѣм вернулся домой, осѣдлал лошадь, надѣл винтовку и кинжалы, сотворил молитву, сложил в кучу всѣ свои и ея вещи, поджег их и, вскочив на коня, переплыл Аракс и бѣшенным карьером понесся к синѣвшим на границѣ Персидским горам.

Вскорѣ имя Ахмета, предводителя шайки разбойников, загремѣло по обѣ стороны границы.

II.

Там, гдѣ на границѣ синѣли Персидскія горы, было вольготно героям темной ночи и лихих набѣгов. Туда они везли награбленную добычу, гнали уведенный скот и под покровительством персидских властей, служивших на откупу и получавших от разбойников щедрые дары, чувствовали себя в безопасности.

Ахмет был извѣстен далеко кругом как пастух, от котораго не легко было отнять и увести за собой баранту, т. е. скот даже качагам, как называют разбойников туземцы. А поэтому, когда он явился в шайку вожака Гуссейна и повѣдал причину своего рѣшенія, его приняли без разсужденій.

В шайкѣ особенно цѣнны были не только смѣлые, ловкіе и жестокіе люди, но особенно были без роду и племени, для которых море было по колѣно. Таким был и Ахмет, взор котораго уже не свѣтил своей былой мягкостью и задумчивостью, а горѣл злобой, ненавистью и жаждой крови и мести. И первым его бурным желаніем было жестокое наказаніе всей кочевки Каракендеглинцев, состоявшей из 200 слишком семейств.

Его жена была Каракендеглинка, а потому дикая его натура не разбиралась в том, кто виноват в его несчастьи и он винил их всѣх и все племя было отвѣтственно за измѣну его жены. Для этого дѣла он убѣдил старика Гуссейна дать ему полную свободу дѣйствій и, выбрав особенно темную ночь, во главѣ тридцати головорѣзов напал на Каракендеглецы. Как смерч пронесся он по кочевкѣ и взошедшее утром солнце освѣтило тлѣн разрушенія и бродивших по нему, обобранных до послѣдней нитки, кочевников; весь до послѣдняго барана скот был угнан, все цѣнное увезено, ненужное сожжено; три наиболѣе красивыя дѣвушки уведены, а семь трупов и много израненных мужчин заплатили за позор Ахмета своей кровью.

Много лѣт понадобилось, чтобы Каракендеглинцы могли кое-как оправиться от разгрома и имя Ахмета передавалось из поколѣнія в поколѣніе проклятію, призывая Бога Правовѣрных к отомщенію.

Вскорѣ послѣ прибытія Ахмета старый Гуссейн умер и Ахмет стал атаманом шайки.

Набѣги его были так дерзки, смѣлы и неожиданны, что русскіе власти терялись.

Вокруг имени его плелись легенды; не могли понять, как он ухитрялся прорываться из Персіи через границу, тогда охранявшуюся казаками и исчезать обратно и простые татары серьезно вѣрили, что он сам Шайтан.

Десятки, может быть сотни нападеній и грабежей и много убійств сошло благополучно, пока случай не предал его в руки правосудія.

При нападеніи слишком в 100 верстах от границы на большое село во время бывшаго там базара, Ахмет неожиданно наткнулся на двѣ казачьи сотни шедших к границѣ на смѣну и отдыхавших в селѣ. Послѣ завязавшейся перестрѣлки, видя неизбѣжность пораженія, он приказал разбойникам отступать. В этом случаѣ люди не должны были терять между собой всякую связь и скакать самостоятельно и как угодно к заранѣе намѣченному мѣсту сбора. Мчался и Ахмет. И вот при каком то прыжкѣ конь Ахмета упал и сломал переднія ноги. Была ночь. Ахмет застрѣлил своего коня и увидѣл, что остался один. До гор оставалось около 30 верст, он понял, что к зарѣ ему туда не добраться и, выбрав какую-то яму, зарылся в ней, гдѣ и был найден казаками.

Преданный военному суду он гордо сознался во всѣх своих дѣлах.

Это спасло его от смерти и царскій суд,—суд милостивый сослал его лишь в безсрочную каторгу Сибири, его, сына знойных степей юга, на встрѣчу снѣгам и льдам далекаго, как сама смерть и такого же холоднаго сѣвера.

III.

Прошло 20 лѣт. Охранявших границу казаков смѣнили пограничники. Память об Ахметѣ почти совершенно заглохла и развѣ старики Каракендеглинцы при случаѣ иногда вспоминали его, твердо вѣря, что его в живых давно уже нѣт, так как не представляли себѣ, что из Сибири можно вернуться.

Однажды рано утром в сосѣднюю деревню Бегманлы пришел странник босой, в рубищах, еле прикрывавших истомленное исхудалое тѣло. Длинная спутанная черная с сильной просѣдью борода падала на голую грудь, мягкая, почти дѣтская улыбка не покидала его лица, а глаза его были так печальны, смирны и ласковы, что невольно вызывали сожалѣніе и желаніе помочь.

Ковыляя и опираясь на длинный посох, старик добрел к старостѣ и в полном изнеможеніи сѣл на землю и стал творить молитву.

Слух о пришельцѣ вскорѣ собрал много сельчан, которым старик, прерываясь и вздыхая, говорил о себѣ. Зовут его Кербалай-Мешади-Гассан-Оглы и идет он из Мекки; когда то жил он в горном аулѣ за Ордубатом, но аул подвергся нападенію разбойника Ахмета и был разорен до тла. В аулѣ было всего три сакли и всѣ рѣшили, лишившись крови, уйти в Персію; жена его вскорѣ заболѣла и умерла, а сын утонул. Оставшись один, он стал бродить по чужим людям и питался подаяніем. В Меккѣ он поклонился гробу Магомета, а теперь пришел на родину, чтобы лечь в землю отцов своих.

В большой рыжей папахѣ пришельца хранилось измятое и засаленное удостовѣреніе персидских властей, что он дѣйствительно нищій выходец из Россіи Гассан-Оглы.

Тронутые разсказом добрые Бегманлинцы накормили старика и послѣ совѣщанія предложили ему пасти их скот, а для жизни дали развалившуюся саклю, в которой долго никто не жил, так как она стояла да-

леко, в 2-х верстах от деревни, у прибрежных камышей Аракса.

Пришелец с радостью и благодарностью принял это предложенiе, а когда полицiя, провѣрив разсказ об уничтоженiи вблизи Ордубата аула и об уходѣ жителей в Персiю, признала в вернувшемся Гассана-Оглы, то он сдѣлался членом деревенской общины, его прiютившей.

Необыкновенное трудолюбiе Гассана, его честность и готовность каждому оказать услугу вскорѣ вызвали общую к нему любовь. Саклю свою он сдѣлал совершенно жилой, разработал вблизи нея кусок земли, провел воду и через год не только получил плоды своих трудов в видѣ пшеницы, но и спутницу жизни, женившись на одной из Бегманлянок, а через три года Гассан имѣл сына и дочку.

Гассан был истымт правовѣрным, неизмѣнно творил необходимыя молитвы и горячо благодарил Бога, что он наставил его на путь истины и при этом дал ему счастье

Однако рок, дав Гассану немного счастья, приговорил его заранѣе к жестокой карѣ и гроза разразилась тогда, когда он перестал ее видѣть.

На 4-ый год мимо Бегманлы тянулось кочевье Шахсеванцев, уходивших на лѣто в горы. Всегда они уходили прямо на Запад к еле примѣтным на горизонтѣ лиловым силуэтам горных вершин.

Теперь впервые они измѣнили маршрут. Вдали через деревню тянулся безконечный караван груженых верблюдов, ѣхали всадники, гнали скот, сонно перекликались бубенцы и колокольчики и сидѣвшiй у сакли Гассан, смотря на караван и уносясь думами в далекое, далекое прошлое, и не замѣтил, как сзади него к нему подошли два человѣка.

Обернувшись на привѣтствiе, он увидѣл двух стариков, попросивших напиться воды. И когда один из них пил из принесеннаго жбана воду, другой, длинный и худой, с бѣлой бородой, стоял и пристально смотрѣл на Гассана. Смотрѣл и Гассан на него и

улыбался своей дѣтской улыбкой. И вдруг старик хватил ворот Гассана и с силой рванул. Оголилось плечо и на плечѣ большое в ладонь родимое пятно!

Выдали Ахмета глаза, их былая волшебная ласка:

— Ахмет! — завопил старик и, обхватив руками голову, побѣжал к тянувшемуся каравану. Бросил пить воду и побѣжал и другой, а Ахмет, задрожав всѣм тѣлом, бросился в свою лачугу, прижал к сердцу дѣтей, простился с женой и побѣжал в обратную сторону, к Араксу, туда, куда разбив оковы, бѣжал он из Сибири и гдѣ, также как и двадцать лѣт тому назад синѣли на горизонтѣ Персидскія горы.

IV.

В глухих ущельях гор, в тѣх тайных гнѣздах, гдѣ собирались герои ночи и грабежа, нашлись еще соратники разгрома Карякендеглинцев и кровавых дѣл, когда то юного их атамана Ахмета, но теперь предстал перед ним пожилой сѣдой человѣк, закаленный в испытаніях и невзгодах, твердый как камень, со взглядом острым и пронизывающим как огонь небесный и тяжелым как свинец.

Слух об его возвращеніи быстро распространился кругом и вскорѣ Ахмет собрал шайку отборных головорѣзов, готовых слѣдовать за ним на любое дѣло.

А дѣл в головѣ у Ахмета было много. Горячая и душу пожирающая месть за вторично разрушенную его жизнь, спокойную жизнь на родинѣ, к которой стремился он всѣ 20 лѣт каторги и мытарств, вновь требовала расплаты чужим горем и чужими страданіями и не было предѣла этой мести, в которой Ахмет тонул как в морѣ, захлебываясь бурлившей собственной кровью.

Первую кровавую дань заплатили Ахмету наши пограничные солдаты, за счет которых он рѣшил раздобыть хорошее вооруженіе своим оборванцам.

То там, то здѣсь устраивая засады, разбойники Ахмета поджидали патрулировавшій вдоль границы

обычно состоявшій из 3х человѣк дозорный разъѣзд, и залпами снимая с коней всадников, захватывали винтовки и патроны и скрывались безслѣдно за границей, прежде чѣм с постов поспѣвала по тревогѣ помощь, которой оставалось лишь подобрать трупы убитых и ловить разбѣжавшихся лошадей.

Похоронив у постов своих товарищей, пограничники стали осторожнѣе, но Ахмету они уже были не нужны, оружіе было добыто и вмѣсто нападеній на них произошел ряд дерзких нападеній и грабежей на отдаленных почтовых трактах и населенных мѣстах.

Снова была кровь, были слезы и пламя пожаров и душа Ахмета радостно трепетала, чувствуя, как заливавшія ее волны мести постепенно ее охлаждают, а когда эти волны почти совсѣм успокоились, он прекратил грабежи и со своей шайкой занялся конвоированіем контрабанды и перевозом ея через границу, прорывая охрану пограничных постов.

Дѣло это сложное, требующее большой ловкости и хитрости и владѣльцы каравана состоящаго часто из 50—60 навъюченных лошадей, довѣряют контрабанду только очень опытному атаману, каковым сдѣлался Ахмет, бравшій на себя обязательство довести караван в опредѣленное мѣсто, гдѣ выплачивалась ему уговоренная сумма

Не всякій путь для прорыва удобен: он должен быть кратчайшій, удобопроходим через рѣку, обладать скрытыми дорогами, водопоем в пути и имѣть пункт для смѣны вьючных лошадей.

И на таком благопріятном для контрабанды пути оказался Бегманлинскій пограничный отряд, которым командовал ротмистр Жада, в районѣ котораго Ахмет произвел, несмотря на самую утонченную охрану, ряд изумительных и хитрых по своей неожиданности прорывов, в результатѣ которых Ахмет поплатился своей жизнью, жесточайшим образом искупив всѣ свои грѣхи и не добившись той цѣли, которую он себѣ задал: сколотить контрабандным путем достаточныя средства и, уведя из проклятой для него родины свою оставшуюся

там семью, в покоѣ и тишинѣ, с молитвой Аллаху и Магомету, пророку его, кончить дни свои как подобает правовѣрному магометанину.

V.

Чернѣе тучи шагал вечером по кабинету ротмистр Жада.

Еще бы, еще на днях опять прорвалась контрабанда и на сей раз так возмутительно, так нагло и дерзко, что есть из за чего разгуляться нервам.

Контрабанду ждали, знали что пойдет, люди всѣх трех постов десять дней почти безсмѣнно были в секретах на границѣ, всѣ ущелья и лазейки были под надзором, с поста ротмистра всѣ были на границѣ, оставался только часовой у поста, кашевар на кухнѣ и деньщик и вдруг контрабанда полным карьером промчалась через самый пост, на виду обалдѣвшаго часового и подумайте, один наѣхал, скача мимо солдата, даже крикнул — кланяйся командиру!

Стук в окно прервал мысли Жады, а через минуту вошедшій лавочник и армянин, жившій около поста, кланяясь и задыхаясь, зашептал Жадѣ, что он, будучи случайно вблизи жилища Ахметовой жены, собственными глазами видѣл как Ахмет пробирался к себѣ и теперь он находится дома.

Свѣдѣніе это было первостепенной важности. За ним охотились, устраивали засады, обѣщали награду, но поймать никак не могли.

Знали, что он бывает у жены, но выслѣдить, когда именно, не удавалось. Невидимкой он появлялся и исчезал, точно проваливаясь в землю.

В один момент у Жады возникла мысль использовать легендарнаго Ахмета в качествѣ доносчика для поимки контрабанды, установить с ним контакт, приручить и выяснить имена и мѣстожительство как хозяев-водворителей контрабанды, так и вожаков ея. Жада прекрасно понимал, что перед ним очень опасный противник, что успѣх его предположеній болѣе чѣм гадателен и что он ставит на карту себя, но он

рѣшил рискнуть, а значит долго раздумывать нечего и уже через четверть часа он с вахмистром шагал в ночном мракѣ во главѣ отряда из тридцати солдат, совершенно не знавших куда их ведут.

В пяти верстах от поста он свернул с дороги, в полной тишинѣ обошел деревню Бегманлы и повернул к Араксу.

В камышах в верстѣ от жилища Ахмета он остановил команду и сказал:

— Братцы, сейчас Ахмет дома. Я иду к нему. Как змѣи ползите и окружите его землянку; ни шороха, ни разговора, мертвая тишина. Шагах в 200 залягте. Вахмистр идет со мной и только, когда он даст 2 подряд выстрѣла, стремглав бросайтесь в землянку и живого или мертваго Ахмета должны взять. Если выстрѣлов не будет сидѣть пока вахмистр не свистнет 2 раза. Тогда собирайтесь к нему.

Когда солдаты исчезли в камышах, Жада и вахмистр поползли к землянкѣ; вскорѣ остался вахмистр и Жада пополз один без оружія с одной палкой в руках, условившись, что сигналом стрѣльбы будет его крик.

Вот и землянка. Мертвая тишина и только сердце стучит так, точно молотом бьют. Жада приблизился к двери и постучал палкой. Что то шарахнулось внутри и вновь замерло. Тогда Жада, объяснявшійся на мѣстном нарѣчіи, сказал:

— Ахмет, я знаю ты дома; я Бегманлинскій командир и один без оружія пришел поговорить с тобой. Не бойся, я друг тебѣ, зла не сдѣлаю. Ты можешь убить меня, но не сдѣлаешь этого, так как тогда сам и твоя семья погибнут. Открой же двери и пусти меня.

Послѣ мучительнаго молчанія и снова какого-то шороха дверь осторожно пріоткрылась и Жада услышал женскій шопот: — иди сюда.

Он сдѣлал шаг вперед, двери закрылись и полный мрак окутал его.

Женщина спросила — что ты хочешь?

Пришлось повторить. Тогда она чиркнула спичку и зажгла керосиновую коптилку, при слабом свѣтѣ которой Жада замѣтил вблизи очага Ахмета

Не труслив был Жада, но невольно мороз прошел по кожѣ его. Почти рядом, согнувшись как для прыжка и с кинжалом в рукѣ стоял страшный человѣк и смотрѣл на Жаду таким ненавидящим, звѣриным взглядом горящих как угли глаз, точно одними ими он собирался Жаду убить.

Жада протянул руку, от котораго Ахмет отскочил к стѣнѣ и схватил стоявшую винтовку. Тогда к Ахмету подошла жена, положила руки на плечи его и, глядя в глаза, начала что то шептать; стал меркнуть огонь его глаз, голова опустилась на грудь, безсильно вывалилась из рук винтовка и он взглянул на Жаду; и взгляд то был не звѣриный, а простой человѣческій и такой ласковый, который говорил, что в диком звѣрѣ сочетался и глубокій человѣк.

Он сам подошел к Жадѣ, протянул руку и оба они сѣли на ковер.

Жада сказал: — Ахмет, ты боишься солдат, боишься меня. Не бойся, они не тронут тебя. Но и ты прикажи своим их не трогать. За что ты их убивал? Если ты их оставишь в покоѣ, то можешь ѣздить к женѣ и дѣтям и бойся тогда не нас, а своих врагов. Мы же будем друзьями. Пріѣзжай через недѣлю вечером ко мнѣ и ты убѣдишься в этом.

Растерянно и благодарно схватил Ахмет руку Жады и отвѣтил: — я вѣрю тебѣ, командир, ты русскій офицер и я прійду к тебѣ в первый день послѣ новолунія.

Жада встал, простился и вышел. Вскорѣ два раза раздался свист и собравшійся отряд, гадая о непонятном ночном походѣ, зашагал к посту. На востокѣ появилась золотая полоса и первая стая розовых скворцов шумно полетѣла на дневную работу.

VI.

Прошло новолуніе, и с ним закатился и пламе-

нем дышавшій іюль и близился конец августа.

Об Ахметѣ ни слуха и Жада уже стал сомнѣваться в успѣхѣ своей затѣи, как вдруг, однажды поздно вечером, в том самом окнѣ, в которое недавно еще стучал лавочник-армянин, раздались два осторожных и легких удара.

Окно это, выходившее сзади поста, служило для Жады способом тайных его сношеній с нужными ему секретными сотрудниками по борьбѣ с контрабандой и об этом сказал конечно Жада при свиданіи Ахмету и, когда он подошел к окну, то на сей раз увидѣл прильнувшееся и скалившее зубы лицо Ахмета. Как всегда он сам открыл входныя двери, впустил Ахмета и провел его в кабинет. Никто таинственнаго посѣтителя не видѣл, и часовой у поста, мимо котораго обоим пришлось пройти, не обратил никакого вниманія: уж, если сам командир ведет, значит так и должно быть.

На ломанном русском языкѣ Ахмет сказал: — у Ахмета много врагов, трудно было Ахмету пройти сюда, но я пришел к тебѣ, командир, чтобы и ты вѣрил Ахмету.

Пристально взглянул Жада на Ахмета, затѣм подошел к стѣнѣ, снял и вынул из ножен кавказскій кинжал. Еще не понимая в чем дѣло, Ахмет широко расширенными сверлящими зрачками глядѣл на Жаду.

Жада подошел к Ахмету и сказал: — я вѣрю тебѣ, Ахмет, но, чтобы вѣра наша друг в друга стала священной, закрѣпим ее кровью нашей, как это дѣлали отцы и дѣды родины твоей.

Радостно улыбаясь Ахмет встал и вынул свой кинжал. Тогда они подошли друг к другу, обнажили по локоть лѣвыя руки и каждый своим кинжалом, сдѣлав надрѣз, окровавленным концом клинка провел по ранкѣ другого. Пожав затѣм друг другу руки, Ахмет сѣл, а Жада вышел и приказал принести угощеніе; вскорѣ жареная баранина, томаты, чурек и графин водки красовались на столѣ.

Ахмету как правовѣрному пить нельзя было, но далекая холодная Сибирь и леденая тоска, разъѣдавшая его душу, пріучили его к огненному напитку, от котораго тѣлу становилось теплѣе, а согрѣтая душа временно забывала свою боль и голова заволакивалась туманом забвенія.

Ахмет много ѣл, много пил и откровенно отвѣчал на всѣ вопросы офицера. Вѣдь он теперь брат по крови, самый близкій человѣк. Так развѣ смѣл он, Ахмет, говорить неправду или что то утаить. И кончилось их куначество тѣм, что Ахмет ушел от Жады вѣрнѣйшим его слугой и предателем довѣренной ему контрабанды.

Ахмет, ненавидя весь мір, ненавидѣл и часто обмановавших его купцов-контрабандистов и уходя, и желая доказать дружбу и благодарность офицеру, сказал: — я хочу тебѣ счастья, хочу себѣ счастья; Ахмет тебѣ скажет, когда и гдѣ поведет караван. Лови, командир. Довольно собакам деньги наживать, людей надувать, пускай и они поплачут.

И скоро загремѣли на границѣ выстрѣлы и счастливый ротмистр отбил 26 коней с 200 пудами чая.

В благодарность Жада заставил Ахмета принять 500 персидских туманов и обѣщал каждый раз благодарить его.

Совсѣм покоренный и неожиданной возможностью ускорить рисовавшееся ему счастье, получая деньги от купцов и Жады, Ахмет дал офицеру еще два каравана, а на третьем уже зимой, случилось несчастье: с караваном скакал сын владѣльца контрабанды, богатаго Шушинскаго купца красавец армянин Саркис Бегляров.

Шальная пуля пробила ему голову и вмѣстѣ с 37 вьюками Жада привез на пост застывшій труп жениха Саркиса.

VII.

Первыя три столкновенія контрабандистов и потеря приблизительно половины всей контрабанды хотя

и вызвала тревогу среди них, но особенных подозрѣній не возбудили, но послѣднее задержаніе, благодаря умѣло разставленным секретам, поставленным не только по указаніям Ахмета, но и по особенно принятым мѣрам ротмистра Жады, громом поразило контрабандистов: они потеряли цѣликом весь караван и, бросив его, спѣшили сами скрыться.

И в это время, когда Жада ликовал, над головой Ахмета начали собираться тучи.

Родственники убитаго Саркиса Беглярова и его невѣсты, твердо рѣшившіе всѣми способами выяснить и уличить доносчика и отомстить смерть Саркиса, установили наблюденіе за самим Ахметом, хотя тот больше всѣх возмущался, клялся и сам разогнал болѣе половины своей шайки. Всегда очень осторожный и чрезвычайно хитрый Ахмет однако почувствовал, что, благодаря гибели Саркиса, вокруг него что то неладно и, отказавшись на отрѣз от конвоированія в ближайшее время, якобы до выясненія доносчика, контрабанды, сам рѣшил еще раз повидать Жаду и, захватив свою семью, безслѣдно скрыться с ней.

Проявляя живѣйшее участіе в розысках доносчика, набирая шайку новых людей и не показываясь у Жады, он для видимости сдѣлал два мелких грабежа; и в это же время он был нѣсколько раз у Жады и приготовился к побѣгу. Когда все было готово он наканунѣ вечером, соблюдая чрезвычайную осторожность, направился, крадясь в камышах, к офицеру. Снова раздался стук в окно и Ахмет оказался в знакомой ему комнатѣ.

Волнуясь и тяжело дыша он сказал Жадѣ: — Прощай, командир, спасибо тебѣ. Еще ночью Ахмет уйдет с дѣтьми далеко, далеко, потому что у него всѣ враги, только ты друг, и Ахмета здѣсь убьют.

Он пожал крѣпко руку офицера и сейчас же вышел и утонул во таракѣ с тѣм, чтобы затѣм уйти во мрак вѣчный. В третій раз судьба ему измѣнила и не дала то счастье, о котором Ахмет мечтал всю жизнь.

Ахмет совсѣм не знал, что подкупленные и сами горящіе местью Каракенделинцы уже много ночей караулили каждый шаг Ахмета и, когда он был уже недалеко от своей сакли, он был сбит с ног страшным ударом и в ту же секунду десятки рук навалились на него, скрутили руки и ноги и поволокли в полной тишинѣ к Араксу, переправились в Персію и привели его в отстоявщую в 2-х верстах от рѣки деревню, в которой формировался и всегда подготовлялся караван контрабанды перед прорывом границы. Здѣсь его бросили в яму, прикрѣпив цѣпи к бревну.

На другой день к вечеру вся окрестность знала, что доносчика поймали и что доносчик сам страшный Ахмет и в деревню стал стекаться народ. Всѣ, кто так или иначе связан был с контрабандой: поставщики вьючных коней под тюки, чарводары т. е. вожаки каждой пары вьючных коней, лазутчики и наконец вооруженные конвойные, истые разбойники; появилась на конях шайка разогнанных Ахметом конвойных во главѣ с жестоким Сурхаем; пріѣхали пострадавшіе купцы и отец убитаго; здѣсь же конечно находились уличители Ахмета, его кровные враги каракенделинцы.

Всю ночь в битком набитой деревнѣ стоном стоял гомон, раздавались отдѣльные истерическіе крики и со стороны казалось, что это ожидающіе общую гибель сумасшедшіе люди.

С восходом солнца вся эта масса высыпала на околицу деревни и образовала большой круг, стоя и верхом на конях и верблюдах, а в срединѣ усѣлись на землѣ старики, беки и особенно чтимые люди. Затѣм в середину круга ввели Ахмета. Взрыв ярых криков, проклятій, стонов, угрожающих жестов огласил степь; медленным взглядом обвел толпу Ахмет и был его взгляд так ужасен, давил такой тяжестью и ненавистью, что возбужденіе стало падать, превратилось в слабый, как утихающій прибой, рокоть и люди отводили глаза, будучи не в силах смотрѣть на Ахмета.

Когда же встал бѣлый как лунь старик, отец убитой Ахметом жены, жуткая и мертвая тишина повисла над толпой.

Старик обратился к Ахмету: — Ахмет, имя твое давно проклято людьми, а теперь и Богом; ты знаешь свои ужасные грѣхи и понесешь то наказаніе, которое опредѣлит суд народный; но перед смертью ты всенародно должен покаяться и просить прощенья у народа.

Старик замолк и сѣл.

Все тѣм же взглядом сверля толпу, Ахмет отвѣтил: — над проклятіем вашим я смѣюсь; проклятіе Бога и Магомета пророка уйдет не со мной, а останется с Вами: это вы сдѣлали Ахмета разбойником; это вы заставили его 20 лѣт искать крова себѣ, это вы сдѣлали его предателем. Да будет благословеніе Всемогущаго над пріютившими меня Бегманлинцами. Вас же всѣх не прощенья прошу, а проклинаю и призываю проклятіе Бога на вас.

Как бѣшенная бросилась толпа к Ахмету, чтобы растерзать его на клочки, но старик поднял обѣ руки и закричал:

— Остановитесь, безумные, Ахмет не уйдет от суда и вы сами опредѣлите ту казнь, которую он заслужил.

VIII.

Ахмета увели, а когда зной стал спадать и солнце склониться к западу, снова собралась толпа для выясненія приговора.

Одни требовали немедленной кинжальной расправы на мѣстѣ, другіе разстрѣла, но в общем страсти лишь разгорались и грозили перейти в кровавую между собой драку.

Тогда старик стал снова махать руками и, пользуясь затишьем, сказал толпѣ: — все, что вы предполагаете, не то; надо Ахмета так казнить, чтобы люди помнили это мѣсто и знали, как наш народ расправ-

ляется с предателями. Пусть Сурхай выйдет и скажет, что он думает. — Сурхай сказал: собакѣ — собачья смерть, убить не долго, пусть медленно сдыхает с голоду. Закопать в степи по шею, а чтобы не убѣжал— разбить пятки палками.

Общим воем толпа приняла предложеніе.

Ахмета притащили, привязали оголенныя по колѣни ноги к жерди, подняли вверх и стали бить твердыми камышевыми палками, сначала по пяткам, потом по икрам; лопнула кожа, полилась кровь, хрустнули кости.

Ахмет лежал на груди, обхватив голову руками и, казалось, умер. Стали отваливаться куски мяса, кровь лилась ручьем и стали оголяться кости. Когда вмѣсто ног остались лишь костяки, истязатели, держась за жердь, потащили Ахмета в степь; толпа с воем двинулась за ними.

Здѣсь вырыли яму и, стоймя зарыли Ахмета; затѣм толпа молча стала за ним наблюдать и вдруг она начала пятиться назад все дальше и дальше, а многіе, не выдержав повернулись и побѣжали к деревнѣ: страшная голова Ахмета ворочая бѣлками смотрѣла на толпу убійственным взглядом, горѣвшим костром ненависти, готовым, казалось, живьем сжечь каждаго, кто неосторожно приблизится к ней.

Вскорѣ исчезли всѣ и голова осталась одна.

Кроваво огненный диск солнца, бросая послѣдніе слабые лучи на красном западѣ тонул за горизонтом, окрасив голову Ахмета в багряно красный цвѣт. Затѣм надвииулся мрак и выплыла луна; мертвым блѣдным свѣтом освѣтилась степь и жутко выдѣлялась бритая голова Ахмета каким-то бѣло-желтым пятном, а в степи послышались таинственные шорохи пробуждающейся ночной жизни; выползли змѣи за ночной добычей, своим неподвижным зрачком парализуя жертвы, но, наткнувшись на голову Ахмета, змѣи сами застывали под его взглядом и, изгибаясь, уползали прочь. Шакалы, чуя запах крови, подбѣгали к головѣ, но опрометью бросались прочь от взгляда Ахмета и садились

в отдаленіи, оглашая степь душураздирающим воем и дѣтским плачем; двѣ гіены, горбя спины, неуклюжей рысцей подбѣжали к головѣ и вдруг, скаля зубы, остановились: одна, еще глубже зажав хвост и подгибая вислый зад, сразу стала пятиться боком назад, подняв морду и огласив степь своим отвратительным воем; другая, не рискуя приблизить свою морду к головѣ, ударила ее передней лапой и, испугавшись, смѣшными скачками, побѣжала в степь. Страшна была голова и на другой день истязатели осторожно убѣдились, что она жива, а значит правда, Ахмет умрет от голода. Но Бог смилостивился над Ахметом и послал избавленіе: над его головой, высоко в небѣ, появилось нѣсколько орлов и вдруг один из них, огромный, царственный, стал камнем падать вниз и сѣл на голову Ахмета; его спутники опустились в нѣскольких шагах. Долго озирался орел, затѣм впился когтями в череп, нагнул голову и с размаху клюнул в глаз. Дернулась голова и вмѣсто глаза глянула в степь черная впадина. Второй раз клюнул орел, слабѣе дернулась голова и навсегда потух второй огонь и смотрѣли теперь в степь никому уже не страшныя двѣ черныя дыры.

Орел собрался и улетѣл и тогда подошли спутники и желѣзными клювами стали дробить голову. Долго возились они у головы, потом улетѣли. Тогда только издали наблюдавшіе люди подошли к головѣ: они нашли только пустую чашку, а через глазныя впадины уже безбоязненно переползала змѣя.

Ротмистр Жада. узнав об убійствѣ Ахмета, перевелся в Туркестан в Аму Дарьинскую бригаду, а вдова Ахмета переселилась в Персію и долго еще послѣ его гибели оглашала степь плачем и воем на том мѣстѣ, гдѣ теперь стоит камень с нацарапанными по персидски двумя словами: „А х м е т - п р е д а т е л ь“.

Вѣрочка.

Штаб одной из пограничых с Персіей Бригад расположен был в очень глухом мѣстѣ.

Таком глухом, Богом забытом и людьми проклятом, что даже Штаб Корпуса в первое время не знал туда даже путей и направлял назначенных в бригаду на службу офицеров к послѣднему Воинскому Начальнику, от котораго они получали дальнѣйшія указанія, приводившія в концѣ концов их в глубокое ущелье, окруженное высокими, голыми, разнообразнаго оттѣнка горами, по правому склону тянулись одноэтажныя бѣлыя каменныя постройки Штаба, а по лѣвому лѣпились, забираясь все выше и выше, нелѣпыя, в безпорядкѣ разбросанныя жилища довольно большого урочища с рѣзко разграниченным татарско-армянским населеніем. По самому дну ущелья и по нижнему склону пригорій постройки тонули в садах, виноградниках и между тутовыми, буковыми и тополевыми деревьями. Медленно и величественно плыли над ущельем облака, прорѣзая горы, то скрывая то оголяя вершины и неумолчный треск цикад стоном стоял в воздухѣ в жаркіе дни.

Невелико было общество заброшенное службой или судьбой в эту дыру; оно состояло из Командира Бригады, его помощника и нѣскольких офицеров Штаба с семьями, двух врачей, бригаднаго священника и многосемейнаго оружейнаго мастера, да в лѣвой туземной части обитали мировой посредник Гурман с женой и двумя взрослыми дочерьми, частный врач армянин и холостой начальник почтово-телеграфнаго отдѣленія.

Как водится на Кавказѣ общество это жило дружно, насквозь знало друг друга и коротало время или за винтом, составлявшим главное развлеченіе, или за вечеринками с неизмѣнным томадой и тостами, пунктом встрѣч являлся также так называемый бульвар, вѣрнѣе дорожка, пролегавшая вблизи командирскаго дома с 2—3 скамьями, гдѣ по вечерам немногочисленная публика наслаждалась прохладой пока не сколачивался у кого-либо очередной винт, в коем равное участіе принимали как мужчины так и дамы.

Прибытіе каждаго новаго лица или вновь назначеннаго офицера было уже цѣлым событіем, вносившим разнообразіе в однотонную жизнь, являясь как поводом для разговоров, так даже и для устройства экстраординарной вечеринки.

Особенно интересовалось общество пріѣздом каждой новой дамы, уже задолго в ожиданіи волновалось и строило разныя предположенія и поэтому ничего удивительнаго нѣт что, когда стало извѣстным о скором пріѣздѣ окончившей институт дочери Командира Бригады, всѣ искренне обрадовались, а особенно холостяки и обѣ дочери мирового посредника, справедливо рѣшившія, что ея пріѣздом жизнь оживится и противный винт должен будет уступить свое мѣсто болѣе интересным развлеченіям.

Еще с большим нетерпѣніем ждали свою дочь родители ея, старый кавказец полковник Кайдаров и жена его добродушная прибалтійская нѣмка Ядвига Викторовна, приготовившіе ей с особой заботой и любовью уютную свѣтлую комнатку, окнами выходившую на расположенный впереди обширный плац и манеж Учебной Команды.

Наконец наступил и долгожданный день пріѣзда и рано утром всѣ уже знали, что выѣхавшій на встрѣчу четвериком сам командир вернулся поздно ночью с дочерью и водворил ее на жительство в ея прелестную комнату; расфранченный и прилизанный командирскій деньщик в бѣлоснѣжной рубашкѣ и зеленом полковом кушакѣ бѣгал с порученіями и разсказывал

небылицы, а на плацу Учебной Команды не слышно было обычных громких команд, чтобы не нарушить сон спавшей за спущенными шторами молодой барышни.

Вечером же скромный бульварчик собрал буквально все общество, которое чинно гуляя или сидя на скамейках и вынесенных стульях наблюдало за командирской верандой, на которой очевидно пили чай и иногда раздавался звонкій серебристый смѣх пріѣзжей, которую несомнѣнно смѣшил этот противный адъютант, холостой ротмистр Головенко, насмѣшник и сибарит, по должности своей первый попавшій к командиру и теперь так вызывающе вторившій за стаканом чая своим смѣхом ея хохоту.

Больше всѣх волновался маленькій и юркій частный врач армянин Захар Иваныч Тер-Абрамьянц. Вѣчный циник, неизмѣнно проглатывавшій арбузы при всякой попыткѣ найти свое семейное счастье, он увѣрен был, что Головенко расписывал все общество и в частности его, к чему впрочем были солидныя основанія, так как внѣшность медицины была дѣйствительно комична с его кривыми короткими ножками, огромными ушами и большим горбатым носом на широко улыбающемся лицѣ, украшенном рѣдкой козлиной бородкой, которую он постоянно кусал зубами и получал замѣчанія дам:

— Захар Иваныч, борода ваша не сахар.

Впрочем уродом сам себя он не считал, в счастьи не сомнѣвался и на сей раз особенно прифрантился и надушился, втайнѣ лелѣя Бог знает какія мечты.

Но вот стулья на верандѣ задвигались и сидѣвшіе стали спускаться по лѣстницѣ, направляясь к бульвару и вскорѣ все общество познакомилось с прелестной тоненькой и стройной блондинкой, непринужденно, весело и открыто вступившей в общій разговор, как будто она давным давно всѣх знала.

Только по одним глазам ея, зеленовато-сѣрым, иногда дѣлавшимся темными и скрытыми под длин-

ными, совсѣм темными рѣсницами, можно было догадаться, что она внимательно разсматривает своих собесѣдников.

Слегка прищуренные, они временами широко раскрывались, становились влажными и с каким то упорством останавливались то на том, то на другом лицѣ; кокетливо и шаловливо падавшій на ея лоб локон почти касался таких темных как рѣсницы бровей, характерный излом которых сочетал в себѣ и рѣшительность и нѣкоторый каприз.

Конечно она сразу примкнула к сестрам Гурман и между ними завязалась болтовня, а командир на радостях, оставив дочь на попеченіи гулявших, рѣшил повинтить и, с трудом сколотив партію, в том числѣ обалдѣвшаго и упиравшагося медика, потащил их на веранду, гдѣ хозяйка уже ждала гостей.

Когда игроки ушли, Вѣрочка не удержалась и спросила: — а что доктор холост?

Потом разсмѣялась и добавила: — очень боюсь, вѣдь эти кавказцы страшно знойны, а вдруг заразят и меня!—Всѣ разсмѣялись, а адъютант, рисуясь, нашел, что замѣчаніе знаменательно, но слава Богу не страшно.

В это время на бульварѣ показались три офицера, медленно шедшіе рядом.

Их запыленные костюмы, высокіе, перетянутые выше колѣн ремнями сапоги, патронные пояса и загорѣлыя до бронзы лица ясно указывали, что это прибывшіе с границы: в руках они несли легкіе карабины.

От группы сидѣвших отдѣлился бравый и лихой подполковник с русой бородкой, квартировавшій при Штабѣ Командира 3-го Отдѣла, и пошел навстрѣчу офицерам; приняв от них рапорт и поговорив, подполковник вернулся обратно и сказал: — это прибыли поручики Чистов и Ковальскій, вызванные из 2 Отдѣла Штабом Бригады, а корнет Петенька пріѣхал с моего разрѣшенія; безпутники конечно списались и

ранѣе как через три дня их не выкуришь по своим мѣстам; вот, Вѣра Григорьевна, — обратился он к пріѣзжей,—было бы благое дѣло, если бы вы попробовали бы приручить этих молодчиков, но вряд ли это вообще возможно. Впрочем вы сами в этом сейчас убѣдитесь: они обѣщали прійти, как только почистятся с дороги.

Вѣрочка разсмѣялась и спросила, почему одного из них так просто называют Петенька? — А видите-ли вѣстовой „Офицерскаго Пріюта" постоянно слышал как его так называли друзья и, когда однажды командир бригады, сидя в обществѣ на балконѣ, громко окликнул проходившаго вѣстового не пріѣхал ли кто с границы?, тот рявкнул во всю глотку: — так точно, Ваше Высокородіе, их благородіе корнет Петенька пріѣхали. С тѣх пор он таким и стал, и это не обидно, вѣдь он самый юный у нас.

Скоро подошли и пріѣзжіе офицеры: высокій со сложеніем Геркулеса и мрачным видом поручик Чистов, жгучій брюнет с черными усами и чудным баритоном, организатор всяких кутежей поручик Ковальскій и тонкій и высокій Петенька, неизмѣнно краснѣвшій при дамах и усиленно щипавшій еле примѣтные хвостики усов.

Офицеры защелкали шпорами и стали здороваться с публикой и знакомиться с барышней и, когда Петенька подошел к Вѣрочкѣ, глаза ея потемнѣли, широко открылись, и она улыбаясь и обнажая чудные зубы, чуть дольше задержала руку и спросила: — — а мнѣ можно звать вас Петенькой?

Смущаясь и краснѣя корнет забормотал: — конечно, конечно, но вы вѣдь меня совсѣм не знаете.

— А что же мѣшает нам ближе познакомиться? задорно замѣтила Вѣрочка и добавила: — вы не думайте—я не скучная и очень люблю пошалить.

— Да, но к сожалѣнію у нашего Петеньки шалости кончаются катастрофами,—вмѣшался наблюдающій за сценой Ковальскій, — вы попросите чтобы он вам

разсказал про Одессу и вы догадаетсь, что ему вряд ли хочется повтореніе ея, а теперь простите нас, мы должны идти явиться к вашему батюшкѣ.

Когда пріѣзжіе ушли, Вѣрочка взяла под руки обѣих барышен посредниц и уединилась с ними на бульварной тропинкѣ, распрашивая то, что ее заинтересовало послѣ перваго знакомства с обитателями урочища. Явившимся на верандѣ офицерам командир сказал: — завтра по случаю пріѣзда дочери я прошу вас, господа, вечером на чашку чая, а послѣзавтра по окончаніи своих дѣл прошу отправиться по своим отрядам.

Исполнив свою обязанность офицеры сошли с веранды и быстрыми шагами направились в туземную часть урочища; послѣ долгаго одиночнаго скучнаго прозябанія на своих постах на границѣ, сойдясь наконец вмѣстѣ, они спѣшили сообща встряхнуться к мѣстному Елисѣеву армянину Аветисову, у котораго раз навсегда была предоставлена в их распоряженіе комната и сад при домѣ, в котором Аветисов уже хлопотал, устраивая обильное угощеніе для рѣдких, веселых и безшабашных гостей, по дорогѣ Петенька волнуясь горячо укорял Ковальскаго за выдачу пріѣзжей барышнѣ столь непріятной для него одесской исторіи, называл это вопіющим свинством и не товарищеским поступком.

Ковальскій хохотал и находил, что наоборот он только исполнил свой долг, ограждая Петеньку от сердечных потрясеній, которыя на сей раз могут кончиться не столь благополучно как Одесскія. Вскорѣ однако за столом всѣ обиды были забыты, как забыты были и всѣ другія житейскія и служебныя невзгоды; громкая болтовня, тосты, хохот и пѣсни воцарились в саду и далеко кругом слышен был чудный баритон Ковальскаго, пѣвшаго под гитару романсы, а на верандѣ командира, облокотившись на перила, тронутая непонятным и смутным волненіем сидѣла Вѣрочка и, прислушиваясь к голосу, думала: — нѣт, здѣсь положительно есть интересные люди и время

можно провести очаровательно; надо только во что бы то ни стало приручить этих молодчиков.

На другой день вечером гости стали стекаться к командиру, встрѣчал гостей он сам вмѣстѣ с Вѣрочкой.

Хозяйка же хлопотала на кухнѣ, присматривая за изготовленіем угощенія, всегда обильнаго и всегда отмѣнно вкуснаго. Она появлялась лишь на короткое время, чтобы поздороваться со вновь прибывшими, перекинуться словом — другим, и вновь исчезала, озабоченная ужином.

Хозяева славились своими пріемами; и оба они были людьми гостепріимными и большими хлѣбосолами; в особенности любил щегольнуть радушіем и широтою пріема сам полковник, по наружности со своими стриженными под гребенку сѣдыми волосами, густыми нависшими бровями и короткими щетинистыми усами, производившій впечатлѣніе весьма суровое, но на самом дѣлѣ был он человѣк очень добрый и иногда даже слишком мягкій. И теперь, души не чая в своей младшей дочери, своей любимицѣ, он достойно хотѣл отмѣтить день ея прибытія и пригласил не только всѣх мѣстных аборигенов, но разослал приглашенія в сосѣднее урочище, гдѣ жил начальник уѣзда и была таможня, а также офицерам казакам Кубанских сотен, приходивших лѣтом для усиленія охраны границы и находившихся в его распоряженіи.

Постепенно комнаты стали наполняться гостями и сдержанным говором не разошедшихся еще голосов. Среди дам, в большинствѣ мечтавших о винтѣ, образовалась группа из пяти барышень, которыя ненавидѣли „эти вѣчные карточные вечера“ и томительно ожидали казачьих офицеров, расчитывая, что свѣжіе кавалеры при содѣйствіи Вѣрочки внесут новую струю, новыя развлеченія, а может быть и возможность тайных мечтаній, совершенно безнадежных при всѣх попытках по отношенію к холостым пограничникам.

Среди барышень находилась и молоденькая жена отца Василія, бригаднмго священника, недавно назначеннаго академика. Весь ея облик, кокетливая и миловидная наружность, живость и даже нѣкоторая вольность в обращеніи мало гармонировали со словом „матушка" и бѣдный священник готов был иногда провалиться сквозь землю, глядя как щебечет и рѣзвится его благочестивая супруга, которая на его замѣчанія неизмѣнно отвѣчала: — а ты бы пошел лучше Богу за мои грѣхи помолиться, чѣм дѣлать мнѣ выговоры.

Ожиданіе казачьих офицеров было вполнѣ понятно, так как они только на днях прибыли и были никому неизвѣстны.

Наконец появились и они: их было трое. Два из них с простыми и характерными казачьими лицами, в черных черкесках, ничѣм особенным не выдѣлялись, да при том они оказались семейными; но третій сразу приковал к себѣ общее вниманіе: средняго роста, в красном бешметѣ и бѣлоснѣжной черкескѣ с серебрянными газырями и цѣпочками, с великолѣпным отдѣланным серебром и камнями кинжалом, вошел он неслышными шагами в туго обтянутых чувяках так граціозно, непринужденно и в то же время скромно, что сразу стало видно, что офицер этот тонко воспитанный человѣк; его нельзя было назвать красавцем, но все лицо его с небольшой русой бородкой и усами, открытым взглядом карых глаз и привѣтливой улыбкой было крайне симпатично. Не успѣл он обойти находившихся в залѣ, как был атакован бойкой матушкой, плѣнен и подвергнут перекрестным вопросам сразу ожившихся барышень.

Послѣдними прибыли, как и слѣдовало ожидать, постоянно опаздовавшіе почему то званные вечера, три наших пріятеля; одѣты они были щеголевато и однобразно: в бѣлоснѣжных кителях и шассерах. Почтительно выслушав головомойку командира за опозданіе, они немедленно были атакованы Вѣрочкой, ко-

торая объявила им, что они являются на сегодняшній день ея пажами и лишаются своей воли.

Когда игроки удалились в командирскій кабинет и засѣли за винт и в залѣ оставалась молодежь и неиграющіе в карты, а также маленькій доктор, наотрѣз отказавшійся от винта, то поручик Ковальскій, бывшій не только прекрасным пѣвцом, но и дирижером, организовал танцы.

Модные в то время танцы, вальсы и кадрили с самыми головоломными фигурами и неожиданными трюками, на которые Ковальскій был изобрѣтателен до безконечности, безостановочно чередовались друг за другом.

Вѣрочка танцовала первую кадриль с дирижером, вторую с Петенькой, а третью с адъютантом; доктор путал, терял свою даму и с чисто южным экстазом носился по залу, выдѣлывая кривыми ножками такіе смѣшные па, что публика смѣялась до слез.

Наконец появилась хозяйка и стала просить гостей к ужину.

Ковальскій пропѣл: — „дамы приглашают кавалеров“ и сам в то же время подхватил под руку матушку. Вѣрочка взяла Петеньку, а старшая посредница, полная шатенка с глазками газели, Муся успѣла перехватить бѣлаго казака; младшая сестра Катенька обидѣлась и осталась в одиночествѣ. Шумно и весело разсаживались гости за двумя длинными столами, уставленными разнообразными закусками и напитками; за столом молодежи, за которым устроились и так называемые „музыканты“, т. е. любители лишней рюмочки вина, а также вступившій в свою коронную роль томады доктор Захар Иванович, царило особенное оживленіе и даже Катенька успокоилась, так как случайно оказалась визави бѣлому казаку. И только поручик Чистов, засѣвшій с музыкантами, укоризненно качал головой, поглядывая в сторону Петеньки.

Вѣрочка схватила первую попавшуюся бутылку бѣлаго вина, налила до краев двѣ рюмки и сказала

Петенькѣ: — прежде чѣм ѣсть, чокнемся за нашу дружбу.

Мелодично и тонко звякнуло стекло, губы прильнули к искрившейся влагѣ и Петенька почувствовал, как вмѣстѣ с глотком что то волнующее поплыло по его тѣлу, отразилось слабой щемящей болью в сердцѣ. Когда он взглянул на Вѣрочку, то увидѣл, как на него пристально глядѣли два потемнѣвших ея глаза, тотчас прикрывшіеся вѣками с длинными загнутыми рѣсницами.

— Ну вот, как хорошо, что мы так просто подружились; теперь я имѣю право спрашивать, а вы мнѣ как другу должны отвѣчать. Хорошо?

— Слушаюсь, постараюсь исполнить ваше желаніе.

— Скажите, вы давно знали вашу одесскую невѣсту?

Корнет покраснѣл и на лицѣ его появилась страдающее выраженіе; он умоляюще взглянул на Вѣрочку и тихо отвѣтил: — вѣдь вы, Вѣра Григорьевна, все уже видно знаете, охота вам меня мучить.

— А если мнѣ хочется вас немного помучить, неужели вы откажете мнѣ в этом удовольствіи? конечно нѣт. И так отвѣчайте!

Петенька как то съежился, уставился в одну точку и тихо отвѣтил: — юнкером встрѣчался нѣсколько раз, потом два года не видѣл и затѣм проѣздом через Одессу сюда на службу.

— Долго вы были в Одессѣ?

— Пять дней.

— И через пять дней уѣхали женихом?

— Да.

Вѣрочка разсмѣялась и воскликнула: — вот это мнѣ нравится, быстро до головокруженія и даже самозабвенія. Ну-с, а что же вас заставило потом умереть? Вѣроятно избыток счастья?

— Вѣра Григорьевна, вы потѣшаетесь надо мной. Тогда скажу вам прямо: не я умер, но меня сдѣлали мертвым. Когда я пріѣхал и сказал Чистову и Коваль-

скому, что скоро женюсь, они меня подняли на смѣх и вдолбили в голову, что возмутительно, жестоко, безчеловѣчно привести на границу молодую жену и замуровать ее в полном одиночествѣ на посту среди скорпіонов, фаланг, змѣй, комаров, маляріи и прочих адовых мук. Об этом я писал, но мнѣ не вѣрили и я перестал отвѣчать на письма. Тогда родитель справился обо мнѣ побочным путем и вот тут то друзья мои посовѣтовали отвѣтить, что я умер и этим сразу порвать всѣ нити. Когда я узнал, то был очень недоволен, но дѣло было сдѣлано и на мою женитьбу поставлен был крест.

— Как я рада, как я благодарна вашим друзьям; выпьем же за ваше воскрешеніе и я желаю... Знаете что? Я хочу, чтобы вы больше не умирали!.. Петенька!..

Вѣрочка опрокинула назад свою головку и, выпив до дна вино, так сильно поставила рюмку, что она разбилась. —Видите как искренно мое желаніе,— а затѣм, глядя в глаза Петенькѣ и наклонившись к нему, шепнула: — а стекло вѣдь бьется к счастью.

Пока шла эта бесѣда доктор уже давно вошел в свою роль и, по кавказскому обычаю, ужин пріобрѣл шумный с тостами и застольным пѣніем характер. От двух лишь однако эта бесѣда не ускользнула, а именно от Ковальскаго и бѣлаго казака. И теперь, когда за столом раздались просьбы к Ковальскому спѣть и Вѣрочка сказала ему, — спойте же что нибудь, — Ковальскій наклонил голову и отвѣтил: — для вас с удовольствіем.

Он встал, наступила тишина. Ковальскій с улыбкой оглянул общество и остановил взор свой на Вѣрочкѣ. Выдержав паузу и не спуская глаз он запѣл глубоким, чудным, волнующим баритоном свой любимый романс:

Я боюсь разсказать, как тебя я люблю,
Я боюсь, что подслушавши повѣсть мою,
Легкій вѣтер в кустах вдруг в веселіи пьяном
Полетит над землей ураганом...

Невольно Петенька взглянул на Вѣрочку и взоры их встрѣтились; это было мгновеніе и, когда Ковальскій кончил, оба они сидѣли задумавшись и не замѣтив конца романса.

Оглушительные аплодисменты, крики браво, прекрасно, грянули за столами и среди поднявшейся суматохи медленно и неслышно подошел бѣлый офицер с рюмкой в рукѣ к Вѣрочкѣ; он поклонился и сказал: — я очень прошу разрѣшенія выпить спеціально за ваше здоровье.

Вѣрочка изумленно взглянула на казака, чокнулась с ним и, когда он послѣ поклона удалился, обратилась к Петенькѣ: — вы замѣтили? Что значила бы эта спеціальность?

— А ничего,—отвѣтил Петенька, — просто кажется теперь настала его очередь умирать. Поживем — увидим.

Вѣрочка отлично замѣтила, как бѣлый офицер, сидя рядом со своей дамой, все время смотрѣл в ея сторону; она поэтому по своему объяснила это спеціальное желаніе ей здоровья и фраза Петеньки вызвала загадочный взгляд, брошенный ею вслѣд удалявшемуся казаку.

II.

Шумно, двигая стульями, шаркая ногами и продолжая безостановичный разговор, встали гости из за столов и столпились вокруг хозяев, благодаря их за угощеніе; часть из них направилась в гостинную, откуда уже неслись звуки вальса, другая во главѣ с хозяином никак не могла разстаться с уютной столовой, намѣреваясь по кавказскому обычаю продолжать кунацкую с пѣснями бесѣду за чарой добраго вина.

Бѣлый казачій офицер остановился у дверей гостинной и, когда Вѣрочка с корнетом проходили мимо, поклонился ей и пригласил ее на очередную кадриль.

— Вот тебѣ на, — воскликнула задерживаясь Вѣрочка: — как же мнѣ быть? Я уже обѣщала кор-

нету... Впрочем постойте... Петр Петрович,—обратилась она к Петенькѣ, — вы не очень разсердитесь на меня? Уступите свою очередь сотнику... я с ним вѣдь не танцовала... А потом вы будете несмѣняемым моим кавалером! Хорошо?

— Слушаюсь,—щелкнул шпорами Петенька. — Ваше желаніе, Вѣра Григорьевна, равносильно приказу и ему я подчиняюсь; кстати я чувствую себя неважно и может быть сотник пріймет на себя вообще несмѣняемость... на сегодняшній вечер, — добавол он с удареніем.

Вѣрочка пристально посмотрѣла на корнета, сказала, — о, какой вы... ядовитый — и, взяв под руку сотника, вошла в гостинную, гдѣ нѣсколько пар уже кружились в вальсѣ и ея фигурка замелькала среди танцующих. Одну секунду, слѣдя глазами, Петенька замѣтил, что они во время танца о чем то говорят, замѣтил, как Вѣрочка разсмѣялась взглянув в его сторону и, круто повернувшись, он подошел к столу, вокруг котораго уже сидѣли, прочно бросив якорь, любители покутить. Вѣстовые вносили бутылки с вином и Ковальскій хлопотал над приготовленіем особенно вкусной жженки для мужчин и нѣжнаго ароматнаго крюшона для дам, с таким же искусством смѣшивая разные напитки, с каким он в кадрили запутывал и перемѣшивал пары, создавая все новыя и новыя фигуры из того хаоса, в котором казалось разобраться уже было нельзя.

— Наконец то имѣю счастье видѣть тебя погибшее, но далеко не прелестное созданіе, — завопил скаля зубы Чистов, — аки блудный сын садись Петенька около меня и принеси за чаркой покаяніе.

Корнет сѣл рядом с Чистовым и с наслажденіем залпом выпил стакан краснаго вина; странное ощущеніе переживал он; тот туман, сладкій и одуряющій, который начинал было заволакивать его, сжимая дыханіе и вызывая какое то щемящее и пріятно-тоскливое чувство, стал разсѣиваться, вызывая удивительную лег-

кость и Петенька безотчетно улыбался всѣм своим существом ясно воспринимая радость бытія.

И когда Чистов, точно угадывая его состояніе, сказал: — жалѣю я, брат, тебя, глядя как ты себя окончательно хочешь угробить,—Петенька схватил бутылку, налил Чистову и себѣ вина и, чокаясь с ним и смѣясь, воскликнул: — на сей раз ошибся, я жить хочу и пью за жизнь!

С азартом осушил он снова стакан и образ Вѣрочки с ея загадочным вглядом стал таять, вызывая желаніе веселиться, точно произошло избавленіе от какой то надвигавшейся опасности.

Когда запылал сахар, облитый ромом, Петенька окончательно забыл Вѣрочку, танцы, смѣялся, подпѣвал и радовался, что на другой день он уѣдет в свой отряд.

В это время в гостинной танцовали уже кадриль.

Ковальскій отказался дирижировать и вел его сотник. Дирижировал он умѣло, но видимо заученно и у него отсутствовали тѣ трюки и неожиданности, которыми отличался Ковальскій, заражая всѣх будирующим весельем.

Поэтому она скоро окончилась, не подняв настроенія, а скорѣе вызвав даже нѣкоторое утомленіе. Только Вѣрочка чувствовала себя счастливой: увѣренная в побѣдѣ своей над Петенькой, она рѣшила покорить и казака, восторженно смотрѣвшаго на нее своими карыми глазами. С чисто женским лукавством кокетничая с ним, она дразнила его корнетом, называя его постоянно Петенькой, и добилась того, что казак начал за это дуться, открыто ревновать и наконец сознался, что это ему не нравится.

— Ах вот как, вы уже показываете свой характер! Уже злитесь и так скоро! За это будете наказаны: пойдите, попросите ко мнѣ корнета, скажите, что я хочу сказать ему что то важное и смотрите, когда он прійдет будьте паинькой, иначе я стану на вас сердиться и тогда вы сами на себя попеняете.

Сотник вспыхнул но тотчас сдержался и, отвѣтив, — слушаюсь—пошел в столовую.

Вѣрочкѣ понравилось сердить его, к тому же она поняла, что танцуя кадриль с казаком, она сильно уколола Петеньку и теперь ей захотѣлось приласкать Петеньку и помучить еще больше сотника, а там, играя обоими, видно будет, кто из них лучше. Ей нравился и Ковальскій и очень хотѣлось бы и его видѣть среди своих поклонников, но каждый раз когда ей приходилось с ним говорить и танцовать, Ковальскій как будто нарочно начинал подтрунивать над Петенькой и в этом Вѣрочка угадала, что не только пока не стоит обращать вниманія на Ковальскаго, но надо быть осторожной и в отношеніях к Петенькѣ.

К удивленію Вѣрочки Петенька не пришел; веселый и довольный сотник сказал, что корнет очень извиняется, что он не может прійти, так как вѣроятно во время танцев подвернулась нога и он не может ходить.

Вѣрочка почувствовала, что теперь ей стало почему то непріятно, даже тоскливо, однако улыбаясь она встала, сказала казаку, — спасибо, подождите меня секунду—и быстрыми шагами подошла к дверям столовой как раз в тот момент, когда там крикнули ура дорогому хозяину и всѣ чокались с командиром, бывшем в прекрасном настроеніи духа. Петенька с Ковальским стояли и корнет хохотал до слез, слушая Ковальскаго и не замѣчая смотрѣвшей на него Вѣрочки.

Закусив губы, молча со слезами на глазах от досады, Вѣрочка вернулась к сотнику и недовольно замѣтила: — да он видно очень болен и прав был, сказав вам, что вы будете моим несмѣняемым кавалером, конечно только на сегодняшній вечер, не правда ли? — добавила Вѣрочка, глядя на сотника.

— Нѣт, неправда, — возразил казак, — вы не знаете, что я цѣлую недѣлю буду здѣсь и постараюсь вам надоѣдать каждый день.

— Хорошо, а я постараюсь устроить так, чтобы и корнет здѣсь остался, пока у него не поправится нога.

— Готов всему подчиниться, но мнѣ почему то не вѣрится в его болѣзнь.

У Вѣрочки сразу пропала охота танцовать и она сказала: — я очень устала и пойду скажу мамѣ, что пора кончить танцы, а вы приходите завтра на бульвар, может быть увидите меня там с корнетом?

— Вѣра Григорьевна, вы меня просто мучите, но я смиренно принимаю это, чтобы... чтобы вы остались довольны моим характером.

Танцы между тѣм уже выдохлись, замѣтно было утомленіе и кое кто уже стал прощаться. За первыми потянулись и другіе и дом быстро стал пустѣть. Шумно и кутнувши кончала свой пир и столовая: прощаясь с хозяевами и Вѣрочкой гости двинулись в прихожую; в этот момент Вѣрочка взяла отца под руку и, отведя в сторону, что то ему стала говорить. Когда полковник снова прошел к прихожей он подозвал к себѣ корнета и сказал ему: — послушайте, корнет Герд, вам надо на пару дней задержаться при Штабѣ; послѣ завтра вы примете денежную почту для 1 и 2 Отдѣлов и отвезете ее в Штабѣ 2 Отдѣла, так как всѣ штабные офицеры заняты срочной работой и я никому не могу поручить.

— Слушаюсь, — отвѣтил корнет и, простившись, побѣжал догонять ушедшую компанію.

Вѣрочка в догонку крикнула: — приходите завтра вечером на бульвар!

Пріятели конечно отправились еще к Аветисову, гдѣ за вином они долго еще дѣлились впечатлѣніями вечера; Петенькѣ изрядно влетѣло за его ухаживаніе и слабохарактерность и, узнав, что он задержан командиром при Штабѣ, пріятели, под угрозой весьма серьезных послѣдствій, взяли с него слово, не только не появляться на бульварѣ, но вообще держаться от Вѣрочки на пушечный выстрѣл, причем Чистов сказал: — знаешь, друг, Вѣрочкѣ вѣрить нельзя; я увѣ-

рен, что у нея характкр также измѣнчив, как и ея глаза, а глаза ея хотя и красивы, но в них такая фальшь, что они проведут кого угодно. — Будем посмотрѣть, как говорят нѣмцы, но я предугадываю, что ея пріѣзд окончится какой то исторіей.

Утром Чистов и Ковальскій уѣхали...

Оставшись один, корнет не знал что с собой дѣлать и цѣлый день провалялся в „Офицерском Пріютѣ" на диванѣ. Вѣрочка в сущности ему очень нравилась и, если бы не обида послѣ ужина и не ея кокетничанье с казаком, пожалуй Петенька был был ею окончательно побѣжден. Но та рана, которую она нанесла его самолюбію, а самолюбив он был болѣзненно, никак не мог успокоиться и заставить забыть ее.

Вечером Петенька рѣшил пойти к почтово-телеграфному чиновнику Сафонову, чтобы улизнуть от возможности быть найденным и позванным командиру. Обходя бульвар стороной за строеніями Штаба и между садами Петенька увидѣл на бульварѣ Вѣрочку, которая сидѣла на скамьѣ в обществѣ обѣих барышен посредниц и казака. Кромѣ них на бульварѣ никого не было. Петенька шмыгнул в улочку и исчез в туземной части урочища.

Сафонов был человѣк холостой, гостепріимный и очень любившій пограничников; он обрадовался приходу корнета и захлопотал с угощеніем.

— Прошу вас, Алексѣй Иванович, если меня будут искать, скажите, что меня нѣт.

Пришла еще пріятельница Сафонова, пожилая учительница Аносова, и только сѣли за стол, как раздался стук. Сафонов вышел и Петенька услыхал голос солдата: — их благородіе корнет Герд здѣся? Коли придут скажите командир Бригады требуют.

Солдат ушел. Петенька подумал — Вѣрочкины штучки — и не пошел. Нарочно засидѣлся поздно и утром пошел в Штаб принять денежную почту; — десять человѣк конвоя при унтер-офицерѣ и лошадь корнету были у Штаба.

Пока корнет принимал пакеты и считал деньги, пришел командир — Гдѣ вы вчера пропадали? — спросил он Петеньку насупив брови и топорща усы.

Петенька вытянулся и отвѣтил: — лазил на 1-ый перевал, и еле к ночи с помощью пастуха выбрался.

—Только глупостями все занимаетесь,—пробурчал полковник, — почту приняли?

— Так точно!

— Ну с Богом!

Корнет щелкнул шпорами и вышел и скоро змѣйка всадников стала подыматься в горы ко 2 перевалу и долго Вѣрочка видѣла с балкона ѣхавшаго в бѣлоснѣжном кителѣ впереди Петеньку и извивавшійся за ним по тропинкѣ хвост конвоя, пока всѣ они не потонули в молочно-сѣрых облаках, задумчиво и медленно плывших вдоль горных отрогов, скрывая в себѣ их вершины. В эту минуту ей стало очень жаль его! Казалось, что облака поглотили его навсегда; что там в горах, на узких тропинках над пропастями душа его очистится от земных увлеченій, покроется гранитом такой же неприступности, как нависшія кругом скалы и растопить этот кремень вторично ей уже не удастся! С досадой встала она со стула и отправилась к веселой матушкѣ, чувствуя потребность заглушить в болтовнѣ ту сосущую скуку, которая так неожиданно и вдруг стѣснила ея грудь.

Матушка замѣтила подавленное состояніе Вѣрочки и объяснила это по своему, конечно тѣм, что Вѣрочка увлекалась казачьим офицером, так как от матушкиной наблюдательности не ускользнуло ухаживаніе казака за Вѣрочкой на вечерѣ; поэтому, начав с намеков, молодая попадья рѣшила перейти к дѣйствіям в открытую, всячески доказывая Вѣрочкѣ, что сердце казака ею побѣждено окончательно и что сама природа создала такую удивительную гармонію, с какой оба они подходят друг для друга.

Вѣрочка слушала ее, загадочно улыбаясь, и наконец, не вытерпѣв, уронила: — а знаете, Петенька мнѣ больше нравится!

— Что вы, что вы, милая, Господь с вами! Уж я так вас жалѣла за ужином, так жалѣла..! Вѣдь я видѣла, как он вам очки втирал, все видѣла!.. Потом, когда вы с казаком стали танцовать, думаю, слава Богу, отстал окаянный, ушел к своей безпутной компаніи и теперь я рада, что могу вас предупредить. Не вѣрьте Петенькѣ, даром что мальчишка. Ловкій нѣмчик, что и говорить, но, простите меня, такая анафема, влюбит в себя и как рыба — фьют, да только хвостом и махнет! Да еще и смѣется окаянный! Я его провѣрила сама; думаю начну с ним заигрывать. Сначала он ничего, покладистый, тоже глазки строит и все прочее, как полагается, а потом, когда мы как то остались оба и я ему сказала прямо, что он мнѣ нравится, знаете, что он сказал?

— Вам, говорит, матушка, не увлекаться надо, а помогать батюшкѣ в его молитвах!

— Вѣдь это дерзость! А он потом еще и здоровается, да прямо в глаза смѣется. Нѣт, подальше от грѣха с такими как он и его пріятели Чистов и Ковальскій, пускай себѣ с армяночками возятся, а нам на них и смотрѣть зазорно.

Вѣрочка расхохоталась так искренно, что показались слезы; она поняла, что матушка получила осѣчку и, все еще смѣясь, пошла домой, благодаря сквозь смѣх попадью за предупрежденіе и не теряя надежды поговорить еще с Петенькой. На балконѣ дома она застала мать и сотника.

— А я вас жду, Вѣра Григорьевна; я хочу просить вас прокатиться верхом, ваша мама говорила, что вы ѣздите и очень любите этот спорт. Если не откажете, когда начнет спадать жара, часов в 6, я прибуду с лошадьми.

Вѣрочка очень любила верховую ѣзду, еще дѣвочкой 15 лѣт ѣздила в сопровожденіи офицеров, у нея было дамское сѣдло и она с радостью согласилась.

— Только о лошади не безпокойтесь, — преду-

преждала она, — пріѣзжайте сами, я буду уже готова.

Вечером оба они выѣхали из урочища, мелькая между садами, по гладкой почтовой дорогѣ, ярко блѣдно-желтой линіей извивавшейся по дну ущелья.

Под Вѣрочкой был рѣзвый, но очень спокойный караковый конь учебной команды „Ларчик", под казаком вороной кабардинец. Вѣрочка была в темносиней амазонкѣ и вмѣсто шляпы в очень идущей к ней пограничной без козырка фуражкѣ, казак в бѣлой черкескѣ и бѣлой папахѣ. На четвертой верстѣ от урочища они свернули с почтовой дороги, шедшей по правому склону ущелья, и поѣхали по проселочной дорогѣ соединявшейся с тропинкой, вившейся вдоль лѣваго склона и пересѣкавшей излюбленное мѣсто прогулок и отдыха всей русской колоніи; это была очаровательная небольшая роща из буков, грабов и тополей, через которую тихо журча протекал родниковый, прозрачный как горный хрусталь ручей, с ледяной водой. Постоянная прохлада от тѣни и воды царствовала в рощѣ, в которую устремлялись, спасаясь от жары, птички, на разные лады перекликавшіяся между собой и порхавшія между вѣтвями. В тот момент, когда всадники свернули с дороги, Петенька возвращаясь из своей поѣздки, как раз спускался с разъѣздом с перевала, откинув корпус назад и отдав поводья он медленно снижался, разглядывая сонно и безучастно разстилавшееся внизу ущелье, как вдруг замѣтил вдали, вправо от себя, амазонку и ея спутника, в которых сразу узнал Вѣрочку и казака.

Петенька впился в них глазами пока они не скрылись в рощѣ и странное чувство овладѣло им: хотя он твердо рѣшил уклоняться от встрѣч с Вѣрочкой, ему почему то стало очень непріятно; обида ли за вечер, злоба ли на казака, вмѣшавшагося в зарождавшееся в нем чувство, вызвали у него желаніе непремѣнно встрѣтиться с ними и чѣм либо выявить полнѣйшее к ним равнодушіе и даже презрѣніе и этим еще раз и окончательно уже отнять у нея всякую

возможность на возобновленіе с ним какой либо дружбы, о которой она говорила.

— Калмыков,—приказал он унтер офицеру,—веди брат, людей домой, я сейчас вернусь; скажи ефрейтеру Жадану, чтобы в 10 час. вечера все было готово к отъѣзду в Отряд.

Корнет отдѣлился от конвоя и шагом поѣхал по тропинкѣ, направляясь к рощѣ с противоположной стороны. Под корнетом был прекрасный золотистой масти собственный карабахскій жеребец завода князя Уцміева, славившійся не только своей красотой, равной арабским жеребцам, но и своими скаковыми качествами и смѣлостью.

И всадник, и конь нервничали: коню не нравилось, что мечта о скором возвратѣ в конюшню и ужинѣ не сбылась и его заставляют еще куда то скакать, всаднику хотѣлось как то выказать свое полное равнодушіе к Вѣрочкѣ, хотя в душѣ гнѣздился какой-то другой червяк, вызывавшій чувство похожее на ревность, смѣшанное с чувством обиды за так явно отданное казаку предпочтеніе. Петенькѣ почему то очень захотѣлось встрѣтиться, сдѣлать удивленное и насмѣшливое лицо и промчаться мимо, поставив на своем романѣ точку и, кто знает, может быть заставить Вѣрочку пожалѣть об этом. В сердцах протянул он жеребца нагайкой и тот с мѣста взял карьером. Петенька натянул поводья и перевел коня на широкій галоп.

Однообразно и гулко зацокали подковы по твердому грунту, отбивая темп хода; грудь и бока разгорячившейся лошади потемнѣли, бѣлая пѣнь клочьями падала с удил и, насторожив уши и кося большим синим глазом с кровавой жилкой на бѣлкѣ, жеребец быстро приближался к рощѣ; круто повернув на лѣво Петенька увидал на зеленом лугу стоявшую Вѣрочку, а у ручья сотника, поившаго лошадей; лошади перестали пить воду и, подняв и повернув морды, смотрѣли в сторону скачущаго всадника. Отдав поводья, Петенька легким прыжком перескочил через ручей, при-

вѣтливо, но как то мельком приложив руку к козырку, слегка повернув голову к Вѣрочкѣ и, улыбнувшись, дал волю коню и полным ходом понесся к урочищу. Что то сотник крикнул вдогонку, не то стойте, не то обождите, но Петенька не хотѣл знать, что именно. Он вихрем подлетѣл к конюшнѣ, соскочил с коня и пошел прямо к командиру бригады. Отрапортовав об исполненіи порученія, он испросил разрѣшеніе немедленно ѣхать на границу. Командир оставлял ужинать, но под предлогом необходимости отдохнуть и собраться в дорогу, Петенька поблагодарил и ушел.

Вскорѣ вернулась с прогулки и Вѣрочка. Узнав об отъѣздѣ Петеньки она как то непріятно посмотрѣла на сотника и сказала: — папа, мы видѣли как Герд промчался мимо нас на своем чудном конѣ. Я просила сотника остановмть его, чтобы вернуться втроем, а он вмѣсто того чтобы вскочить на коня и догнать, стал кричать чуть ли не стой, держи"...

Сотник покраснѣл, а полковник замѣтил: — ну, милая моя, мудрено было бы этого карабаха догнать и сотник благоразумно сдѣлал, что не поскакал и не оставил тебя одну.

Под предлогом усталости Вѣрочка простилась и ушла в свою комнату. Она сняла костюм амазонки, одѣла легкое бѣлое платье и подошла к открытому окну. Сумерки быстро сгущались и как то сразу пала темная, прянная ночь. На востокѣ небо было чисто и полный мѣсяц сіял над ущельем, четко выдѣляя на небесной глубокой синевѣ очертанія гор и отдѣльные зубья, такіе фантастическіе и манящіе к себѣ своей таинственностью. На западѣ подымались черныя тучи и горы тонули во мракѣ. Отчаянно стрекотали на всѣ лады цикады, как бы в перегонки желая перекричать друг друга, гдѣ то лаяли собаки и вдали рокотала приближающаяся гроза.

Вѣрочка долго и неподвижно стояла у окна, вслушиваясь в ночные звуки и погрузившись в думы. Потом с досадой сказала: — противный мальчик! Но что дѣлать! Дикарь! Приходится остановиться на сотникѣ;

он то уже потерял голову, а я? Я пока нѣт. Впрочем, то что потом будет не знаю.

Вечером, сидя на балконѣ, она слышала, как звякали по дорогѣ подковы нѣскольких всадников. Она не ошиблась, это уѣзжал Петенька и машинально губы ея прошептали: — прощай навсегда. В этот момент сильная молнія освѣтила на мгновеніе все ущелье и Вѣрочка еще раз увидала Петеньку и 3 солдат. Гдѣ то недалеко ударило и разразился ливень,

Вѣрочка ушла в комнату и долго лежала она на кушеткѣ, мысленно слѣдя за удалявшимися в непогоду 4 всадниками.

III.

Всю ночь грохотала гроза, кружась над ущельем и многократным эхо отражаясь в горах: замолкли цикады и только деревья, сгибаясь под порывами вѣтра шумѣли вѣтвями да дождь, то уменьшаясь, то послѣ удара увеличиваясь и временами переходя в поток, барабанил по крышам.

К утру гроза прекратилась и, когда Вѣрочка проснулась, небо было уже безоблачно и солнце залило ожившую от дождя природу ослѣпительным свѣтом, снопами лучей пробиваясь через всѣ щели оконных штор в ея комнату. Сквозь закрытое окно слышно было хлопотливое и веселое щебетанье обрадовавшихся птичек, цикады как оглашенныя возобновили свою нудную трескотню и с плаца учебной команды, расположеннаго против Вѣрочкина окна долетала громкая команда начавшагося ученія. Вѣрочка сладко потянулась в своей постели, повернулась на спину и, чему то улыбаясь, нѣсколько мгновеній лежала неподвижно, закинув за голову руки и прислушиваясь к наружным шумам; потом порывисто соскочила с постели, накинув на себя легкій пеньюар, приподняла штору и распахнула окно. Жмурясь от слѣпящаго свѣта и всей грудью вдыхая ворвавшійся свѣжій послѣ грозы воздух, она взглянула на плац.

До сих пор она совершенно не интересовалась

солдатами; они казались ей такими же однообразными, как одинаково и однообразно они были одѣты, точь в точь как тѣ оловянные солдатики, которых ей приходилось видѣть. И первый раз ея вниманіе остановилось на тѣх живых оловянных солдатиках, которых она увидѣла на плацу. Всѣ они, в бѣлых рубашках и бѣлых фуражках, с винтовками за плечами и с шашками, сидѣли на лошадях, видимо равнялись. Изрѣдка звякало стремя о стремя и пофыркивали кони, жуя удила. Впереди фронта ходил вахмистр, поправляя всадников и дѣлая замѣчанія, и нѣсколько в сторонѣ солдат держал в поводу двух лошадей. Она не видѣла хорошо лицо вахмистра: было и далеко все почти время он стоял спиной, но почему то именно он приковал ея взор. Высокій и стройный, одѣт он был особенно щеголевато, всѣ же движенія его говорили о легкости, лихости и увѣренности. Одну секунду Вѣрочка сравнила его фигуру с Петенькиной и даже пожалѣла, что это не Петенька стоит перед фронтом, но в это время ея мысли были прерваны возгласом:—командир идет,—она замѣтила как вахмистр ловким прыжком вскочил на коня и увидѣла подходившаго к учебной командѣ ея начальника поручика Рогатько.

Дружно отвѣтили солдаты на его привѣтствіе. Рогатько сѣл на лошадь, раздалась его команда и вслѣд за ним колонна тронулась с мѣста и вскорѣ скрылась по дорогѣ между садами.

Проводив ее взглядом, Вѣрочка стала одѣваться и вскорѣ появилась на верандѣ, гдѣ старики уже пили чай. Поздоровавшись с ними и сѣв за стол, Вѣрочка спросила: — папа, скажи куда это уѣхал Рогатько с солдатами?

— Видишь ли, милая, сегодня суббота, а по субботам учебная команда отправляется в проѣздку в горы; к обѣду она возвращается и ты можешь ее видѣть проходящей обратно по дорогѣ у нашего дома.

Вѣрочка рѣшила непремѣнно дождаться возвра-

щенія солдат; ей очень хотѣлось разсмотрѣть их поближе и потому послѣ чая она взяла книжку и, удобно устроившись на верандѣ в качалкѣ, углубилась в чтеніе.

Около полудня издали донеслась пѣсня возвращающейся команды. Вѣрочка бросила чтеніе и стала прислушиваться.

Команда приближалась и звуки пѣсни наростали. На веранду вышел отец Вѣрочки; он подошел к ней и сказал: — подойдем, Вѣрочка, ближе к крыльцу, увидишь лошадок совсѣм рядом.—Когда они подошли к крыльцу из за поворота дороги показался Рогатько, а вслѣд за ним выплыла и колонна, впереди которой ѣхали пѣсенники с бунчуком; отличный тенор запѣвалы пѣл:

Там гдѣ волны Аракса шумят,
Там посты стройно в ряд
На границѣ стоят...

...„Стой, стой, стой, стой, конный пѣшій не пройдет живой“... подхватил хор постепенно замирая и мысль невольно неслась к той чертѣ, гдѣ в безпрерывной борьбѣ с природой и злоумышленниками пограничник зорко оберегал ненарушимость и величіе своей родины.

Там монашка младая одиноко брѣла.
И за пазухой воду святую несла..

...—Стой монашка, стой, стой, стой. . не ходи одна ты, не пройдешь живой...—подхватил вновь хор.

Замѣтив командира бригады, сошедшаго с крыльца, Рогатько махнул рукой; пѣсня замолкла и люди подтянулись.

— Смирно, равненіе направо, — раздалась команда и мимо Вѣрочки стали проходить ряды загорѣлых, запыленных солдат, повернувших головы направо и в упор смотрѣвших на ея отца, распространяя характерный и щекочущій аромат конскаго пота, кожи и того неуловимаго, что всегда сопровождает кавалерійскія части.

Дружно и весело отвѣтили солдаты на привѣтствіе командира бригады, пристально разсматривавшаго проходящіе ряды; за послѣдним рядом на горячем вороном конѣ, танцовавшим под всадником, особенно ловко сидя и подбоченившись, ѣхал вахмистр. Вѣрочка смотрѣла на его тонкое лицо с небольшими черными усиками, крутыя брови и красивые затѣненные длнными рѣсницами глазами.

— Здравствуй, Чернов, — отдѣльно поздоровался с ним командир.

— Здравія желаю, Ваше Высокородіе, — гаркнул вахмистр и взгляд его мягкій и жгучій, короткій и острый как жало змѣи, скользнула по Вѣрочкѣ и, когда на мгновеніе встрѣтился с ея взглядом, она невольно покраснѣла, потупилась и, чтобы скрыть какое то странное, охватившее ее смущеніе, повернула голову в сторону и отошла от крыльца.

Чернов, Чернов, подумала она; как подходит к нему эта фамилія, и такая же черная как и весь он, у него лошадь, горячая, как и горяч его взгляд.

Скоро однако перестала она думать о Черновѣ и рѣшила до обѣда пойти прогуляться и зайти к барышням-посредницам, но по пути к ним она встрѣтилась с сотником, который уговорил ее пойти на бульвар.

Он сообщил Вѣрочкѣ, что через три дня уѣзжает на границу, в сотню, расположенную в 4 верстах от поста Бегманлы, гдѣ живет штаб-ротмистр Жада, женатый на старшей сестрѣ Вѣрочки Ольгѣ и что только это отчасти примиряет его с отъѣздом, иначе он просто сошел бы с ума.

— О, это для меня новость, — лукаво воскликнула Вѣрочка, — я и не знала, что Оля покорила ваше сердце?

— Вѣра Григорьевна, вы снова смѣетесь, как и всегда, надо мной: вашу сестру я видѣл только один раз и, наконец, я никогда не позволил бы себѣ увлекаться замужной дамой. Меня просто утѣшает то, что

она ваша сестра и нѣт-нѣт я что нибудь услышу о вас.

—Вот это мнѣ нравится,—разсмѣялась Вѣрочка,—теперь я могу спать спокойно, имѣя в вашем лицѣ такого заботливаго контролера, но скажите, кто дал вам это право?

— Я,—отвѣтил сотник.

— Как вы,—опѣшила Вѣрочка,—и почему?

— Потому, Вѣра Григорьевна,—медленно и не сводя с Вѣрочки глаз отвѣтил сотник,—что я вас люблю; я чувствую, что я не ваш герой, что вам нравится что то другое; я даже совершенно не жду чего-либо и, тѣм не менѣе, честно вам говорю, что люблю вас. Это право отнять даже вы не можете и по этому праву мнѣ будет легче жить невдалекѣ от вашей сестры.

Вѣрочка никак не ожидала такого быстраго признанія и даже оно было ей не особенно пріятно: ей показалось, что она им как то связана, сдѣлалась не такой свободной как была раньше; наконец она собственно еще просто шалила, играла, как когда то играла с куклами, только куклы ея стали живые Петенька, сотник и может быть еще много, много других!

Правда эта игра была много интереснѣе и куклы были разныя, смѣшныя и интересныя и было что то очень пріятное в сознаніи, что и она нравится понравившейся ей куклѣ, появлялось желаніе еще больше понравиться и какая то досада, если кукла становилась к ней невнимательной; эта досада вызвала у нея пару раз даже какое то новое ощущеніе, немного щемящее, похожее на тоску, отчасти болѣзненное, но в то же время и сладкое, заставлявшее сердце то замирать, то усиленно биться. Однако приходили иныя впечатлѣнія, эти искорки быстро потухали, сердце начинало биться спокойно и уступало свою роль шаловливым мыслям, в безпечности своей изобрѣтавшим новыя игры и еще далеким от опасности раздуть такую искру, которая уже не потухнет и загорится ярким

пламенем. Вѣрочка почувствовала как послѣ слов сотника, должно быть от неожиданности, у нея сердце забилось сильнѣе, но рѣшительно не знала, что ему сказать. Она только вспомнила как институтки, ея подруги, ей говорили: — Вѣра, у тебя страшные глаза, они темнѣют, чѣм пристальнѣе ты смотришь, становятся черными и кажется, что ты насквозь видишь чужую душу.

Она пристально посмотрѣла на сотника, глаза ея потемнѣли, расширились и она медленно отвѣтила: — я еще не знаю, что такое любовь; говорят, надо ждать, чтобы она пришла.

Глаза ея сразу потухли, она прищурилась, улыбнулась и, подавая сотнику руку, быстро поднялась со скамьи: — поѣзжайте, будьте здоровы, пріѣзжайте повеселиться и ждите.—Затѣм кивнула головкой и скорыми шагами ушла домой. Сердце ея продолжало биться, но оно совсѣм не щемило; Вѣрочка ощущала лишь какую то удивительную легкость, возврат той свободы, которую только что на короткое время отнял у нея казак.

Сотник уѣхал на границу, но пріѣхал брат сестер посредниц Рома — вольноопредѣляющійся стрѣлковаго полка и Вѣрочка занялась им, обучая его верховой ѣздѣ.

Она искренно веселилась, глядя как неумѣло он обращается с лошадью, болтает при ѣздѣ локтями и ногами, до слез хохотала, разсказывая как Ромочка летѣл кубарем с лошади, когда та шарахнулась в сторону испугавшись выпорхнувшаго из куста воробья.

Двѣ недѣли шалили они как дѣти, выдумывая разныя развлеченія; не задаваясь никакими романическими цѣлями, Ромочка ухаживал за Вѣрочкой просто как за веселой барышней, а она играла с ним как с озорной куклой.

Затѣм Ромочка уѣхал и потянулись однообразные дни. В один из вечеров, когда ей было особенно скучно, Вѣрочка рѣшила пойти к болтливой и всегда

веселой матушкѣ; она знала, что отец Василій уѣхал на границу и расчитывала отвести душу в пустой, никѣм не стѣсняемой болтовнѣ.

Матушка встрѣтила ее немного смущенно и сказала: — Вѣрочка, у меня сейчас вахмистр Чернов; не удивляйтесь, дорогая, я даю ему уроки географіи и русской словесности. Он очень порядочный и воспитанный человѣк; пойдемте в столовую, мнѣ надо только задать ему урок и тогда буду свободна.

Любопытство взглянуть на Чернова поближе толкнуло Вѣрочку согласиться и она даже отвѣтила, что с удовольствіем послушает урок.

Увидав входившую с матушкой Вѣрочку, Чернов встал и вытянул руки по швам. На Вѣрочкин смущенный кивок он тихо отвѣтил: — здравію желаю, барышня.

— Пожалуйста, не обращайте на меня вниманія, я не хочу вам мѣшать заниматься, — промолвила Вѣрочка и, когда матушка со своим учеником, испросившим позволенія сѣсть, усѣлись за большим столом, она отошла к маленькому, стоявшему в углу столику и, взяв какую то лежавшую на нем книгу, опустилась на стул. Из за книги она украдкой стала разсматривать вахмистра. Прежде всего бросилась в глаза его отмѣнная чистота и опрятность; короткіе изсиня-черные и блестящіе волосы были безукоризненно причесаны боковым гладким пробором, а мужественное смуглое лицо с небольшими черными усиками и правильными чертами было красиво и дышало интеллигентностью. Говоря с матушкой он слегка картавил и при улыбкѣ видны были прекрасные ровные зубы; иногда он мельком взглядывал на сидѣвшую Вѣрочку и каждый раз она, прикрываясь книжкой, почему то немного волновалась. Вскорѣ урок кончился и Павел Матвѣевич, как называла Чернова матушка, ушел.

— Ну как вам понравился он? — спросила Вѣрочку матушка.

— Ничего, он интересный, даже красивый, но очень смѣшной, как будто путается ногами и не знает

куда дѣть руки и все таки отдает от него солдатом,— отвѣтила Вѣрочка.

— Ну нѣт, милая, вы его не знаете, просто он стѣснялся вас; а когда я с ним одна, тогда он совсѣм другой, веселый и я с удовольствіем с ним говорю на разныя темы и его разсужденія всегда глубоки, непосредственны и порядочны и, право, мнѣ с ним гораздо пріятнѣе, чѣм со многими офицерами. Теперь, пока о. Василій вернется с объѣзда постов, т. е. не раньше чѣм через мѣсяц, я занимаюсь с Черновым по вторникам и пятницам от 7 до 9 вечера. Приходите ко мнѣ и вы сами увидите, какая это прелесть.

Вскорѣ ушла и Вѣрочка; она была собою недовольна и рѣшила, что больше к матушкѣ не пойдет. Но во вторник встрѣтилась утром с матушкой и та уговорила ее придти опять. К удивленію Вѣрочки урок уже кончился и в столовой матушка накрыла стол к чаю и поставила варенья и домашній сладкій пирог. Нехотя и смущаясь сѣла Вѣрочка за стол. Чернов, опять с разрѣшенія, сѣл против нея. Матушка балагурила и угощала своих странных гостей, а Вѣрочка невольно обратила вниманіе на выхоленныя руки Чернова. Тогда рѣшилась она наконец взглянуть на него и впервые взоры их встрѣтились так близко.

Ея взгляд сначала любопытный и застѣнчивый столкнулся со страстным взглядом затѣненных черными рѣсницами черных глаз Чернова; точно завороженная не могла оторвать своих глаз и почувствовала, что и ея глаза начинают темнѣть. Как то безсильно опустила она свой взгляд и задумалась.

Матушка замѣтила Вѣрочкина смущеніе и заговорила о верховой ѣздѣ и о лошадях; она знала Вѣрочкину слабость, которая помогла растопить лед и вскорѣ разговор стал общим и Вѣрочка без смущенія говорила с Черновым.

Чернов говорил о лучших лошадях учебной команды, об интересных мѣстах для прогулок, Вѣрочка с интересом слушала эти разсказы и взоры их останавливались больше, чѣм это слѣдовало.

Уроки почти совсѣм прекратились и превратились в интимныя вечернія чаепитія, о которых рѣшишительно никто ничего не знал, так как о. Василій отказался помѣстить у себя солдата; он приходил исполнять порученія лишь до обѣда, а потом матушка оставалась совершенно одна.

Вѣрочка называла Чернова тоже по имени и отчеству, а он хотя по ея требованію и величал ее Вѣрой Григорьевной, но всегда прибавлял „барышня", как бы этим желая отмѣтить разницу их положенія.

Как то раз матушка оставила их вдвоем, а сама ушла в лавку что то купить к чаю. Вѣрочка воспользовалась отсутствіем ея, чтобы спросить то, что ее интересовало. Она сказала: — Правда, вы приходите сюда учиться или... ну просто так?

Чернов чуть улыбнулся и отвѣтил: — барышня, Вѣра Григорьевна, я не знаю что вы думаете, но я приходил только учиться; я вам скажу почему: я простой человѣк, грамотѣ учился в деревнѣ прочее получил на службѣ. Зимой кончается служба и я хочу остаться на сверхсрочной. Жить одному тяжело и я хочу жениться, но не на простой и глупой деревенской дѣвушкѣ, а на образованной. А какая же за меня пойдет, если я сам ничего не знаю?

— Гдѣ же вы будете искать себѣ невѣсту? — спросила Вѣрочка, чувствуя как сама начинает волноваться, как какая то волна начинает ее захлестывать.

Чернов провел рукой по волосам и не глядя на Вѣрочку промолвил: — поѣду домой в отпуск, буду искать, может и найду... и почти шепетом прибавил — такую как вы...

Вѣрочка поникла головой; она почувствовала, как силы ее оставляют, как там внутри какіе то клещи безжалостно сжали ея душу и вот, вот она застонет от недостатка воздуха, от той боли, которая сдавила ей грудь, Потом глубоко вздохнула и робко подняла глаза на Чернова; он как то сгорбился и печальным затуманенным взором смотрѣл на нее.

Машинально протянулась рука Вѣрочки и легла на руку Чернова и она медленно ему сказала: — а если я соглашусь быть той, которую вы ищите?

Рука Чернова задрожала, он склонился к рукѣ Вѣрочки и, осыпая ее поцѣлуями, задыхаясь, прерывисто стал говорить: — нѣт, барышня. нѣт, вы не смѣете. Подумайте, что вы говорите! Господи, спаси, сохрани и помилуй.—Потом, дрожа всѣм тѣлом, отошел в сторону и крупная слеза покатилась на рубашку. С такими же слезами Вѣрочка приблизилась к нему, обхватила его по шею обѣими руками, всѣм тѣлом своим прижалась к нему и уста их слились в первом поцѣлуѣ...

На порогѣ стояла вернувшаяся матушка; широкими глазами смотрѣла она на прильнувших друг к другу и не замѣчавших ее, Вѣрочку и Чернова; потом юркнула в прихожую и стала громко кашлять.

Чернов отстранил осторожно Вѣрочку и, шатаясь как пьяный, прошел мимо матушки, ни слова не говоря схватил фуражку и ушел, а матушка вошла в столовую.

Вѣрочка сидѣла на стулѣ и плакала. Матушка дала какія то капли, успокоила и сказала: — ну, милая моя, я все знаю; теперь надо подумать как устроить так, чтобы никто не только ничего не мог знать, но даже и подумать.

IV.

— Милый Борис Леонидович, — так начиналось письмо неожиданно полученное бѣлым казаком на границѣ, в то время, когда он как раз собирался пойти на пограничный пост и в бесѣдѣ с сестрой Вѣрочки что нибудь услышать о ней.

— Я скучаю. Помните я вам сказала, что надо ждать... Я еще не знаю. почему мнѣ стало вдруг так скучно, но боюсь, что своими словами я больше всего ударила по себѣ. Пріѣзжайте же скорѣе, я уже забыла верховую ѣзду, здѣсь же найти себѣ компаньона я не могу. В.

Письмо это было послано послѣ долгих совѣщаній ея с матушкой.

Настроеніе Вѣрочки было таковым, что оно неминуемо должно вызвать догадки и надо было их отвести куда либо в сторону, огородить себя от подозрѣній и слѣжек и направить общественное любопытство по ложному, по непонятному и естественному пути.

Сотник перечитывал письмо и никак не мог понять, как мог отразиться нанесенный собственно ему удар вдруг на Вѣрочкѣ.

Он очень волновался и с письмом в карманѣ почти побѣжал на пост. Ольга Григорьевна прочла письмо, подумала и сказала: — ничего страннаго я не вижу; Вѣра сначала спѣшила, потом долго думала, поняла наконец вас и стала жалѣть, жалость перешла в скуку, а может быть и в тоску и ей захотѣлось вас повидать.

— Ольга Григорьевна, — сотник схватил ее за руку, — значит я могу надѣяться, что она меня полюбит?

— Да, можете, вѣдь от тоски до любви один шаг. Поѣзжайте, а там видно будет.

Через два дня радостный и смущенный, стараясь быть как можно хладнокровнѣе, подходил сотник к командирскому дому. Вѣрочка увидѣла его с веранды и пошла на встрѣчу.

Смѣясь и улыбаясь она встрѣтила сотника словами: — не стыдно было вам лишать меня так долго удовольствія покататься верхом?

Она не вырвала своей руки, когда сотник ее поцѣловал и только сильно покраснѣла, когда он молча и пристально посмотрѣл ей в глаза.

Старики также были очень рады пріѣзду офицера и послѣ обѣда привели верховых лошадей.

Во время прогулки сотник держал себя по своему обыкновенію очень корректно, болтал о всяких пустяках и рѣшил никаким образом не проявлять своих

чувств; он только сказал, что был очень рад письму, что сам не считал себѣ вправѣ пріѣзжать и что, если она пожелает, то он может для верховых прогулок пріѣзжать два раза в недѣлю.

Вѣрочка замѣтила его сдержанность, почти все время молчала и вдруг спросила сотника: — Борис Леонидович, если бы я не хотѣла вас видѣть, я не писала бы вам, но мнѣ интересно знать, хотите ли вы меня видѣть, остались ли вы таким же как вы говорили мнѣ послѣдній раз?

Сотник вспыхнул, в упор взглянул на Вѣрочку и отвѣтил: — да, я такой же, но могу ли я мечтать о том, чтобы и мнѣ солнце улыбнулось?

Вѣрочка протянула ему руку и отвѣтила: — оно уже улыбнулось; я поняла, какой вы для меня друг и стало без вас тоскливо; теперь я отвѣчаю вам своей дружбой и буду надѣяться, что наша дружба уже не порвется и солнце не только не будет улыбаться, но озарит нас полным свѣтом.

Волна счастья хлынула в душу казака, он нѣжно поцѣловал руку Вѣрочки и дрожащим голосом промолвил: — Вѣра Григорьевна, у меня нѣт слов, вы видите что со мной, что я такой же как тогда и вѣрьте таким останусь навсегда.

Вѣрочка опять густо покраснѣла и воскликнула... — вот и прекрасно, отбросим в сторону всѣ сомнѣнія, давайте будем радоваться и веселѣе проводить часы ваших пріѣздов!

Они галопом вернулись домой, шутили смѣялись по разным пустякам и развеселили стариков; спустя короткое время в обществѣ поползли слухи о несомнѣнности грядущей свадьбы, чему не мало способствовала матушка, ставшая лучшей подругой Вѣрочки и окончательно подтвердила переписка возникшая между ими обоими, которой Вѣрочка иногда дѣлилась с матерью и всегда с матушкой, а счастливый казак не мог удержаться, чтобы не побѣжать к сестрѣ Вѣрочки Ольгѣ Григорьевнѣ и не излить перед ней своего счастья и радости.

Заговорила об этом и граница, радовавшаяся всякой сенсаціи, проникавшей в однообразіе повседневнаго уклада пограничной жизни и только неисправимый скептик поручик Чистов послѣ нѣскольких рюмок неизмѣнно бухал: — а я думаю, что это иначе кончится... чѣм вызывал груду споров, всегда кончавшихся тѣм, что его раздѣлывали и он должен был сдавать всѣ свои позиціи, когда выплывала на сцену такіе неоспоримые аргументы, как уже начавшаяся подготовка приданнаго.

Словом малѣйшія подозрѣнія были убиты окончательно.

Отец Василій вернулся с границы, уроки Чернова прекратились и никто и никогда не узнает, каким образом Вѣрочка с ним встрѣчалась, так как он всегда был на мѣстѣ и в служебном отношеніи так блестяще нес свои обязанности, что завѣдывающій учебной команды поручик Рогатько не находил слов для похвал и не мало волновался над вопросом останется ли Чернов на сверхсрочной службѣ или нѣт, так как отвѣтить на это опредѣленно он уклонялся.

В серединѣ августа однако к удовольствію поручика Рогатько мучившій его вопрос разрѣшился благопріятно. Чернов доложил ему, что, если ему будет дан отпуск на 3 мѣсяца для поѣздки на родину, то он останется на срерхсрочной службѣ.

Рогатько обрадовался, приказал подать докладныя записки об отпускѣ и оставленіи на службѣ и спросил, когда он хочет ѣхать.

— Да так, Ваше Благородіе, в серединѣ сентября, чтобы до конца службы вернуться обратно. — Рогатько улыбнулся и замѣтил еще, что может быть Чернов вернется с женой,

Улыбнулся и Чернов и сказал: — не могу знать, потому что есть затрудненія;—он пять лѣт не был дома, не знает какія там дѣвушки и которую он выберет; вот если бы командир бригады выдал разрѣшеніе на женитьбу, тогда он навѣрное вернется с женой.

— Да вѣдь в разрѣшеніе надо вписать фамилію твоей невѣсты?

— Ваше благородіе, я какую нибудь не возьму, а вписать фамилію можно и на мѣстѣ.

— Ладно, подавай записки, а я там как нибудь устрою, — сказал Рогатько и довольный ушел домой.

В началѣ сентября Рогатько получил увольнительный билет и разрѣшеніе для выдачи Чернову в день отъѣзда; послѣднее было выдано не без затрудненій, так как не соглашался адъютант. Был вызван Чернов и послѣ разговора с ним в присутствіи адъютанта и Рогатько, командир приказал разрѣшеніе на брак написать.

Между тѣм в домѣ командира приготовлялись к 17 сентября, именинам Вѣрочки. Распространился слух, что предстоит особенное торжество, так как будет объявлена помолвка с сотником.

Барышни Гурман завидовали и ломали головы над своими платьями. Сотник на границѣ получал от Вѣрочки ежедневно письма, был безконечно счастлив, как ребенок дѣлился со всѣми своей радостью и заказал новую, особенно щегольскую черкеску на высланныя отцом его, отставным казачьим полковником деньги, причем старик высказал полное одобреніе сдѣланному сыном выбору.

Захлопотала и граница, когда ряд пограничных офицеров, в том числѣ и Петенька, получили именныя командирскія приглашенія к 17 сентября. Всѣ были веселы, всюду шли разговоры об именинах, приготовлялись подарки Вѣрочкѣ и болтали как водится всякій вздор.

Чѣм ближе приближался день, тѣм большая суматоха поднималась с утра в командирском домѣ: что то привозили, что то увозили, по двору громко кудахтая носились ошалѣлыя куры, которых ловили, щупали и снова отпускали; вѣстовые безпрерывно бѣгали по порученіям, во всем домѣ шла генеральная

уборка, а мать командирша, разрываясь на части и не упуская никакой мелочи, буквально утонула в своих хлопотах, забыв рѣшительно все на свѣтѣ.

Сам командир забаррикадировался в своем кабинетѣ, не без труда отвоевав эту комнату для своих занятій и докладов являвшихся офицеров, а Вѣрочка, сбитая с толку воцарившейся в домѣ неразберихой, на цѣлый день исчезала из дому.

За три дня до именин вахмистр Чернов получил утром от поручика Рогатько всѣ бумаги, а в 8 часов вечера с небольшим чемоданчиком в рукѣ зашел к нему проститься, заявив, что идет в армянскую часть урочища, откуда со случайно подвернувшейся подводой он выѣдет ночью на станцію ж. д. с двумя армянами попутчиками. Рогатько расцѣловался с любимым вахмистром и отпустил его, сказав, что будет очень рад его возврату непремѣнно с женой. Сильно взволнованный Чернов ушел.

В эту же ночь по направленію к штабу бригады мчался разъѣзд с границы; в одном из отрядов 2 отдѣла расположенном в 30 верстах от штаба разбойники из засады убили двух пограничников, ѣхавших вдоль границы дозором.

Рано утром, на взмыленных и усталых, окутанных паром конях, солдаты остановились у квартиры адъютанта и старшій разъѣзда передал разбуженному адъютантскому вѣстовому экстренный пакет о происшествіи с припечатанным к нему пером, свидѣтельствующій о спѣшности. Приняв обратно разсыльную книгу с роспиской о принятіи пакета, солдаты отправились отдыхать и вскорѣ затѣм вышел адъютант, направляясь к командирскому дому.

Не любил командир этих пакетов о происшествіях, а теперь еще так некстати, всего два дня до именин. Когда же он прочел донесеніе, то окончательно разволновался.

— Чорт возьми, — воскликнул он, — снова эти проклятыя засады, снова эти мерзавцы ухлопали двух

человѣк! Еще недавно получили мы изрядный нагоняй за убійство в Алтанском отрядѣ, предупрежденія и все такое, а тут извольте — пожалуйте снова к расчету! Прикажите сейчас же запречь четверку артельных; я сам произведу дознаніе и вы поѣдете со мной. Через полчаса будьте здѣсь. Вернемся завтра.

Не успѣла захлопнуться дверь за адъютантом, как в кабинет вошла Вѣрочка.

— Папа, я рано встала и узнала, что ты уѣзжаешь. Папочка, ты знаещь, какой важный день для меня будут мои именины, а я никогда не видала своей метрики, покажи мнѣ ее, пожалуйста.

— Отстань, Вѣруся, теперь не до нея, когда вернусь, вмѣстѣ посмотрим. — Вѣрочка обвила шею отца обѣими руками и с глазами полными слез, крѣпко поцѣловала старика и прошептала: — папа милый, неужели ты не дашь мнѣ, не понимаешь, как меня волнует будущееe?

Не устоял старик! Крѣпко любил он свою Вѣрусю! Он достал папку, вынул метрику и дал со словами: — отдай потом матери.

Вѣра снова нѣжно прижалась к отцу и ушла; к крыльцу подкатил экипаж и скоро четверка бойких коней, звеня бубенцами, мчала командира со своим адъютантом к границѣ, на пост, гдѣ лежали трупы двух вѣрных родинѣ сынов, убитых предательской пулей.

V.

Было около 10 часов вечера когда Вѣрочка ушла от барышень-посредниц.

Послѣ отъѣзда отца она рѣшительно не знала что с собой дѣлать и страшно нервничала; хлопоты матери и поднятая в домѣ кутерьма выводили ее из себя и разрывали на части ея сердце. Голова ея была точно пустая и только одна мысль, одно желаніе давили ее как камнем: — уйти скорѣе из дому, ничего не видѣть, ничего не слышать.

Послѣ скораго и безпорядочнаго обѣда она сказала матери: — мама, я пойду куда нибудь, ты не безпокойся, может быть я останусь даже ночевать у Гурман; — я тут не помогаю и только мѣшаю.

— Да, Вѣруня, это будет лучше, иди с Богом.

Мать подошла к ней и поцѣловала; в своих хлопотах она не видѣла состоянія дочери и даже не замѣтила, что у Вѣрочки по щекам поползли слезы.

Вѣрочка пошла в свою комнату и бросилась на диван; она долго плакала, потом как то сразу успокоилась, привела себя в порядок, одѣла простенькое голубое платье, шляпку, накинула на плечи лѣтнее пальто, взяла зонтик и сумочку и незамѣтно вышла из дому. Стало как будто легче и мысли заработали. Она пошла не сразу к Гурманам; зашла к женѣ ротмистра Еременко, посидѣла, говорила о пустяках, потом у Зои Ярославны, жены бригаднаго врача пила кофе, навѣстила семью оружейнаго мастера и уже оттуда, рѣшив к матушкѣ не заходить, пришла около 7 часов вечера к барышням посредницам. Ей очень понравилось, что пріѣхал их брат вольноопредѣляющійся Рома, с которым она еще недавно так шалила и который ухитрился отпроситься из полка, чтобы быть на ея именинах. Несомнѣнно он будет провожать ее домой и это ее озабачивало.

Пили чай, потом говорили о пустяках, пробовали затѣять что либо, но ничего не выходило. Время шло, Вѣрочка почувствовала, что начинает нервничать и звон посуды от накрывавшагося к ужину в столовой стола привел ее в ужас. К ея счастью вошел сам Гурман, когда то гвардейскій кирасир, человѣк с широким размахом и сказал сыну: — Рома, сбѣгай ка в лавку к Ованесу, получи и принеси коробку сардин, 1 бутылку абрикотину и фунт шеколадных конфект.

Вѣрочка сразу сообразила, что, пока Рома вернется, пройдет 20 — 30 минут. Она немного еще посидѣла и вдруг, заливаясь хохотом воскликнула: — вот дура то я, хорошо, нечего сказать; обѣщала мамѣ быть в 9 часов вечера, чтобы ей помочь, а теперь уже 10.

Она сорвалась с мѣста и, не слушая никаких доводов, не желая ждать Ромы, схватила свои вещи и почти бѣгом выскочила из дому. Добѣжав до поворота она свернула не направо к урочищу домой, а налѣво. Было так темно, что, сдѣлав нѣсколько шагов, она не могла понять, гдѣ она находится. Здѣсь начинались сады и огороды, отдѣленные плетневыми заборами друг от друга и вившимися между ними улочками и тропинками. Она постоянно натыкалась на заборы, царапала себѣ руки, ощупью сворачивала в сторону и снова брела; нѣсколько раз спотыкаясь о камни падала и больно ушибла ногу; сердце так колотилось, что она останавливалась задыхаясь, крѣпко прижимая обѣ руки к сердцу; в одном мѣстѣ она набрела на верблюда, так ее испугавшаго, что она чуть не крикнула и в ужасѣ свернула куда то в сторону. Но ее гнала вперед такая сверхестественная сила, что никакія препятствія остановить Вѣрочку уже не могли и шаг за шагом, вся дрожа, слабая и больная, с пылающей головой и льющимися слезами Вѣрочка приближалась к околицѣ, к расположенному в сторонѣ от дороги одинокому сараю.

Внезапно перед ней выросла стѣна: Вѣра нѣсколько раз провела руками по стѣнѣ, но тут силы ее оставили, колѣни подогнулись и безпомощно опустилась на землю, всѣм существом своим проваливаясь в такую же черную пропасть, как черна была ночь.

Она не помнила, сколько времени провела она в забытьи; очнулась она почувствовав как ее кто то держит за руку и потом услышала слова: — Вѣрочка, Вѣрочка, барышня, это я, я Чернов. Лошади здѣсь, скорѣе, скорѣе надо рѣшать.

Стало немного свѣтлѣе и Вѣрочка различила его силуэт. Она поднялась с его помощью на ноги и вдруг увидѣла второй силуэт:

Испуганно прошептала она: — кто это? — Тогда Чернов, держа Вѣру за обѣ руки, сказал: — это мой друг, единственный человѣк, который все знает, Бондарев, старшій писарь. Пусть он будет свидѣтель:—Вѣра,

вот что скажу я: — я мужик и солдат, ты барышня образованная, командирская дочь: любишь ли ты меня так, что выйдешь замуж, бросив отца, мать? Подумай, он проводит тебя домой.

Вѣра обвила руками голову Чернова, поцѣловала его и отвѣтила: — только тебя люблю и ѣду с тобой.

— Тогда хорошо, ѣдем скорѣе, — сказал Чернов.

Они сѣли в почтовую телѣгу, стоявшую за сараем, ямщик татарин шагом выѣхал на тракт и, стегнув пару отличных почтовых лошадей, во весь опор помчал Вѣрочку в темную неизвѣстность будущаго.

Вернувшійся из лавки Ромочка Вѣрочку не встрѣтил; он побѣжал в догонку, понятно не мог догнать ее и вернулся со словами: — конечно она уже успѣла дойти домой; я не заходил, очень уже было поздно и только в столовой виден был свѣт.

Вскорѣ погасли послѣдніе огни в урочищѣ и оно потонуло вмѣстѣ с ущельем во мракѣ и лишь кое гдѣ смутно вырисовывались на густо синем небосклонѣ черные отроги сгрудившихся вокруг гор; нѣмые свидѣтели совершившагося побѣга они не могли поднять тревоги и в своей неподвижности точно притаились в ожиданіи утра, слившись с наступившей ночной тишиной.

Между тѣм кони уносили Вѣрочку все дальше и дальше; до станціи желѣзной дороги было болѣе 150 верст и Чернов щедро дарил ямщикам чаевыя, стараясь за ночь сдѣлать половину дороги. Было довольно прохладно и, кутаясь в свое тоненькое пальто, Вѣрочка дрожала всѣм тѣлом, Чернов снял свою шинель и накинул ей на плечи, но дрожь не унималась. Придерживаемая Черновым за талію, похожая на маленькій безформенный дрожащій комочек, Вѣрочка невыносимо страдала: ушибленное колѣно ныло, все тѣло от непрерывной тряски и толчков в нерессорной телегѣ было разбито, голова горѣла и от боли готова была казалось разорваться на части, а сердце так ще-

мило, что слезы почти безпрерывным градом катились из ея глаз. Стало безумно жаль покинуть своих стариков, особенно отца, котораго она так сильно любила и, когда вдруг приходила мысль, что с ними будет, она вдруг схватывала Чернова за руку и кричала: —стойте. а затѣм начинала рыдать, утихала и мчалась дальше больным дрожащим безформенным комком. Мысли кружились в больной головѣ безобразным роем, мѣшаясь, путаясь, обивая друг друга и то, что она так долго, систематично, хладнокровно и предательски подготовляла, что ее ничуть не волновало, а наоборот, окутано было даже какой то прелестью и романтичностью, превращалось теперь в сплошную пытку и она готова была винить во всем Чернова, того самаго, котораго она так безумно любит,

Эти мысли наполняли сердце новой болью, страданіями и сомнѣніями, тоской и стыдом, загоняли ее в тупик из котораго выхода она не находила и вызывали новыя слезы, слезы безвыходности и покорности своей судьбѣ.

Мать Вѣрочки поднялась в канун именин чуть ли не с пѣтухами; она потихоньку подошла к ея комнатѣ пріоткрыла дверь и, увидав, что Вѣрочки нѣт, не только не встревожилась, но осталась даже довольна: надо было прибрать еще ея комнату и Вѣрочка совсѣм кстати осталась у Гурман. Все в комнатѣ было как всегда и ничто не предвѣщало того удара, который уже повис над головой бѣдной старухи.

К 10 час. утра покончив с приборкой Ядвига Викторовна послала солдата за дочерью, а сама отправилась на кухню, но не успѣла она еще хорошо сообразить за какую стряпню теперь браться, как вернувшійся солдат доложил: — барыня, паныч Гурман к вам пришли.

— А барышня?

— Барышни никак нѣт, паныч сами пришли, они на балконѣ вас ожидают.

Точно почувствовав что то не хорошее, с дрожью в

ногах и с сильным сердцебіеніем, старуха как то нехотя, вяло, с исчезнувшей сразу куда то энергіей и при полном упадкѣ сил, вышла на веранду.

Ромочка поцѣловал ей почтительно руку и сказал, что Вѣрочки у них нѣт, что она вечером ушла и вѣроятно гдѣ нибудь застряла и осталась ночевать.

Ничего еще не понимая, старуха молча продолжала смотрѣть на Рому; потом схватила его руку и прошептала: — гдѣ Вѣрочка?

— Не знаю, Ядвига Викторовна, она гдѣ нибудь здѣсь, я найду ее, — бормотал растерявшійся Ромочка. Старуха продолжала держать его за руку, потом зашаталась, слезы покатились из ея глаз и она безпомощно опустилась на стул.

— Успокойтесь, ради Бога, успокойтесь, я сейчас приду с ней.

И сам не зная куда бѣжать, Ромочка побѣжал с балкона. Он увидѣл на плацу поручика Рогатько, подбѣжал к нему. Поднялась тревога. Стали искать Вѣрочку, но нигдѣ никаких слѣдов не находили; безпокойство становилось общим и всѣ терялись в догадках, строя самыя страшныя предположенія. Больше всѣх волновалась матушка, бѣгая в поисках по всему урочищу и забѣгая успокоить старуху, около которой уже был доктор и жена Рогатько, так как сердечные припадки уложили ее в постель и требовали безпрерывнаго надзора.

Только один человѣк не принимал участія в поисках, никуда не выходил и, звеня шпорами, шагал из угла в угол по своему кабинету. Это был мрачный по наружности, одинокій и необщительный помощник командира бригады полковник Мурило и, когда поручик Рогатько, блѣдный и растерянный, вошел доложить о безрезультатности поисков, то Мурило вдруг круто остановился и в упор рѣзко спросил Рогатько:— когда уѣхал Чернов?

—14-го, г. полковник.

— Ну так вот, пойдите на почту, узнайте, да

всыпте ямщику, чтобы не врал. Думаю, мерзавец увез ее и всѣх оставил в дураках.

Долго Рогатько не возвращался, наконец прибѣжал обратно и, сильно вольнуясь, доложил со слов долго упорствовавшаго ямщика татарина всѣ подробности побѣга.

— Господин полковник, разрѣшите, я с учебной командой догоню, я верну их, — воскликнул Рогатько.

— Так вот, я не отец и коней рѣзать не смѣю,— отвѣтил Мурило; — сейчас же назначить мнѣ разъѣзд и подать коня: я сам поѣду извѣстить командира на границу.

Через полчаса Мурило выѣхал, оставив урочище в состояніи полнаго смятенія и недоумѣнія, а бѣдную мать в невѣдѣніи истины, так как до пріѣзда мужа рѣшено было истину скрыть и наоборот поддерживать старуху разными надеждами.

В то время, когда полковник Мурило приближался к офицерскому посту поручика Ковальскаго, обѣд приближался к концу. За столом кромѣ хозяина и командира с адъютантом, сидѣл еще командир отдѣла подполковник Негаловскій и пріѣхавшій, чтобы вмѣстѣ с Ковальским ѣхать на именины Вѣрочки, сосѣд его по отряду Чистов. Во дворѣ готовились к запряжкѣ кучера и всѣ обѣдавшіе должны были выѣхать вмѣстѣ.

За общим громким разговором никто не замѣтил, как в сосѣднюю комнату вошел Мурило и приказал вѣстовому вызвать к нему командира бригады. Поэтому, когда в столовую вошел солдат и доложил командиру просьбу полковника Мурило выйти к нему, это вызвало недоумѣніе и невольную тревогу, а командир, подымаясь, сказал: — ну, если покинул штаб и прибыл мой замѣститель, то это не к добру. — Он вышел и запер за собой двери.

Притихшіе офицеры молчали; только адъютант замѣтил: — какая то очередная пакость и несомнѣнно крупная.

Наконец послѣ томительнаго ожиданія двери открылись и вошел в сопровожденіи своего помощника командир. Офицеры встали.

— Петр Васильевич, обратился к Ковальскому командир,—есть у вас вино? прикажите подать.

Когда красная влага наполнила стаканы, командир взял свой. Он сильно волновался, тяжело дышал и рука дрожала, расплескивая вино, которое точно капли крови падала на скатерть.

— Господа, сказал он,—я получил неожиданное свѣдѣніе, что моя дочь Вѣра бѣжала с вахмистром Черновым. Она для меня умерла. Прошу всѣх ни одним словом о ней мнѣ не напоминать.

Старик залпом выпил вино, слезы ручьем катились из глаз, смѣшиваясь с вином. Он грузно сѣл на стул и опустил голову; потом махнув рукой, медленно произнес: — прошу лошадей.

Тихо вошли офицеры, командир молча продолжал сидѣть, низко склонилась его голова и беззвучно падали слезы на колѣни.

Когда был подан экипаж адъютант вошел в столовую доложить: старый полковник сидѣл в той же позѣ, глубоко задумавшись. Он медленно поднялся, молча прошел в прихожую, молча одѣлся и, как то сгорбившись, вышел на двор.

Громкая команда: — смирно, равненіе направо-солдатам, выстроенным перед постом, заставила командира встрепенуться; он поднял голову и крикнул: — прощайте, молодцы.

— Счастливаго пути, ваше высокоріе, — рявкнули солдаты.

Только теперь понял командир, что надо проститься с офицерами; пожав всѣм руки, он сѣл с адъютантом в экипаж и был его отъѣзд похож на отъѣзд покойника. Вслѣд за ним уѣхал и Негалоскій. Оставшись вдвоем Ковальскій и Чистов, сбитые с толку, долго не могли понять случившееся, потом сѣли на коней и затрусили в штаб, горя желаніем узнать под-

робности и кстати встрѣтиться с Петенькой, в прiѣзд коего туда не сомнѣвались.

VI.

Петенька выѣхал со своего поста в канун именин очень рано, настроен был он очень радостно: еще бы послѣ долгаго сидѣнiя в одиночествѣ на границѣ предстояло исключительное торжество у командира, потом веселые и безпутные часы в обществѣ Ковальскаго и Чистова, да наконец и само путешествiе в штаб обѣщало быть очень прiятным, так как по уговору он ѣхал теперь к сосѣду штаб-ротмистру Перепелицыну, а далѣе их обоих ожидали ротмистр Жада с женой Ольгой Григорьевной, чтобы затѣм, послѣ обѣда всѣм вмѣстѣ и бѣлым сотником отвалить на крайнiй к штабу пост, переночевать там и утром 17-го сдѣлать послѣднiй конец и часам к 11 прибыть в урочище. Что то в родѣ пикника на протяженiи болѣе 100 верст.

Петенька ѣхал теперь не верхом, а на странном сооруженiи вызывавшем удивленiе кочевников и смѣх офицеров, почему то называвших Петенькин экипаж, к тому же окрашенный им в бѣлый цвѣт, миноносцем. Это была просто длинная с прикрѣпленными к ней подножками и подушкой доска, под которую с обоих концов подводились отдѣляемые, когда надо было, ходы артельной телѣги и запрягались артельныя лошади. Сидѣть на доскѣ можно было гуськом как угодно, верхом и боком, помѣщалось на ней 6 чел. она пружинилась и не трясла, была довольно удобна, но страшно пылила. Теперь Петенька ѣхал один; сзади к доскѣ был привязан чемодан, сам же он сидя по серединѣ вертѣлся во всѣ стороны, упражняясь в стрѣльбѣ по разсѣянным в степи черепахам и балагуря с любимым своим солдатом, артельным кучером Майстренкой, души не чаявшем в своем командирѣ.

Смѣшной, низкiй и длинный экипаж привѣтствовался обычно смѣхом и поздравленiями с благополучным плаванiем и, медленно подвигаясь на нем впе-

ред, Петенька подкатил часам к 10 к поджидавшему его Перепелицыну.

Дав небольшой отдых лошадям и выпив чаю, сосѣди тронулись уже вдвоем дальше и около 2 ч. дня подъѣзжали к расположенному на небольшом холму посту, резиденціи ротмистра Жады; уже издали они замѣтили перед постом ходившаго взад и вперед офицера и ничуть не сомнѣвались, что он их нетерпѣливо поджидает, а потому, подъѣзжая, они веселыми голосами кричали Жадѣ привѣтствія, но как только они соскочили с миноносца, сразу увидѣли необыкновенно сумрачный и сосредоточенный его вид.

Пожав пріѣхавшим руки Жада как то загадочно спросил: — куда вы собрались?

— Как куда? — одновременно крикнули оба.

— Если на именины Вѣрочки, — продолжал Жада,—то пошлите ей телеграмму.

— Какую телеграмму, куда, да ты видимо рехнулся, милый..—ничего не понимая и принимая за шутку затараторили офицеры.

Тогда Жада отошел с ними в сторону и с дрожью в голосѣ разсказал, что пріѣхавшій утром из урочища отрядный лавочник армянин Давидка привез сумасшедшую вѣсть, будто Вѣрочка 15-го вечером бѣжала с вахмистром Черновым.

Вѣсть эта показалась до того сумбурной, дикой, непонятной и глупой, что всѣ трое пошли к Давидкѣ.

Послѣдній в десятый раз заговорил: — Давидка толко знаит, барышна убижала этым Черновым. Вай, вай, какой таматам... всэм бэгают туды-суды, всэм плачут, командыр брыгадам на граныцѣ, помощнык ѣхал за командыром, Давидка так сильно испугался, тоже скорэй поѣхал домам.

Больше Давидка ничего сказать не мог. Офицеры стояли в каком то обалдѣніи, потом пошли к Жадѣ.

Ольга Григорьевна нервно ходила по гостинной: сотник блѣдный как полотно сидѣл в углу на стулѣ.

Когда офицеры вошли, он сорвался, хотѣл уйти; его мягко задержали. Всѣ начали анализировать слова Давидки, рѣшили, что дурак путает, что не так понял, переврал, создал глупую басню.

Петенька так горячо, так убѣдительно доказывал чушь ея, что даже разсмѣялся. Наступило нѣкоторое успокоеніе послѣ того как всѣ рѣшили сейчас ѣхать дальше и Петенька дал свою голову на отрѣз, что все окажется на мѣстѣ чепухой и обстоит благополучно, ибо иначе оно и не может быть.

Стали собираться в путь, чтобы вечером добраться до крайняго поста, там закусить, отдохнуть и с зарей начать послѣдній перегон от границы к штабу.

Впереди на Петенькином кораблѣ захотѣл ѣхать и Жада, сзади в рессорной бричкѣ ѣхали сотник и Ольга Григорьевна, обложенная всякими кульками с провизіей; не забыта была и грѣшная влага. Было уже совсѣм темно, когда подъѣзжали к крайнему посту, Мирзамихтулы, отряда Жады. Поджидавшій начальник, бравый унтер-офицер отрапортовал своему командиру. Пользуясь, что отставшая бричка еще не подъѣхала, Жада быстро спросил унтера: — разъѣзд к штабу ходил?

— Так точно.

— Вернулся?

— Так точно.

— Слыхал, будто не могут найти барышню?

— Так точно.

— Никому не смѣть об этом говорить, никто не знает, понял?

Не успѣл унтер отвѣтить как подкатила бричка и Ольга Григорьевна крикнула ему: — начальник поста, помогите снять кульки.

— Сей минут, сударыня, — и он опрометью побѣжал на пост, откуда выбѣжал с солдатами, всѣ помогали суетясь, вносили вещи в прибранную росписную комнату и на всякіе вопросы отвѣчали: — никак нѣт и не могу знать, хотя эту злобу дня пост отлично уже знал.

Скоро всѣ сидѣли за столом и закусывали: всю ночь слѣдили за сотником, страшно, нервничавшим и подозрительным.

Насильно, хотя на душѣ скребли кошки, офицеры старались быть веселыми.

Перед утром сотник сидя задремал и в комнатѣ воцарилась тишина. Ангел сна и покоя на короткое время прикрыл дремавших своими крыльями.

Петенька проснулся первым: его разбудил стон, скрежет зубов и невнятное бормотаніе сотника; видимо он бредил. В окно глядѣли предразсвѣтныя сумерки и четко вырисовывались на небѣ темносѣрыя извилины гористаго персидскаго берега Аракса.

Петенька вышел потихоньку во двор; в кочевках кричали пѣтухи, лаяли собаки; гдѣ то далеко грохнул одинокій выстрѣл, прокатился эхом по горам и, слабѣя, в послѣдній раз щелкнул гдѣ то совсѣм близко. В конюшнѣ звенѣли цѣпи просыпавшихся лошадей, какая то прикусочная, отрыгиваясь, кусала обитую жестью кормушку. Майстренко смазывал уже колеса своей долгуши и Петенька подошел к нему.

—Что, друг, сказал он ему,—дѣло дрянь?

— Так точно, — понимая вопрос, отвѣтил Майстренко,—очинно плохо и как это так никто не поймает.

— Ну ладно, буди народ, ставьте самовар и давай мыться.

Майстренко принес полотенце и мыло, Петенька тут же у колодца помылся и пошел будить спутников.

Пост проснулся; вернулся ночной разъѣзд и повседневная жизнь началась. Солнце вспыхнуло и окрасило горы в розово-лиловый цвѣт. Кучера стали запрягать лошадей и, напившись чаю, путники поспѣшили выѣхать, каждый со своей невеселой думой и смятенной душой.

Чѣм больше они приближались, тѣм сильнѣе охватывало невольное волненіе, разговор совсѣм не вязался и всѣ замолчали. Жада с женой ѣхал прямо к

своему тестю, офицеры и сотник в офицерскій при собраніи пріют. Около 10 утра экипажи остановились у собранія и выбѣжавшій вѣстовой стал вносить вещи.

Отъѣзжая к командиру Жада обѣщал сотнику часа через 2 придти и передать все что он узнает. В пріютѣ офицеры застали пріѣхавших наканунѣ Чистова и Ковальскаго. Послѣ привѣтствій и короткаго обмѣна шаблонными фразами, не касаясь в присутствіи сотника событія, потребовали чай.

В это время раздался звон шпор и вошел бригадный адъютант. Пожав всѣм руки он обратился к пріѣхавшим офицерам: — господа, я пришел предупредить вас, что командир бригады не здоров и являться вам надо к помощнику, полковнику Мурило... — затѣм подойдя к сотнику он добавил:—вас же командир очень желает видѣть, а так как я сейчас иду к нему, то пойдемте вмѣстѣ.

Офицеры поняли, что адъютант не считает умѣстным говорить при сотникѣ о происшедшем, обождали, когда оба они вышли и затѣм. приведя себя в порядок, потянулись к полковнику Мурило.

Мурило был дома; приняв в гостиной, куда были приглашены офицеры, рапорт каждаго из них, он сказал: — вы напрасно трудились пріѣзжать: не веселье предстоит, а неожиданно наступил траур; не именины, а нѣчто вродѣ панихиды. Подробности сами узнаете лучше чѣм от меня. Полагаю, что вы сами понимаете, что засиживаться здѣсь теперь не к чему и, когда отдохнете. отбудете по своим мѣстам. — Сдѣлав общій поклон, Мурило отпустил офицеров.

Возвратясь в пріют они застали там офицера для порученій ротмистра Тихачева и только теперь от него узнали всѣ подробности бѣгства Вѣрочки и той обстановки, которая создалась в штабѣ.

Между тѣм в домѣ командира вмѣсто ожидавшейся радости, может быть послѣдней в их жизни, воцарились ужасныя, безпросвѣтныя сумерки, ясно

напоминавшія, что за ними на смѣну может явиться только одна ночь, все излѣчивающая и все примиряющая.

Когда старый полковник, как то сразу осѣвшій, сгорбившейся, вернулся с границы домой и узнал, что жена его больна и лежит в постели с безпрерывными сердечными припадками, он не сразу прошел к ней, заперся в кабинетѣ и послал сказать, что очень устал и сначала немного отдохнет. Только теперь, оставшись наконец один, он отдался вполнѣ своему горю: он сѣл на стул у письменнаго стола, склонил голову на лежавшія на столѣ руки и зарыдал беззвучно и неудержимо; потом достал всѣ письма своей дочери, разные ея документы, ея фотографіи и особенно долго смотрѣл на ея послѣдній портрет, стоявшій в рамкѣ на столѣ. Рыдать он перестал, но слезы лились из его глаз; он поцѣловал портрет и все завернул в бумагу и перевязал бичевкой; встал широким жестом перекрестился; долго ходил задумавшись по комнатѣ, затѣм взял пакет и направился к женѣ. Лицо его стало суровое, слезы исчезли, но какая то тѣнь огромнаго горя легла на его лоб и складки в углах рта.

Ядвига Викторовна при видѣ мужа залилась слезами; он подошел к кровати, поцѣловал ее в лоб, взял руку и сѣл на стоявшій рядом стул.

Довольно долго сидѣл он молча глядя на жену и ожидал пока она немного успокоится. Наконец рыданія затихли, она повернула к мужу свое заплаканное и опухшее от слез лицо и прошептала: — ради Бога скажи, что же дѣлать, что будет? я без тебя совсѣм ума лишилась и ничего не могу сообразить..

— Прежде всего перестань, милая, так убиваться и возьми себя немного в руки; пойми, что нѣт средств помочь нашему горю, а значит и дѣлать нечего. Нам остается лишь рѣшить как быть самим и ты не обижайся и возможно спокойнѣе выслушай то, что я тебѣ скажу. Касательно себя я уже рѣшил: службу свою считаю оконченной и я подаю в отставку; слиш-

ком велик срам и остаться с ним на службѣ, сама понимаешь, я не могу. Затѣм вот тебѣ пакет, здѣсь все что было у меня от Вѣры, кажется, ничего не осталось. Прошу тебя ничего и никогда мнѣ о ней не говорить, я ее цѣликом вычеркнул из своей жизни. Знаю, что тебѣ это будет не легко, тогда всего лучше соберись и уѣзжай к сестрѣ, живи у нея пока не состоится отставка и я не сдам бригады, но еще раз повторяю — я о ней ни одного слова слышать не желаю; ея как дочери у меня нѣт и, если явится у тебя возможность, сообщи ей, чтобы она никогда не смѣла ко мнѣ обращаться. Единственно с кѣм я буду еще говорить о Вѣрѣ, так это с Борисом Леонидовичем; но это я должен и это будет послѣдній раз.

Старик пожелал женѣ поправиться; подумать над его словами и ушел к себѣ. Как ни странно, но твердый его голос и самообладаніе подѣйствовали на Ядвигу Викторовну благотворно и вывели ее из того состоянія полной апатіи, безсилія и безпомощности, в котором она находилась все время и она послала за женой поручика Рогатько, чтобы посовѣтоваться с ней о тѣх планах, которые один за другим стали рождаться послѣ ухода мужа.

Было около 11 часов утра когда на другой день, день именин, вѣстовой доложил командиру о приходѣ адъютанта и сотника. Смущенно и растерянно, точно себя считая виновным во всем происшедшем, встрѣтил старик сотника. Адъютанта он попросил пройти к Ядвигѣ Викторовнѣ.

— Борис Леонидович,—обратился он затѣм к сотнику,—прежде чѣм вам что либо сказать, простите за мой прямой к вам вопрос: — я конечно мог догадываться сам, многое мнѣ говорили, но я хотѣл бы слышать от вас. — Правда ли, что вы собирались сдѣлать Вѣрѣ предложеніе?

— Ей, я уже давно сдѣлал предложеніе и получил ея согласіе, — без кровинки в лицѣ, дрожащим голосом отвѣтил сотник, — сегодня же я хотѣл имѣть честь просить ея руки у вашей супруги и у вас, г. полковник.

Двѣ крупныя слезы покатились по лицу командира, он заволновался и с глубоким вздохом сказал:— мы были недостойны вашей чести, не такую дочь хотѣл бы я передать вам в руки; всѣх обманывая, она бросила вас, мать, отца и бѣжала с солдатом. Я вѣрю, что вы ее крѣпко любили; чувствую какое жестокое оскорбленіе нанесла она вам, но повѣрьте, что не меньшее оскорбленіе и не меньшую боль причинила она и нам, своим родителям. Тяжело сознаваться, но я рад за вас, кто знает какія испытанія ожидали вас как ея мужа! Говорят, все что не дѣлается — то к лучшему. Проникнетесь этим и успокойтесь. Однако, хотя удар мнѣ нанесенный безмѣрен, я считаю себя обязанным просить у вас прощенія за то горе, которое причинила вам Вѣра.

Старик протянул сотнику обѣ руки, затѣм обнял его и поцѣловал.

Глубоко взволнованный, сотник спросил: — г-н полковник, вы предполагается что нибудь предпринять?

— Нѣт, считаю это безполезным и безцѣльным, принимая во вниманіе, что Вѣра, давно очевидно творя свой роман с негодяем и подготовляя свой побѣг, одновременно преступно увлекала вас и подло за вашей спиной огородила себя от всяких подозрѣній. Это еще хуже чѣм побѣг. На ней я поставил крест и сам подаю в отставку, так как на службѣ больше оставаться не могу.

— Господин полковник, я вас понимаю, мнѣ стыдно, что вы еще извиняетесь передо мною и нѣт у меня слов, не знаю я, как выразить вам свое сочувствіе... У меня к вам просьба: находясь в вашем распоряженіи прошу дать мнѣ отпуск к отцу и сообщить об этом в полк; я сейчас хочу выѣхать, мое состояніе таково, что ни служить, ни видѣть кого либо кромѣ отца я не могу; отец мой вдов, живет одиноко, я у него один сын и, получив его благословеніе, я теперь волнуюсь и за него, как он примет печальное извѣстіе; только личным прибытіем могу я и его успокоить

и получить сам поддержку. Вашей супругѣ не откажите передать мое глубокое сочувствіе, сам же я боюсь явиться к ней, боюсь, что нервы мои не выдержат и я не хочу причинять ей лишнее разстройство.

Командир вызвал адъютанта, приказал немедленно приготовить сотнику отпускные документы и, подойдя к нему, перекрестил и сказал: — поѣзжайте, храни вас Бог.

Когда сотник ушел старый полковник опять долго сидѣл у стола и снова слезы градом полились из его глаз. Затѣм он вспомнил, как сильно был сотник взволнован происшедшим и невольно явилось у него опасеніе как бы сотник не натворил чего либо; эти мысли заставили его послать Жаду в пріют посмотрѣть что дѣлает сотник и предложить ему конвойнаго солдата, который проводил бы сотника до станціи.

Когда Жада пришел в офицерское собраніе, то застал пріѣхавших офицеров в столовой в полголоса разсуждавших о происшествіи. Офицеры передали ему что сотник, придя от командира в очень убитом и подавленном состояніи, заявил, что у него страшно болит голова, что он очень устал и что он хочет отдохнуть перед отъѣздом ночью в отпуск, послѣ чего ушел в спальню.

Поговорив нѣкоторое время с офицерами и разсказав им о создавшейся в домѣ командира обстановкѣ, Жада прошел к комнатѣ сотника и осторожно постучал. Сотник не спал, немедленно отозвался и Жада вошел в комнату; он лежал на кровати, прикрывшись шинелью; видимо его трясла лихорадка — он весь дрожал. Жада спросил, не нужно ли ему что либо, не хочет ли он ѣсть; — сотник отвѣтил, что апетита у него никакого нѣт, но что ему очень холодно и и он хотѣл бы чаю с коньяком. От предложенія командира не отказался, поблагодарил и просил, чтобы солдат с почтовыми лошадьми прибыл к 8 часам вечера. Затѣм дрожащими руками он вынул из под подушки бумажник, порылся в нем, достал какое то письмо и пакетик и сказал: — Сергѣй Николаевич,

здѣсь 2 фотографіи и подаренный мнѣ брелочек, возьмите их; всѣ письма я сжег, кромѣ послѣдняго, полученнаго мною 14-го, наканунѣ побѣга и о нем я не говорил даже Ольгѣ Григорьевнѣ... — Голос сотника задрожал, он приподнялся на кровати и порывисто, задыхаясь, отдѣльными словами добавил: — только... это письмо.., я возьму с собой. Да. Оно будет мнѣ всегда напоминать... Да, именно... ее... и то, что она... со мной сдѣлала... Прочтите... Тогда вы поймете меня... мое состояніе... мое ужасное... да, хуже мое...—сотник не договорил... он не выдержал, уткнулся головой в подушку и зарыдал, почти завыл и видно было, что его страданіе было безмѣрно...

— „Милый Боря“, читал Жада,—первый раз обращаюсь к тебѣ на ты, теперь вѣдь уже можно... да? Вот видишь я правду тебѣ говорила, что надо ждать, чтобы она пришла: я тебя люблю. Ты доволен, не правда ли, а я счастлива что через три дня увижу и... поцѣлую тебя...

Твоя Вѣра...

Прочитав это письмо Жада не знал ни что сказать, ни что сдѣлать; стало как то очень уже скверно, тошнило и во рту появилась горечь. Зачѣм, зачѣм, думал он, она послала это письмо чуть не наканунѣ побѣга? Зачѣм она так дьявольски жестоко причинила ему лишнее страданіе... Да, несомнѣнно, посылая это письмо, она кому нибудь, может быть даже матери, его прочла, чтобы обезпечить себя от малѣйших подозрѣній; видно она им отводила всѣ случайности... Как подло! Он подошел к кровати и положил руку на плечо сотника.

Сотник оторвал голову от подушки и прошептал: — простите, не выдержал, разгулялись нервы... — Он протянул руку, взял письмо и сунул под подушку. Криво усмѣхнулся и сказал: — это все что осталось от моей грезы... Благодарю вас, я успокоился, все прошло, только очень устал, не забудьте насчет лошадей.

Жада пожал ему руку и вышел. Офицеры рѣшили лучше всего оставить сотника в покоѣ, не тревожить и не разстраивать его всяким вздором. Только Ольга Григорьевна и Жада проводят его и возьмут на себя всѣ заботы, связанныя с его отъѣздом.

VII.

Тот же татарин-ямщик, что два дня тому назад мчал ночью бѣжавшую Вѣрочку, вез теперь по тому же пути брошеннаго ею ея жениха, как раз в день ея имении и в то время, когда многочисленные гости должны были собраться на торжество их обрученія.

Печален и темен был командирскій дом так гостепріимно и заботливо подготовлявшійся к этому дню, еще печальнѣе, с опустошенной душой и кошмарными мыслями, завернувшись в косматую бурку, ѣхал несчастный путник с тѣм, чтобы никогда не вернуться обратно. На облучкѣ рядом с ямщиком и с винтовкой в рукѣ сидѣл бравый ефрейтор, которому поручено было помогать офицеру в пути и усадить его в вагон.

Крѣпко сколоченная, без рессор, почтовая телѣга быстро катилось и тарахтѣла, уносимая тройкой рѣзвых лошадей, гулко и часто отбивавших бойкую рысь и слѣпо натыкались в ночной темнотѣ колеса на неровности и камни, трася телѣгу и каждый толчек отражался на сидѣвших в ней. Прилипши к сидѣнью, сотник тресся вмѣстѣ с телѣгой и также нелѣпо как и колеса скакали в его воспаленной головѣ и мысли, перескакивая с одного предмета на другой и не позволяя сосредоточиться ни на одном из них. То он думал о безмѣрной дерзости и наглости Чернова, позволившаго себѣ не только соблазнить. но и увезти командирскую дочь и тут же рядом рождалась мысль о смертельном оскорбленіи, которое он нанес ему, офицеру и жениху, его безраздѣльной любви, затоптанной в грязь солдатскими сапогами; оскорбленіе ширилось, становилось безпредѣльным, переходя

на Вѣру, ея родителей, своего отца, превращалось в открытый вызов, в наглую над всѣми насмѣшку. Стон вырывался из груди сотника и судорожно сжимал он под буркой рукоять кинжала, сознавая полное свое безсиліе свести счеты с оскорбителем; но эта мысль сейчас же смѣнялась другой, что в сущности еще больше оскорбленіе нанесла ему столь любимая им Вѣрочка, так безжалостно обманувшая его с солдатом, сознательная же насмѣшка над его чувством, выразившаяся в ея послѣднем письмѣ, так нестерпима, так гнетуща своей лживостью, что нѣт средств, нѣт никакой возможности избавиться от той смертельной душевной раны, которую она ему нанесла. Сотник отпускал кинжал, хватился за голову, закрывал глаза и слезы безшумнаго отчаянія ползли по его лицу и вдруг начинало ему казаться, что все это сон, неправда, что он мчится и спѣшит к ней, сейчас увидит ее и все разсѣется как туман и тогда сквозь слезы он начинал улыбаться и одна картина за другой начинали вереницей проходить в его воображеніи, догонять друг друга, сбивать с ног, цѣпляясь и соединяясь вмѣстѣ кружиться хороводом в больной головѣ. Вот он видит себя рядом с ней у вѣнца; она такая прекрасная, сказочная, в бѣлом подвѣнечном платьѣ, с опущенным скромно взором и нѣжным от волненія румянцем и он в новой бѣлоснѣжной черкескѣ и красном бешметѣ. Как подходят они друг к другу и как радостны кругом у всѣх лица и всѣ держат в руках чудные букеты бѣлых и красных роз и усыпают ими путь вокруг аналоя, по которому ведет их отец Василій. Сосредоточенно и серьезно, творя в душѣ клятву быть вѣчным другом своей любимой женѣ, шествует он с ней, устремив взор свой вдаль и вдруг ясно видит своего славнаго и добраго отца, радостно благославляющаго их путь! Но что это? Бѣлая черкеска растворяется в туманѣ, блекнет, превращается в облако и, уплывая, исчезает, а на ея мѣстѣ остается черное пятно, оно принимает очертанія, становится черным солдатским мундиром и в ужасѣ видит он, что

рядом с его прекрасной, любимой Вѣрочкой вокруг аналоя идет вахмистр Чернов... Смертельный холод сковывает его душу и, когда вдруг Чернов начинает склоняться к Вѣрочкѣ, сжимать ее в своих объятіях и впивается в нее страстным поцѣлуем, сотник порывисто срывается с мѣста, сбрасывает бурку и закричав: — отец, помоги, спаси, — со всего размаха ударяет в спину ямщика.

— Что ты, дьявол, остановился? Скорѣе погоняй, не то опоздаем! — Ямщик спѣшил и, не понимая в чем дѣло, дѣйствительно остановился; тогда сотник снова ударил его, потом судорожно, нервно вынул какую то кредитку, сунул ямщику и, вырвав у него кнут, начал стегать лошадей.

Тѣ подхватили и пустились вскачь. Сотник устало рухнул в сидѣнье.

С этого момента началась безумная скачка сотника от станціи к станціи, отчаянная, головоломная спѣшка, невѣдомо зачѣм и почему.

Как только сотнику казалось, что ямщик сдерживает лошадей или кони замедляют ход, он отчаянно кричал — скорѣе,—давал деньги и телѣга, сломя голову, неслась дальше, пока тяжело дышащія, взмыленные кони не останавливались у очередной станціи. Тогда подымалась суета, сотник требовал лучших лошадей, щедро раздавал деньги и смотрителю и ямщикам и через нѣсколько минут погоня за невѣдомым золотым руном продолжалось и, только чувствуя это головоломное движеніе вперед, ему казалось, что он приближается к той цѣли, которая может принести ему какое то спасеніе. Так мчался он всю ночь судорожно держась за обочину телѣги и впиваясь воспаленными глазами в даль, пока уже утром тройка не остановилась круто у послѣдней перед желѣзнодорожной станціей. Оставалось всего 12 верст и здѣсь к его ужасу произошла остановка: всѣ лошади были в разгонѣ и приходилось ждать. Сотник не повѣрил и побѣжал в конюшню, но ни одной лошади не было; он начал умолять достать лошадей; но станція была оди-

нокая, заброшенная в степи и достать было негдѣ. Смотритель стал увѣрять, что через полчаса одна тройка вернется и он сейчас же ее даст.

Но сотник не в силах был оставаться на мѣстѣ. Тогда он приказал солдату догнать его и, не обращая вниманія ни на какіе уговоры, пошел вперед пѣшком. Отойдя немного от станціи, он побѣжал; все тѣло его было разбито, ноги подкашивались, он задыхался, в висках стучало и сердце безумно ныло; он нѣсколько раз падал, подымался опять и продолжал бѣжать; папаху свою он уронил и черный клок вьющихся волос все слабѣе колыхался на его головѣ; наконец силы начали его оставлять, он сдѣлал еще нѣсколько шагов и, замѣтив придорожный камень, опустился на него и как то безпомощно схватился обѣими руками за голову и закрыл глаза и тотчас же увидѣл склоняющагося к Вѣрочкѣ Чернова и тогда смертельный стон вырвался у него из груди, он рванулся вперед, еще раз крикнул:—отец, помоги—и тут, наконец, понял, что ни отец и никто помочь ему уже не в состояніи! Вмѣстѣ с вернувшимся сознаніем исчезло безуміе, безудержно гнавшее его всю ночь вперед, взгляд ужаса смѣнился тихим вглядом покорности своей судьбѣ, черты страданія на лицѣ сгладились и оно покрылось тѣнью спокойной, но твердой рѣшимости.

Рука сотника скользнула к кобурѣ, не торопясь отстегнула застежку и вынула револьвер; затѣм он достал записную книжку и написал: — прости, отец, я виноват, т. к. другого выхода не было.

Медленно взвел курок, приставил револьвер вплотную к правому виску и плавно нажал гашетку: сухо и коротко щелкнул в степи выстрѣл и с крѣпко стиснутым в рукѣ револьвером бѣлый казак медленно свалился с камня на лѣвый бок.

VIII.

Спустя нѣсколько дней послѣ бѣгства Вѣрочки старый полковник получил телеграмму от какого то сельскаго священника сѣвернаго Кавказа: на основаніи

выданных документов ваша дочь Вѣра сего числа повѣнчена с вахмистром Черновым.

Сгорбившись отнес он на дрожащих ногах телеграмму женѣ и отдал со словами: — это тебя касается, а по ошибкѣ вручили мнѣ.

Всю ночь Ядвига Викторовна укладываясь плакала и на другой день уѣхала к сестрѣ в Тифлис.

Писарь Бондарев заболѣл и досрочно был уволен со службы. Отец Василій по упорному настоянію матушки поѣхал к экзарху Грузіи с просьбой о переводѣ в другой приход, а Петенька был вызван с границы для пріема учебной команды от уѣзжавшаго на три мѣсяца в отпуск поручика Рогатько.

Ему пришлось быть невольным свидѣтелем той тяжелой душевной драмы, которую на старости лѣт носил с собой командир бригады; оставшись один, он по вечерам не мог быть дома и ежедневно плелся куда нибудь на огонек. Безучастный ко всему и погруженный в свои думы, просиживал он молча весь вечер, отвѣчал только на вопросы, и частенько сконфуженно смахивал застывшія на щеках слезы; если он заставал Петеньку, то всегда убѣдительно просил проводить его домой и ночевать у него. Они входили в большой, холодный, мертвый теперь дом, проходили в столовую и вѣстовой подавал бутылку вина. Молча со слезами на глазах долго еще сидѣл полковник, затѣм уходил в спальню, Петенька засыпал, а полковник лишь под утро забывался тяжелым сном.

Однажды к Петенькѣ пріѣхал Чистов и Ковальскій. Друзья рѣшили как и прежде собраться вечером в лавкѣ Аветисова, И когда вино заискрилось кровавым свѣтом в рюмках, Ковальскій ударил по струнам и запѣл:

— Я боюсь разсказать, как тебя я люблю,
Я боюсь, что подслушавши, повѣсть мою,
Легкій вѣтер в кустах вдруг в веселіи пьяном
Пролетит над землей ураганом...

Чистов взял рюмку и сказал: — а я прав был, когда говорил, что это иначе кончится. Кончилось пе-

чальнѣе, чѣм я думал; безумно жаль бѣлаго сотника, жаль мнѣ и Вѣрочку, но я рад, что не пришлось хоронить Петеньку и не так как тогда, когда он лишь дурачился,

Друзья выпили и погрузились в думы. Чистов вновь налил вино.

— А знаете что,—сказал он: — я чувствую, что и нашей тройкѣ скоро конец и первый уйду я, куда не знаю, должно быть нечистая сила утянет, а вы оба разбредетесь по бѣлому свѣту.

Всѣ разсмѣялись и выпили за дальнѣйшее процвѣтаніе тройки. Но Чистов и на сей раз оказался прав: спустя короткое время он утонул с конем подхваченный стремниной при переправѣ через Аракс в погонѣ за разбойниками, а Петенька и Ковальскій были переведены в западныя бригады.

Прошли года. В глухой отряд на турецкой границѣ прибыл вахмистр Чернов, принятый вновь на службу из чувства состраданія полковником Негаловским. Вѣрочкѣ пришлось очень тяжело: сначала волостным писарем, потом на желѣзной дорогѣ, затѣм без мѣста, Чернов тщетно пробивался в поисках счастья, пока нужда и трое дѣтей не заставили ее обратиться со слезными письмами к Негаловскому.

Теперь стояла она перед постом, в простом платьѣ, с платком на головѣ и смотрѣла на возвращавшихся с ученія солдат. Тут же копошились ея дѣти. Впереди ѣхал молодой офицер, сзади ея муж с черной окладистой бородой. Но вот запѣвало махнул рукой и запѣл:

„Там гдѣ волны Аракса шумят,
Там посты грозно в ряд
По границѣ стоят..“

„Стой, стой, стой, стой, конный, пѣшій не пройдет живой“, — грянул хор.

Вѣрочка повернулась и быстро убѣжала в свою комнату,

Она плакала.

Грозный генерал.

На офицерском посту 13-ой пограничной бригады, фланговом в отрядѣ, все было готово для встрѣчи грознаго начальника округа, объѣзжавшаго бригаду обычным инспекторским смотром.

К этому смотру всѣ бригады округа со дня поступленія в отряд молодых солдат начинали готовиться лихорадочно, а когда получалось наконец росписаніе смотра, с точным указаніем маршрута слѣдованія и порядка смотра, то по говоркѣ — дѣдка за бабку, бабка за дочку, дочка за внучку, а внучка за Жучку, — точно из пулемета слѣдовали одно за другим послѣднія распоряженія и указанія и всѣ тянули и подтягивали друг друга с ожесточеніем, чтобы та рѣпка, которая наконец предстала перед глазами генерала, оказалась блестящей.

Хуже всѣх приходилось в этой работѣ командиру отряда, этому обреченному Жучкѣ, котораго из всѣх сил тянули за хвост и вѣрному его помощнику и сострадальцу старшему вахмистру.

Помилуй Бог, сколько забот было у командира отряда, сколько опасностей сторожило его на смотру: 4 поста, на всѣх строевой и словесный смотр, мобилизаціонная готовность и снаряженіе, пограничный надзор, полная выкладка на всѣх постах и наконец, сложнѣйшая хозяйственная отчетность из восьми отдѣлов со своими огородами и свиноводством, в котором уход за свиньями и контроль за убоем и его планомѣрным расходом доведен был до такого совершенства, что даже вѣс несъѣдобных частей туши имѣл свою графу в специальной „свинячей“, как его называл хохол вахмистр Ткаченко книгѣ.

Правда, у командира отряда была одна дырка, именно черта границы, куда он мог безслѣдно скрыть от глаз начальства кое-что из неудобоваримаго на смотру ввидѣ какой либо худой по тѣлу казенной клячи и нѣскольких особенно слабых солдат, однако этот персонаж находившихся за кулисами, был чрезвычайно мал, т. к. наряд на службу во время смотра сокращался до минимума.

Все же остальное неминуемо должно было предстать перед грозными очами начальства и получить свою оцѣнку.

В десятый раз командир отряда обходил то то, то другое помѣщеніе поста, стараясь убѣдиться, все ли в порядкѣ, не торчит ли какая нибудь веревочка могущая провалить весь смотр и возвращался к выстроенным перед постом людям, которых по линейкѣ ровняли вахмистр и унтер-офицер, одновременно давая послѣднія энергичныя указанія и напоминанія.

Оглядѣв еще раз людей и лошадей и приказав стоять вольно, но „с мѣст не сходить" и, сохраняя наружное спокойствіе и даже веселость, хотя на душѣ скребли кошки, командир отряда стал глядѣть в сторону католическаго кладбища, из за каменной ограды котораго вот вот должен был вынырнуть сначала конный вѣстник сосѣдняго отряда, а затѣм показаться и кортеж грознаго начальника округа, сопровождаемаго двумя адъютантами, командиром бригады и отдѣла. Тут же, не спуская глаз, пристально смотрѣл дежурный у поста.

Начальник 3-го пограничнаго округа генерал-лейтенант Н. А. Усов не даром считался грозным. И не потому, чтобы у него сердце было злое или он был мелочен, придирчив или несправедлив. Совсѣм нѣт и с этой стороны он пользовался большим уваженіем и любовью в округѣ, но внушал он страх тѣм, что он великолѣпно знал всѣ отрасли службы и людей, как то сразу нащупывал слабыя стороны и, если таковых было много, то задавал такую баню, повтореніе которой никому не удыбалось.

Грозной его славѣ вполнѣ импонировала и его внѣшность. Выше средняго роста, в обще-генеральской формѣ и фуражкѣ александровскаго с большим козырком, покроя, всегда, в разстегнутой шинели, он неизмѣнно держал руки за спиной, причем почему то всегда большой палец лѣвой руки был перевязан тряпочкой. Ходил медленно, сутулясь, и обѣ ноги его, неизмѣнно в высоких гармоникой сапогах, имѣли от колѣн наклон в одну и ту же сторону, одна послѣ раненія в Турецкую войну, другая вѣроятно по инерціи слѣдовала за первой. Обрамленное растрепанной бородой и усами багровое лицо его с оттопыренными ушами глядѣло в упор большими на выкатѣ карими глазами и особенно выдѣлялся мясистый нос картошкой, может быть вслѣдствіе грѣхов молодости отливавшій синевой.

Говорил генерал хрипло, зычным и низким голосом и никогда не улыбался. Словом свирѣпый его вид, не гармонировавшій, повторяю, с положительными душевными его качествами и требовательность его по службѣ, справедливо разбиравшаяся в том, гдѣ идет работа хорошо и гдѣ через пень да колоду, нагоняла панику на всѣх, а особенно на тѣх, кто чувствовал за собой недочеты и кто видѣл его первый раз.

На смотру провѣрялось рѣшительно все. И в то время, как оба адъютанта рылись в отчетностях, провѣряли мобилизаціонную укладку, всяческаго рода и вида имущество и припасы и несеніе дозорной по охранѣ границы службы, сам генерал производил смотр строевой и словесной подготовки солдат и внимательно изучал состав поста.

На послѣднем посту послѣ доклада адъютантов и личной провѣрки, командир отряда получал соотвѣтственное подбодреніе и генерал отбывал в слѣдующій отряд, великолѣпно запомнив всѣ плюсы и минусы осмотрѣнной части.

Однако эти подробные, строгіе и серьезные смотры почти никогда не обходились без курьезов и

по округу безпрерывно передавались тѣ или иные казусы, происшедшіе во время смотра. А происходили они потому, что у генерала Усова, как и у многих, были свои коньки и потому, что будучи прямолинейным, он за словом в карман не лѣз.

— Идут, ваше высокородіе — завопил дежурный по посту отвернувшемуся командиру и из за кладбищенской ограды вынырнул скакавшій галопом сосѣдній вахмистр.

— Смирна—а—а! Равняйсь! — раздалась команда вскочившаго на коня офицера. — Шай на краул! — и, повернув направо, он поскакал с рапортом на встрѣчу к приближавшемуся экипажу с генералом; но не успѣл он отсалютовать, как раздался крик генерала: — вахмистр, не в затылок! в затылок прійми, олух! под арест закачу.

Как мог видѣть генерал вообще затылки, подъѣзжая к фронту слѣва, это конечно был секрет генерала.

Вахмистр продолжал стоять неподвижно, пожирая начальство выпученными глазами, а командир отряда подумал — начинается.

И — началось. Хотя привѣтствіе — здравья желаем ваше п—ство,—рявкнуло так сочно, что стоявшій в полуверстѣ часовым на границѣ солдат татарин забился с переляка совсѣм под куст, тѣм не менѣе генерал был уже недоволен.

— К но — гѣ! — Слѣзай! — Начался обход фронта.

— Как зовут?

— Рядовой Иван Корыто ср. сл. 905 г. В.—ство!

— Губерніи? — Херсонской, В.—ство!

— Чѣм занимался дома. — Извозом, В.—ство!

— Что возил? — Соль, В.—ство!

— А отец чѣм занимался? — Тоже соль возил, В—ство!

— А дѣд? — Не могу знать, бают тоже соль возили!

— Водку жрешь? — Никак нѣт, В—ство!

— Врешь, врешь, дубина! И отец водку жрал, и дѣд, и прадѣд, и ты жрешь, мерзавец! Соль возил, а водку не жрешь! Обратить на него вниманіе! Я тебѣ брат побаю!

Слѣдующій Василюк оказался хлѣбопашцем и хотя он любил приложиться к рюмочкѣ, но профессія его вывезла. Солдаты смекнули в чем дѣло и всѣ оказались примѣрными хлѣбопашцами, кромѣ одного стоявшаго третьим номером послѣдняго отдѣленія второй шеренги. Маленькій с закрученными в стрѣлку усиками он стоял с явно сквозившим на лицѣ сознаніем своего превосходства над другими. Уже одна его фамилія Григорій Пьянов заставила генерала нахмуриться еще болѣе, а когда на вопрос, чѣм занимался, солдат отвѣтил — оффиціант, ваше п—ство, — генерал завопил: — по русски отвѣчай, дубина, кѣм был?

— Половым, ваше п—ство.

— Гдѣ? — В Харьковѣ, в ресторанѣ „Красный Курган“ — ваше п—ство.

— Половой из „Краснаго Кургана“, эвона какой ты гусь! А кто называется внутренним врагом?

— Унутренним врагом называются всѣ тѣ, которые идут супротив закона и порядка: контрабандисты, мошенники, воры, убивцы, дезертиры, ваше п—ство.

— И такіе оффиціанты-арестанты как ты, — докончил генерал.

— Убрать его с границы, по рожѣ вижу — жулик. Назначить служителем в лазарет и смотрѣть в оба.

Пьянов дѣйствительно оказался скверным солдатом и скоро угодил под суд.

Это был конек генерала по лицу и профессіи опредѣлять кто не враг хмѣльнаго, за что тут же влетало не только самому виновнику и его родителям, но частенько и командиру отряда и обязательно вахмистру.

Но однажды произошел случай, когда никому не влетѣло и совершенно опѣшил сам генерал.

Был в бригадѣ сверхсрочный старшій кузнец, великолѣпный знаток своего дѣла, но увы, страшный пьяница. Держали его за искусство идеально ковать всякія порочныя копыта, а образцовыя подковы его с умопомрачительной выбухтовкой хранились даже в музеѣ штаба корпуса в Петербургѣ. Предательскій нос кузнеца ввидѣ огромной спѣлой сливы заставлял скрывать его от всѣх смотров, замѣняя его младшим кузнецом и сходило это всегда благополучно.

Но вот в один прекрасный день, к постройкам учебной команды, находившимся у шоссе на охранѣ уѣзднаго города, в котором был расположен штаб бригады, подкатил экипаж и из него вылѣз в сопровожденіи адъютанта генерал Усов. Пріѣзд был полной неожиданностью. Вскорѣ в учебную команду прибыл освѣдомленный командир бригады и стали стекаться офицеры штаба и врачи. Между тѣм генерал приказал приготовить лошадей к выводкѣ.

Тут случилась бѣда: младшій кузнец отсутствовал, а так как кузнец обязательно должен был быть на лицо, то поневолѣ в строю оказался подпоясанный кожанным фартуком, в рукавицах и с инструментом в руках обладатель сливы. Выводка началась. Подошел с рапортом и остоновился возлѣ генерала завѣдующій учебной командой; за ним гуськом старшій вахмистр, ветеринарный фельдшер и кузнец и выстроились против генерала. Тотчас по приказу выводка остановилась. Генерал уставился на кузнеца, покачал головой и спросил: — пьяница?

— Так точно, к сожалѣнію любит, но прекрасный кузнец.

— Прекрасный пьяница, — выпалил генерал и, забыв о своем носѣ, принялся раздѣлывать несчастную сливу и, когда наконец, вспомнив всѣх родственников сливы, оказавшихся тоже виновными, он закричал: — и все то у тебя пьяное, и

рожа пьяная, и носище пьяный, и весь ты пьяный, и фамилія то у тебя вѣрно пьяная! Как зовут?

— Усов, ваше п—ство, — рявкнул во все горло красный как рак кузнец.

Теперь налился кровью генерал, в сердцах сплюнул и завопил кузнецу.

— Кругом, с глаз моих бѣгом марш!

Путаясь в фартукѣ кузнец побѣжал, споткнулся и упал; еле сдерживаемый смѣх получил свой разряд и даже улыбнулся сам генерал.

Выводка кончилась затѣм без заминок и, спѣшившій проѣздом генерал, уѣхал со словами — того дурня чтобы я больше не видѣл.

С тѣх пор долго еще служившій кузнец Усов на всѣх смотрах неизмѣнно отмѣчался в „командировкѣ“.

Послѣ „бесѣды“ с Пьяновым, производя строгій смотр и провѣрив отрядныя суммы, генерал освѣдомился не упущено ли что либо адъютантами, успѣвшими осмотрѣть все, начиная от веденія шнуровых книг и дѣл и кончая собственными вещами солдата и количеством иголок в игольникѣ походнаго вьюка и стал обходить всѣ жилыя и хозяйственныя помѣщенія.

Увидав затворенную дверь и узнав, что это помѣщеніе семейнаго вахмистра, кстати недавно женившагося, генерал вошел в комнату. К своему удивленію он увидѣл не обычный тип вахмистерши, а по городскому одѣтую молодую женщину, которая на привѣтствіе—здорово—сдѣлала книксхен. Это бы еще ничего, но к несчастью дочь таможеннаго досмотрщика русскаго и матери польки, она неправильно говорила по русски.

Генерал обратился с обычным вопросом: — какой губерніи?

— Петровской, пане генерал, — отвѣтила она.

Генерал насторожился: — гдѣ училась?

— Скончалам четыре клясса гимназіи.

— Ну и дура, — заключил генерал и вышел,

оставив обалдѣвшую вахмистершу. А когда, кончился смотр всѣх постов и генерал, послѣ соотвѣтственных указаній отрядному офицеру, покидал отряд, он подошел к вахмистру и сказал: — пока ты чучело не научишь жену говорить по русски, всегда будешь стоять не в затылок; понял?

— Так точно, ваше п—ство, — гаркнул вахмистр, которому все время смотра здорово влетало.

На слѣдующій год все было хорошо, вахмистерша говорила по русски, пан генерал был ваше п—ство, а вахмистр стоял в затылок и получил — спасибо за службу.

Генерал вообще не любил, когда кто либо вмѣшивался в разговор и перебивал его даже в частном быту и в этом отношеніи не дѣлал исключеній даже дамам.

Обѣдая как то послѣ смотра у командира отряда, генерал о чем то говорил. В это время хозяйка обратилась к нему: —попробуйте, ваше п—ство, грушу, чудесная, аромат как у дыни.

— Ну и дрянь, сударыня! Груша должна грушей пахнуть, а дыня дыней, а если наоборот, то знячит дрянь.

Бѣдная дама конечно сконфузилась, а генерал начал доказывать, что всяк предмет имѣет свой запах, спорить с чѣм ни у кого охоты не было.

С неосторожными офицерами бывало еще хуже. Генерал любил, чтобы послѣ смотров на обѣдах присутствовали всѣ наличные офицеры и классные чины.

Во время одного такого обѣда в штабѣ бригады у командира ея, когда за столом сидѣло человѣк 12 офицеров, медицинскій и ветеринарный врачи и священник и когда царило обычное настроеніе, т. е. говорил громко или спрашивал один генерал, а прочіе или молча ѣли или в полголоса обращались друг к другу; ветеринарный врач К., невзрачный и сильно пахнувшій еврейчиком человѣк, вдруг обидѣлся на генерала, что тот обращается все время к священнику и

медицинскому врачу, а на него не обращает никакого вниманія. В это время генерал как раз обратился к доктору: — у меня часто болит голова, скажите, правда ли, что расхваливаемый так цитрованил помогает и нѣт ли чего лучшаго?

Доктор начал говорить на эту тему и упомянул какое-то другое средство.

Но тут вмѣшался ветеринарный врач, пожираемый внутренним червем обиды со словами: — а я читал, что это новое средство вызывает... но не кончил, так как перебил его генерал: — а я забыл вам сказать, что у вас в ветеринарном лазаретѣ мухи загадили всѣ окна и вам необходимо во первых присмотрѣть, чтобы окна были вымыты, и во вторых получше изучать средства для лошадей.

К. смылся чуть не под стол, офицеры прыснули, а сосѣд ротмистр ядовито сказал:—что поговорили? А все мухи подгадили.

К. собирался жаловаться, но рѣшил не стоит и перевелся вскорѣ на Кавказ. Его впрочем не любили и не пожалѣли.

Нѣсколько лѣт 13 бригадой командовал полковник Н. Л. Магд—о, бывшій гусар; на службу он особенно не напирал и служить было легко. Высокаго роста, стройный и красивый, с пышными бѣлыми бакенбардами, он любил шик и лихость, винт и танцы, гостепріимство и дам. Обращал вниманіе только на строй и выправку и терпѣть не мог канцеляріи. Смотры были для него сущими муками, окончаніе которых всегда праздновалось веселыми вечеринками в собраніи.

Все это прекрасно знал генерал Усов, штаб округа бомбардировал бригаду предписаніями, а М—ко чертыхался и отписывался и непремѣнно на смотрах влипал и выслушивал головомойки.

Но однажды, влипши по обыкновенію сам, он здорово подвел и генерала.

Ежегодно осенью генерал осматривал тотчас по прибытіи бригаду ремонтных лошадей, обычно приводимых из задонских полудиких косяков, а по оконча-

ніи 4-х мѣсячной выѣздки при штабѣ бригады генерал обычно производил вторичный осмотр.

При первом осмотрѣ особенное вниманіе обращалось на опредѣленіе попадавшихся иногда жеребых кобылиц, требовавших особенно внимательнаго и осторожнаго ухода и попадавших под постоянное наблюденіе ветеринарнаго врача.

При одном из таких осмотров жеребой оказалась очень статейная и красивая, со звѣздой на лбу, свѣтлорыжая кобылка, прозванная „Красоткой".

Генерал долго любовался лошадью и прочел цѣлую лекцію об уходѣ за ней, возложив особую отвѣтственность и на врача и на командира бригады.

В теченіи 4 х мѣсяцев штаб округа не раз запрашивал о состояніи „Красотки", все было благополучно и наконец пріѣхал генерал. Приказано было на плацу выстроить для выводки всѣх лошадей учебной команды, мѣстнаго летучаго отряда и ремонтных, послѣдних на правом флангѣ; как принято было собрались и всѣ офицеры штаба.

Выводка началась. День был сильно вѣтренный и порой тучи песку засыпали глаза. Генерал приказал — не забудьте доложить, когда очередь „Красотки".

Вдруг в учебной командѣ задрались какіе то кони, раздалось ржаніе, крики, нѣсколько лошадей вырвались и, задрав хвосты, понеслись по плацу, внося еще большую сумятицу.

Всѣ офицеры оглянулись, но тотчас услыхали: — ветеринарный врач, строевые офицеры, не глазѣть надо, а бѣгом марш, установить порядок, — доложить, не покалѣчились ли лошади! Выяснить, кто виноват!

Тѣ побѣжали, остался генерал, полковник М. и штабные офицеры.

— Продолжать выводку, — приказал генерал, — полковник, доложить когда подойдет „Красотка".

Командир бригады взглянул направо и увидал третьей лошадью свѣтлорыжую со звѣздой; конечно

„Красотка“, рѣшил он и когда ее подводили, доложил: — „Красотка“, ваше п—ство.

Лошадь шла как то боком, танцуя и откинув зад, а когда подошла, поставила лѣвую заднюю вперед и остановилась, скося глаз.

Солдат хотѣл было ее установить, но генерал махнул ему рукой, приказал молчать и вперился глазами в лошадь.

Между тѣм офицеры вдруг к ужасу своему слышат слова генерала: — плохо развивается, чрезвычайно ненормально и медленно. это крайне рѣдкій случай. Она на 6-ом мѣсяцѣ должна быть полнѣе — Врач, подвергнуть лошадь особому изслѣдованію,— а затѣм приказал солдату: — называй лошадь!

— Конь „Казбек“ рем. 19... г. без пороков ваше п—ство, — гаркнул солдат.

Генерал круто повернулся к командиру и буквально зарычал: — полковник, если вы не знаете лошадей, то подглянули бы хотя эту с правой стороны.

Полковник М—о тоже круто повернулся, сплюнул и демонстративно отошел к деревьям у шоссе, пока не провели дѣйствительную „Красотку“.

Долго послѣ смотра хохотали офицеры, а командир говорил: — а виновата Марья Ивановна и Наталья Васильевна, онѣ как раз проходили по шоссе и, признаться, я смотрѣл на них, а не на лошадь.

Много, очень много курьезов сплеталось вокруг генерала Усова; они переходили из бригады в бригаду, из уст в уста и пріобрѣтали характер незабываемых анекдотов и служили темой неисчерпаемых разговоров.

Знал конечно и сам генерал и, кто знает, может быть он, сумрачный и сердитый на виду у всѣх, в одиночествѣ, в тиши своего кабинета смѣялся сам. Однако ни одно комичное происшествіе или неожиданная его тирада не отражались на службѣ, не приносили с собой послѣдствія и им самим никогда не вспоминались.

Хочется в заключеніе вспомнить еще об одном случаѣ вызвавшем на смотру командира пограничнаго корпуса общій смѣх и заставившій вѣроятно ввиду наличія высшаго начальства засмѣяться и самаго генерала.

До 900 годов всѣ помѣщенія пограничных постов и штабов бригады были за рѣдкими исключеніями вольнонаемныя; затѣм новые контракты постепенно не заключались,а строились прекрасныя кирпичныя, казенныя зданія со всѣми необходимыми службами, банями,конюшнями с верхним освѣщеніем и пр. или покупались казной старыя помѣщенія, если они были вполнѣ исправныя и удовлетворяли своему назначенію. Таким зданіем предназначавшимся для покупки являлся также ветеринарный лазарет 19 бригады.

Это был небольшой двухэтажный каменный особняк с квартирой врача и лазаретными помѣщеніями внизу, расположенный в болотистом, заросшем деревьями паркѣ; дом был очень сырой и покупка, благодаря неблагопріятным заключеніям комиссій, затягивалась, несмотря на дешевизну. Тогда генерал Усов представил проэкт осушенія мѣстности и дома дренажами, принятый послѣ больших преній.

Покупка состоялась, устроены были дренажы и зданіе, а также и конюшни, отремонтированы и передѣланы согласно установленным планам. Вслѣд за этим ожидался пріѣзд командира корпуса генерала от артиллеріи А. Д. Свиньина, объѣзжавшаго части 3-го округа инспекторским смотром и попутно осматривавшаго вновь пріобрѣтенныя казной постройки, в ряду которых особенный интерес представлял упомянутый лазарет.

Сопровождаемый большой свитой маститый генерал прибыл в штаб бригады поздно вечером. Всю ночь лил проливной дождь; к утру погода хотя разгулялась, но в лазаретѣ к ужасу своему увидѣли, что погреб под домом сплошь залит водой, которой наканунѣ не было. Тяжелыя желѣзныя двери погреба были поэтому заперты на замок и считалось мало-

вѣроятным, чтобы командир корпуса обратил вниманіе на незамѣтный, к тому же расположенный сзади дома вход в погреб и пожелал туда спуститься. Между тѣм смотр начался и вскорѣ командир корпуса, генерал Усов, командир бригады и большая группа сопровождавших лиц и офицеров появились на территоріи лазарета.

Послѣ рапорта врача командир корпуса выслушал доклад генерала Усова о произведенных работах и осушкѣ зданія, а затѣм начал обход построек. Внимательно и медленно все осматривая командир корпуса направился на тыловую сторону зданія и у дверей погреба остановился.

— А это что? — спросил генерал.

— Погреб, ваше п—ство, — доложил врач.

— Прикажите открыть.

Желѣзная дверь была открыта и командир корпуса рядом с генералом Усовым стал медленно спускаться, но уже через нѣсколько ступенек принужден был остановиться, так как до самого порога погреб был полон воды.

Пристально глядя на воду, командир корпуса вдруг сдѣлал руками плавающее движеніе и сказал:— а посмотрите ваше п—ство, вон и жабы плавают, вот эдак.

— Так точно, ваше высоко п—ство, вот так, — и генерал Усов повторил плавающее движеніе.

— А любопытно было бы знать, как онѣ сюда попали?

И вдруг к удивленію и еле сдерживаему смѣху раздался отвѣт генерала Усова: — полагаю, ваше в. п-—ство, что не иначе как по водосточной трубѣ.

— Да, очень странно, надо думать что и выбираться онѣ будут вмѣстѣ с водой через водосточныя трубы! — Командир корпуса при этом разсмѣялся и тогда разсмѣялись всѣ, даже генерал Усов, не было никакой возможности болѣе подавлять душившій смѣх.

Дренажи были признаны негодными, предприняты были другія работы и кажется неудачная осушка не обошлась без непріятностей.

Генерал Усов вскорѣ ушел в отставку, а вслѣд за тѣм скончался.

Дѣятельный и кипучій он тосковал без работы и бездѣлье сократило дни его жизни. Будучи сам неутомимым труженником, он умѣл заставлять работать и других, но параллельно с этим обладал рѣдким качеством, он не требовал невозможнаго, с чѣм, увы, другіе начальники не всегда считались. Будучи справедливым генерал Усов прекрасно разбирался в людях, отстаивал их интересы и округ знал, что в своем начальникѣ он имѣет перваго защитника. Имя генерала Усова было извѣстно далеко за предѣлами округа, а в исторіи пограничной стражи оно занимает несомнѣнно одно из кардинальных мѣст.

Проклятая книга.

Отрядный офицер обязан совершать свои разъѣзды по границѣ и производить повѣрки днем и ночью и по возможности чаще... — так говорится в одной из статей „положенія о пограничной стражѣ“ в в томѣ VI Свода законов Россійской Имперіи.

Днем и ночью — понятіе достаточно опредѣленное, ясно указывающеее, что повѣрки надлежит дѣлать во всякое время суток, но вот „и по возможности чаще“ понятіе чрезвычайно растяжимое: можно желать вообще частую повѣрку в зависимости от того как позволяет время и прочія весьма разнообразныя обязанности и можно,не обращая вниманія на послѣднія, на то, как и когда онѣ будут исполняться, пригвоздить офицера к коню, заставляя метаться по постам и днем, и ночью и по возможности чаще.

Для контроля количества произведенных офицером разъѣздов давным давно была введена на каждом посту так называемая росписная книга, в которой командир отряда обязан был отмѣтить время нахожденія на посту и что именно он провѣрял или какія занятія производились. Кромѣ него в книгѣ расписывались всѣ повѣрявшіе посты прямые начальники и сосѣдніе офицеры, а из нижних чинов в ней расписывался только один отрядный старшій вахмистр.

Для прочих нижних чинов: начальника поста и для конных и пѣших патрульных была другая книга. „Книга для росписи разъѣздов такого то поста“, с отмѣткой времени прибытія, фамилія, разъѣздного и времени отбытія.

Когда то в доброе старое время, когда люди были может быть болѣе исполнительны, а может быть и

болѣе довѣрчивы друг к другу, офицерская росписная книга припечатывалась на шнуркѣ к ящику стола. Возможно впрочем, что такой способ прикрѣпленія книги к посту, нося так сказать подвижной характер, было сдѣлано не без задняго умысла и вызывалось требованіем и по возможности чаще.

В самом дѣлѣ, почему это офицер непремѣнно должен ѣхать к книгѣ, а она к нему нѣт! А если офицер почему либо не может, а требуется чаще? Ну и ѣздили, ѣздили и и офицеры и книги, и волки были сыты и овцы цѣлы, и „чаще" выполнялось, что и требовалось доказать! Однако такое путешествіе ящиков с книгами было замѣчено, справедливо признано неудобным и книги припечатали к столам.

Положеніе стало много труднѣе и „чаще" пошло замѣтно на убиль. Но бывают же случаи, когда до зарѣза надо быть на постах, а быть никак нельзя! И вот один командир бригады, слѣдуя с поста на пост, встрѣчает как то казенную подводу и на ней стол. — Куда ѣдешь?—спрашивает. Опѣшившій было солдат нашелся: — в починку стол везу, в. в—іе — молодцевато отвѣтил он.

Прибыв на пост командир бригады обнаружил, что в починку поѣхал стол вмѣстѣ с росписной книгой. Так как случаи странствованія столов вѣроятно повторялись, то это получило огласку; тогда, чтобы заставить наконец книгу сдѣлаться неподвижной, ее припечатали к постовому подоконнику, совершенно вѣрно рѣшив, что, если ящик с книгой галопировал верхом, а стол катался на телѣгѣ, то цѣлый дом никак не передвинешь.

„Чаще" пошло еще болѣе на убыль и теперь уже забота о росписях легла исключительно на отряднаго офицера и ноги его Буцефала.

Слов нѣт, послѣдній способ самый раціональный, как отражающій во первых фактическую дѣятельность офицера по надзору за границей и во вторых освобождающій его от какой бы то ни было зависимости солдат и обвиненія в очковтирательствѣ. Наконец он

дает возможность опредѣлить офицеров малоподвижных, по характеру своему и привычкам неподходящих к условіям пограничной службы, требующей личную иниціативу, энергію, показ примѣром, лихость и максимальную подвижность

И конечно для такого опредѣленія совершенно не нужны были безпрерывныя мотаніх по постам для простой отписки, а то количество разъѣздов и повѣрок, которое совершенно было фактически с наибольшей пользой во всѣх отношеніях.

Очевидно основываясь на этом, начальник 3-го пограничнаго округа генерал-лейтенант Усов опредѣлил норму разъѣздов по отряду 12 раз в мѣсяц, предоставив остальное время в распоряженіе офицера. Такое же отношеніе было и той части командиров бригад, которые собственной спиной и опытом постигли всю сложность пограничной обстановки и всѣ неожидонности, разбивающія всякія предположенія и намѣренія.

Но были и такіе бригадные командиры, которые получали бригады, не пройдя стажа отряднаго офицера. Часто очень энергичные и дѣльные, они предъявляли рѣшительно ко всѣм отраслям весьма высокія требованія, причем и в отношеніи разъѣздов строго придерживались статьи закона, толкуя таковой как угодно и создавая настоящій лабиринтный круг, из котораго офицер выбраться не мог, безпрерывно увязая то хвостом, то носом и соотвѣтственно получая разнаго рода реприманды.

Выдающійся офицер „пуля" как его называли в бригадѣ, любимец офицеров и солдат, ротмистр Дарновскій уже второй час сидѣл с вахмистром Бѣлошапкой в канцеляріи и читал 47-ю страницу приказа по бригадѣ, отданнаго „к неуклонному исполненію и руководству" недавно принявшим бригаду новым командиром, полковником Крестовским, извѣстным составителем учебников для кавалерійских учебных команд, успѣвшим осмотрѣть лишь учебную команду и 4-ый отдѣл. Как извѣстно новая метла иначе метет и

в результатѣ осмотрѣннаго появился на свѣт Божій упомянутый приказ, повергшій в трепет офицеров уже одним только своим объемом.

Окончив послѣднюю 92-ю страницу, Дарновскій прочел еще: „подлинный подписал командир бригады полковник Крестовскій — и возрился на вахмистра: — ну что скажешь? как со всѣм справимся.

— Не извольте безпокоиться, ваше в—іе! Усе сполним по усмотрѣнію дѣлов. Касательно разъѣздов: 15 на правый фланок, 15—лѣвый, вот и усѣ 30 супротив нонѣшних 12.

— Ну брат шалишь, тут сказано, что не менѣе 30-ти посѣщеній поста.

— Ваше в—діе, хорошо если посты в одну одну сторону, отмахал всѣ, да домой. А вам два вправо, один влѣво: поѣхали вправо, вернулись домой! потом влѣво — опять домой. Никак нѣт, это два разъѣзда, не один. А к примѣру командир 2 линіи: вправо до Дивинска 18 верст, значит усѣ 36; влѣво до Брезин 17, усѣ 34. Как же им, кажиный день 70 махать, тут и конь сдохнет?

Через три мѣсяца разъясненіе: — приказ о разъѣздах не выполняется. Приказываю неуклонно посѣщать всѣ посты ежедневно. Ротмистру Дарновскому за посѣщеніе поста А. только 14 раз, а Б. и В. — 17 раз объявляю выговор. Командирам отдѣлов ежемѣсячно представлять вѣдомость выполненным разъѣздам.

— Спустя мѣсяц: — Объявляя вѣдомость вижу работу ротмистра Федюка — 37 разъѣздов и поручика Федорова даже 42. Ротмистру Дарновскому за неисполненіе нормы строгій выговор.

Еще через мѣсяц: — С удовлетвореніем отмѣчаю, что почти всѣ командиры отрядов превысили норму доведя в среднем до 40 разъѣздов. Ротмистра Дарновскаго арестовываю на 3 суток за неисполненіе служебных обязанностей. Результаты разъѣздов дают основаніе повысить посѣщеніе постов до двух раз в сутки: днем и ночью. Увѣрен и т. д.

Спустя снова мѣсяц: — Хотя часть командиров ел
дотягивают до 40, другая приближается уже к 50,
трое (имя рек) выполнили норму. Поручика Федоров
за 67 разъѣздов искренно благодарю. Ротмистра Дар
новскаго (38) отрѣшу от командованія, если не пр
явит больше энергіи.

Вернувшійся с границы послѣ поимки долго вы
слѣживавшейся контрабанды, усталый и не спавші
ротмистр Дарновскій, прочтя приказ в сердцах броси
его на стол и сказал вахмистру: — к черту секреть
больше не пойду, будешь сидѣть и без отряд
останешься.

— Никак нѣт, ваше в—діе,—мягко и по отеческ
возразил Бѣлошапка, — если с окнами, так мы ваш
в—діе и 100 раз с вами сполним.

— Какими окнами?

— А как поди у всѣх! К примѣру ѣду я нонче
оставляю в книгѣ вам два мѣста, а вы, ваше в — ді
завтра за 3 раза распишетесь. Иначе никак невозмож
но. Поди у поручика Федорова нонѣ окошек энти
самых больше, чѣм в каком дворцѣ.

— Да вѣдь влопаешься?

— Зачѣм, никак нельзя, развѣдку поставим.

И начали вахмистра мастерить окна, а коман
диры их закрывать и в слѣдующем приказѣ даже
Дарновскому не влетѣло, а с удовлетвореніем отмѣ
чено его появившееся усердіе. Долго продолжалось
это невольное очковтирательство, на которое сами ко
мандиры отдѣлов смотрѣли сквозь непрозрачные очки
если бы однажды не проглядѣла резвѣдка, сразу уни-
чтожившая такую стройную окошечную систему. В
глухую ненастную ночь, когда вахмистр только что
оставил в книгѣ окна, уѣхал с поста, внезапно верхом
пріѣхал командир и обнаружил слѣпыя мѣста. По
счастью это было у поручика Федорова, к которому
командир особенно благоволил. Окна были зачеркну-
ты, командир отряда получил выговор, унтер-офицеры
и вахмистр посажены под арест и затѣм послѣдовал
новый до крайности ядовитый приказ:

— Приказываю к неуклонному исполненію: при осѣщеніи постов отрядные офицеры обязаны одноременно расписываться кромѣ росписной офицерской ниги и в постовой книгѣ разъѣздов, в очередной афѣ, конечно отмѣчая только чин и фамилію.

Эффект разорвавшейся бомбы! смысл окон аннуирован без остатка, так как разъѣзды и патрули вигаются и расписываются непрерывно, с цѣлым отядом не договоришься, не пойдешь на это, да и ельзя: неизвѣстно, кто куда и когда явится. Ну-ка покачи теперь 60 раз! И начали офицеры заболѣвать овальной болѣзнью — забывчивостью.

Пріѣзжает командир, сличает обѣ книги: — ротистр, почему 5-го нѣт росписки в книгѣ разъздов?

— Забыл, г-н полковник.

— А 7, 11, 16 и т. д. тоже забыли?

— Так точно.

— Хорошо, считаю не 50 разъѣздов, а олько 21.

И так вездѣ, и пошла кривая разъѣздов книзу, ранным образом перемѣщая бывшія высокія точки а низшія и заставляя казнить теперь тѣх, кого раньше приходилось благодарить. И стала книга росписая, вообще мало любимая, книгой проклятой: заставив всѣх творить неправду, всѣх она и подвела: одних аньше, других позже.

Какіе бы она еще фокусы показала неизвѣстно, к, командир бригады, доведя в строевом отношеніи ригаду до образцоваго состоянія, получил другое назченіе. Точно также неизвѣстно, повторялся ли там зсказанный опыт, но надо думать вряд ли, так как ворят сверху было разъяснено: — чтобы точно выолнить — днем и ночью и по возможности чаще — адо кромѣ книги припечатать еще к лошади и отднаго офицера. А так как надо и ему когда нибудь спаться, то сдѣлать это нельзя.

Змѣиное царство.

(Из воспоминаній русскаго пограничнаго офицера

В концѣ девяностых годов совсѣм юным офиц
ром я был назначен на службу в одну из частей сп
ціальных пограничных войск, расположенную на Пе
сидской границѣ.

Я знал, что ѣду я в мѣста дикія, глухія, населе
ныя какими то разбойничьими племенами, но то, ч
мнѣ придется жить в самом центрѣ змѣинаго царств
об этом я понятія не имѣл и только, приближаясь
мѣсту своего назначенія, всевозможные разсказы
невѣдомых мнѣ гадах, обитающих в Муганской и К
рабахской степях по обѣим берегам рѣки Аракса, п
неволѣ возбудили и мое любопытство и чувство к
кого то внутренняго недовѣрія до того фантастическ
ми казались мнѣ эти разсказы.

Чего только не послушал я! Говорили о какой
сказочной змѣѣ, по названію гюрза, которая перек
дываясь чрез тупой и мускулистый хвост, дѣлает огро
ные, молніеносные прыжки и может догнать всадн
ка на всем скаку и прыгнуть на него; о том, что т
лѣги запряженныя четверкой лошадей принужден
бывают сворачивать с дороги, не пропускаемыя змѣ
в боевой позѣ; о каких то змѣях держащихся групп
ми по 7 штук и называемых эдды-гардаш т. е.
братьев, причем, если одну из них убить, то обяз
тельно будешь укушен одной из оставшихся; о как
то голубой змѣѣ талха, видимой только ночью;
степных удавах и о массовых переселеніях змѣй ко
да все это ползучее племя кочует, переплывая Арак
уходя в Персію и возвращаясь обратно.

Прибыв на мѣсто своей службы, опредѣлилась и моя судьба: я был назначен командовать участком границы в 40 километров, расположенным вдоль рѣки Аракса как раз вблизи сліянія Карабахской и Муганской степей.

Три мои поста с командами около 15 солдат и лошадей каждый с вышкой для часового и одним въѣздом запиравшимся воротами, были похожи на маленькіе форты.

Впереди 2—3 километр., скрытый широкой полосой камыша, струился Аракс, за ним Персія; сзади и в стороны раскинулись глухія, казалось безпредѣльныя степи, лишь полгода обитаемыя вдоль рѣки кочевыми, дикими, вѣчно враждующими между собой племенами, так как лѣтом вслѣдствіи удушающщаго зноя и непереносимых условій, дикари эти уходят в горы и тогда единственными обитательми были мы, люди долга, шакалы и гады всевозможных сортов. Их было очень много! Точно черными камнями степь была усѣяна застывшими под солнцепеком черепахами; высматривая особенно лакомую добычу в воздухѣ парили или, насытившись, неподвижно и важно сидѣли огромные орлы; что касается змѣй, тарантулов, скорпіонов и огромных, ядовитых и быстрых как мыши пауков фаланг то онѣ попадались рѣшительно всюду: заползали в жилыя помѣщенія, жили в стѣнах зданій, гонясь друг за другом и в охотѣ за мышами и был случай, что змѣя забралась под подушку солдата.

Однако человѣк приспособляется ко всяким условіям жизни, а потому вскорѣ привык и я почти не обращал никакого вниманія, соблюдая лишь нѣкоторую осторожность и слѣдуя принципу, что береженнаго и Бог бережет. Но однажды произошел случай, который вряд ли часто бывает и который забыть нельзя.

Наступила весна. Разлив рѣки кончился; залитые было камыши уже оголились; мутныя, краснобурыя стремнины бурнаго Аракса, бѣшено несущія в половодье всякій лом, цѣлыя деревья, перекатывающія

огромныя глыбы земли и камней, уже успокаивались, когда я со своим бравым вахмистром и 2-мя солдами выѣхал в разъѣзд со своего средняго поста Алтан на лѣвый Эдды-Булах.

Не смотря на раннее утро солнце пекло во всю, обѣщая днем страшную жару. Мы ѣхали обычной степной патрульной дорогой и прислушивались к птичьему концерту на рѣкѣ.

Господи, что за неописуемый гомон царил там! Крики гусей, уток, журавлей и разнообразные невѣдомые звуки стоном стояли в воздухѣ; тучи розовых скворцов, этих священных птиц, носились над камышами. Казалось, что на рѣкѣ справляется какой то сумасшедшій птичій пир, какой то волшебный праздник весны. Но кто знает, может быть там и рѣшались весьма важные птичьи вопросы, засѣдал своего рода птичій парламент с партійными представителями различных птичьих пород, парламент со свойственным всѣм парламентам хаосом и гвалтом, но, конечно, болѣе благовоспитанный и достойный, без обычнаго рукоприкладства и взаимной потасовки! В унисон птичьему хору и сердце забилось радостнѣе и неудержимо потянуло туда, к скрытой камышами рѣкѣ, гдѣ жизнь взывала также бурно, как бурно неслись воды Аракса.

Прибыв на пост Эдды-Булих и быстро окончив его провѣрку мы тронулись обратно, причем рѣшено было изслѣдовать степень проходимости камышей послѣ спада воды и бродов чрез рѣку; такая рекогносцировка, в условіях нашей безпокойной жизни службы в диких мѣстах и частых набѣгах разбойничьих шаек, была чрезвычайно важна, Уже в полукилометрѣ от поста мы скрылись в камышах; камыши так высоки, что всадник исчезает безслѣдно. По принятым правилам на случай засады или какой либо неожиданности разъѣзд мой раздѣлился, впереди шагах в 200 поѣхал вахмистр, затѣм я с солдатом и сзади шагах в 100 послѣдній солдат.

Лавируя между двумя стѣнами кямыша по извилистым, частью естественным, частью проложенным тропинкам хлюпая кое гдѣ по оставшейся от разлива водѣ, мы медленно продвигались вперед и скоро уже должен был открыться Аракс. Странным было настроеніе лошадей: чѣм дальше мы продвигались, тѣм безпокойнѣе становились онѣ: прядали ушами, пугливо озирались и шарахались и их надо было держать на поводу и в шенкелях. И вдруг произошла остановка, такая неожиданная, такая непроизвольная и в то же время мимолетная, что отдать отчет в ней совершенно немыслимо Почти одновременно лошади наши остановились и на открывшейся впереди прогалинѣ я увидал вахмистра, лошадь коего дала огромный прыжок, а затѣм высоко, высоко взвилась на дыбы; в ту же секунду вахмистр выхватил саблю и начал неистово что то рубить, вертясь на обезумѣвшей лошади; не успѣл я сообразить в чем дѣло и броситься вахмистру на помощь, как сзади раздался неистовый крик солдата: — берегитесь, кругом змѣи...

В тот же момент слѣва от меня камыши как то странно и зловѣще зашевелились и зашумѣли и лишь на мгновеніе увидал в просвѣтах камыша стальную волнообразную массу, напоминавшую быстрое теченіе воды, двигавшуюся почти рядом с нами и над этой массой безчисленное количество змѣиных голов. Мой конь захрапѣл, вскинулся и, едва не скинув меня на молніеносном поворотѣ, закусил удила и понес меня обратно за солдами, которых в свою очередь понесли их кони, сзади же меня я услыхал топот мчавшагося вахмистра.

Не будучи в силах справиться с лошадьми мы в один миг домчались до поста Эдды-Булах и соскочили с лошадей; лошади дрожали и пѣна комьями падала с них и только лошадь вахмистра, прискакавшаго на пару секунд послѣ нас, как только он спрыгнул с нея, вся мокрая сразу же вытянула и опустила голову и мы сразу замѣтили, что на мордѣ ея около храпков появилась опухоль и увидали ранку от укуса змѣи. При-

нятыя мѣры и сдѣланное выжиганіе лошадь не спасли; опухоль увеличивалась, глаза стали мутными, грустными и безучастными и приблизительно через час прекрасная лошадь вахмистра, красавица кобыла „Креолка“ опустилась на колѣни, ткнулась головой в землю, легла на бок и вскорѣ испустила послѣднее дыханіе.

Удивительно, что осенью эта лошадь едва не была укушена змѣей, внесенной с охапкой сѣна котторую случайно солдат замѣтил и успѣл убить; кто знает, может быть эта была эдды-гардаш и теперь одна из оставшихся отомстила за гибель своей сестры!

Печально кончился наш весенній разъѣзд и велико было горе вахмистра, потерявшаго столь любимую им свою лошадь.

Он разсказывал, что когда он выѣхал на прогалину, прямо пред лошадью прыгнула из камыша змѣя, за которой со всѣх сторон извиваясь и подымаясь высыпали змѣи; выхватив саблю и рубя змѣй, он повернул лошадь и бѣшенным карьером помчался обратно; укушена была лошадь вѣроятно первой змѣей.

Через пару дней, соблюдая осторожность, рекогносцировка камышей была сдѣлана, но змѣй уже не было, онѣ исчезли. Я не сомнѣваюсь, что мы наткнулися на массовое их переселеніе, о котором упоминает писатель Всев. Крестовскій в своем очеркѣ „М у г а нь“.

Чрезмѣрная вѣжливость.

В ресторанѣ гостинницы „Золотой Лев" в гор. Ревелѣ, на Новой улицѣ, в той половинѣ обѣденнаго зала, которая отдѣлена от буфетной колонками и двумя стѣнками, образующими уютные и скрытые уголки, завтракало трое лиц: прiѣхавшiй с границы ротмистр 2-ой пограничной бригады Тургольд со своей женой и хозяин гостинницы бывшiй с ротмистром в прiятельских отношенiях и пригласившiй их на завтрак, кромѣ того был еще сынишка ротмистра 8-лѣтнiй бойкiй и веселый мальчик.

Офицер прибыл в город по службѣ: два раза в мѣсяц по границѣ слѣдовала так называемая денежная почта с разными деньгами пересылавшимися из одних частей в другiя; как ближайшiй к штабу бригады ротмистр Тургольд обязан был в извѣстные дни суммы слѣдовавшiя в штаб отвозить в г. Ревель.

Сдав почту он поспѣшил в ресторан, гдѣ его уже ожидала жена с сыном и хозяин; завтрак устроенный послѣдним может быть по какому либо поводу протекал очень весело, чему не мало способствовала несомнѣнно присутствовавшая дама, да и сам офицер, бывшiй гвардейскiй кирасир был человѣком очень открытым и с темпераментом; как водится общему веселью способствовало и вино; сидѣвшiе за столом могли не стѣсняться, так как обѣ половины зала пустовали, время было раннее и только одна буфетчица находилась за стойкой.

Вѣроятно ротмистру вздумалось, что либо выбрать в буфетѣ; входя в буфетную он вдруг замѣтил, что у окна за столом сидит какой-то полный генерал с

длинной бородой; тотчас же, приняв надлежащую позу, ротмистр подошел к столу и обратился со словами:

— Ваше в. п—ство, разрѣшите остаться!

Затѣм повернувшись он щелкнул шпорами, что то сказал буфетчицѣ и вернулся обратно; веселье притихло и только разбаловавшійся мальчик и жена офицера иногда хохотали. Хотя генерал их стола видѣть не мог, но почему то ротмистр рѣшил, что и курить ему без разрѣшенія нельзя. Он снова встал, снова подошел к генералу и снова спросил:

— Ваше высоко п—ство, разрѣшите курить.

Затѣм опять лихо щелкнул шпорами и присоединился к своим.

Спустя нѣкоторое время ротмистру понадобилось выйти в прихожую; на бѣду генерал сидѣл за столом у самого выхода и почему то ротмистр рѣшил, что и пройти мимо генерала, да еще полнаго, без разрѣшенія нельзя и он в третій раз обратился к генералу:

— Ваше высоко п—ство, разрѣшите пройти!

Тогда генерал встал и уже рѣзко отвѣтил:

— Ротмистр, сидите, курите, проходите, дѣлайте что угодно но оставьте меня в покоѣ.

Тургольд опять щелкнул шпорами, а когда вернулся то генерала уже не было: он ушел. Завтрак тоже вскорѣ был окончен и ротмистр уѣхал с семьей на свой пост

Через три дня командир бригады ген.-маіор Кр—ов, человѣк очень добрый, разсматривая в бригадной канцеляріи у себя в кабинетѣ почту, получил удивившую его не мало бумагу: — по приказанію командира корпуса прошу сообщить мнѣ кто из офицеров ввѣренной вам бригады завтракал такого то числа в ресторанѣ „Золотой Лев". Подпись: генерал для порученій при командирѣ корпуса ген.-маіор Д.. Чувствуя в запросѣ какую то непріятность, командир вызвал к себѣ офицеров штаба. Всячески ломая голову чтобы это могло значить, так как рѣшительно не было данных думать о каком либо скандалѣ, долго не

могли рѣшить вопроса как исполнить бумагу: отвѣтить неизвѣстно нельзя: кто то был. — Но кто?

Ротмистр Л. обратил вниманіе, что указанный день совпадал с денежной почтой и ему было поручено спросить по телефону ротмистра Тургольда. Через нѣсколько минут: — здравствуй, Володя, говорит Л. Скажи, завтракал ли ты в „Золотом Львѣ", когда пріѣзжал в послѣдній раз с почтой?

— А тебѣ какое дѣло? — Мнѣ то все равно, но почему то запрашивает генерал для порученій при корпусном.

— А ему не все ли равно?

— Ты, брат, не шути, лучше скажи был ли ты и не произошло ли что, можно будет тогда принять мѣры.

— Рѣшительно ничего не произошло; да, я там был и теперь я озадачен, зачѣм это надо знать.

— Не знаю и я, рад что все благополучно, будь здоров.

Послѣ выясненія командир рѣшил отвѣтить кратко: — был такой-то, — а послѣ будет видно, в чем дѣло.

Однако полученный через пару дней от того же генерала отвѣт, не разъясняя никаких причин, был потрясающій; он гласил:

— По приказанію командира корпуса предложить ротмистру Тургольду в 24 часа подать в запас арміи.

Вызванный с границы ротмистр буквально ошалѣл и испросил разрѣшеніе о немедленной поѣздкѣ в С.-Петербург к своему отцу видному сенатору для выясненія при его помощи причин столь жестокой кары.

Выслушав объясненія сына, сенатор обратился к командиру пограничнаго корпуса и вот что он узнал: — на офицера 2-ой бригады, оказавшагося ротмистром Тургольдом, поступила жалоба помощника главнокомандующаго войсками С.-Петербургскаго округа генерала от инфантеріи А—а в причиненіи ему безпокойства во время кутежа этого офицера с дѣвицами в

Ревелѣ в гостинницѣ „Золотой Лев“. Командир корпуса принимая во вниманіе жалобу за нарушеніе дисциплины от столь высокаго по положенію генерала не считает возможным оставленіе офицера в рядах корпуса, а также отмѣну раз даннаго им уже приказа или измѣненіе наказанія.

Случайно генерал от инфантеріи А. оказался однокашником сенатора Тургольда и послѣдній немедленно позвонил ему по телефону.

Генерал был очень огорчен суровым наказаніем случайно павшим на голову сына его школьнаго друга и совершено обезкуражен, узнав, что ротмистр завтракал не с дѣвицами, а с женой и мальчиком сыном.

Ему пришлось вторично обратиться к командиру корпуса, признать свою ошибку и уже просить об отмѣнѣ наказанія. Командир очень неохотно согласился на отмѣну своего распоряженія и назначил разслѣдованіе. Тѣм не менѣе, хотя разслѣдованіе вполнѣ подтвердило всѣ показанія офицера, послѣдовало слѣдующее распоряженіе: — ротмистра Тургольда перевести в глухой по расположенію отряд с запрещеніем посѣщенія г. Ревель в теченіе года.

Так дорого обошлось ему чрезмѣрная его вѣжливость и было бы совсѣм печально, если бы не случайная близость очень строгаго и требовательнаго генерала А. к отцу привинившагося офицера — избавившая его от увольненія со службы.

Короткіе брюки.

В началѣ девятисотых годов в западно сухопутных пограничных бригадах введено было конно-подрывное дѣло и для изученія этой спеціальности офицеры и нижніе чины прикомандировывались, как это принято было и в частях кавалеріи, к какой либо спеціальной технической части.

Попав в первую группу от Велюнской бригады и пройдя вмѣстѣ с назначенной со мной курс при 9 саперном баталіонѣ в г. Варшавѣ, я возвратился в бригаду, числясь уже подрывным спеціалистом и вступил в командованіе одним из отрядов І-ой линіи. Между тѣм в бригадѣ шли работы по устройству пироксилиновых погребов, принимались конно-подрывные вьюки, а в учебной командѣ командиром бригады предположено было для нагляднаго обученія нижних чинов оборудовать средствами оружейной мастерской миніатюрный рельсовый путь и поставить на нем такой же подвижной состав. Остановка была в модели паровоза и пріобрѣтеніе его, как это ни странно, связалось с забавным случаем, в котором сыграли роль короткіе брюки.

Будучи как то по дѣлам в штабѣ бригады, я был потребован командиром и он мнѣ сказал: — кустарная мастерская в Петербургѣ за модель паровоза и два вагона хочет баснословную сумму в 800 рублей; я еще наведу другія справки, но, если и онѣ будут неподходящими, вам, как владѣющему нѣмецким языком придется съѣздить в Берлин и найти эти вещи там, о чем получите распоряженіе Отвѣтив — слушаюсь—и получив еще кое-какія указанія, я вернулся в

отряд, мечтая о поѣздкѣ в столицу Германіи и опасаясь как бы она не прошла мимо носа.

Прошел мѣсяц, другой; жена моя уѣхала к родным в Финляндію и вот, когда я о поѣздкѣ даже и не думал и порядочно скучал в одиночествѣ, в самый разгар лѣта, вдруг получаю телеграмму:

По приказанію командира бригады немедленно в Берлин; 300 возьмите отрядных сумм легитимаціонный билет.

Командир отдѣла. Подпись.

Духом скачу к командиру отдѣла, не без его зависти получаю на нѣмецком и русском языкѣ билет т. е. разрѣшеніе на заграничную поѣздку и утром на другой день, оффиціально перейдя границу через таможню, появляюсь в хорошо знакомой гостинницѣ крошечнаго прусскаго городка, гдѣ рѣшил раздобыть и переодѣться в штатское платье.

Однако это оказалось не так просто: при моем высоком ростѣ и худощавости, несмотря на усиленные розыски, с трудом удалось подобрать комбинацію, в которую я и начал наряжаться; послѣ довольно долгой возни с прилаживаніем воротничка и галстуха к манишкѣ, предстал я в темном пиджакѣ, сѣрых брюках, черной мягкой шляпѣ и, и вмѣсто пальто, какой-то чисто нѣмецкой темно-зеленой крылаткѣ с прорѣзами для рук; только штиблеты, с которых были сняты шпоры, были мои, да к жилету я почему то прицѣпил 200 лѣтній юбилейный жестон Выборгскаго полка с иниціалами государя императора и императора Вильгельма II.

Чувствовал я себя в этом маскарадѣ очень глупо и особенно смущали меня короткіе брюки, но когда я показался хозяину гостинницы и собравшимся там знавшим меня нѣмцам, то всѣ они нашли, что выгляжу я великолѣпно prachtvoll schneidig и т. д., а относительно коротких брюк они успокоили меня, что штатскіе брюки должны быть короче и что это ganz modern; тут же оказался мѣстный пограничный жан-

дарм, каким то образом уже узнавшій о моей поѣздкѣ в Берлин

Подойдя ко мнѣ,он приложил руку к каскѣ и сообщил мнѣ, что только что говорил по телефону со своим начальником маіором фон-дер-Зейдлиц, причем маіор просит меня при проѣздѣ через Кротошин сдѣлать маленькую остановку и пообѣдать у него, для чего он встрѣтит меня на станціи. Хотя с маіором, человѣком очень симпатичным, я был знаком и взаимоотношенія наши были прекрасныя, как и вообще со всѣми прусскими пограничными властями, но в Кротошинѣ я никогда не бывал и очень досадовал на необходимость быть у него с визитом в столь непривычном для меня одѣяніи. Но что дѣлать, пришлось покориться и вскорѣ послѣ всяческих добрых пожеланій я ѣхал по шоссе на лежащую в 14 километрах от городка желѣзнодорожную станцію.

В бричкѣ, размышляя о предстоящем обѣдѣ, я взглянул на свои ноги и с этой минуты отравил себѣ существованіе на все время поѣздки: брюки были дьявольски коротки; пока я стоял, с грѣхом пополам можно было мириться, но теперь они, лишенные штрипок, задирались кверху и всѣ четыре уха штиблетов безобразно торчали наружу; в добавок гнусная манишка топорщилаль и упорно лезла вверх, стараясь выскочить из под жилета, а воротничек вмѣстѣ с бабочкой почему то все время съѣзжал в сторону; шляпа пирожком плохо держалась на головѣ, а руки просунутыя в прорѣзи крылатки почему то напомнили мнѣ рыбьи плавники и я с досадой выдернул их, спрятав под крылаткой.

На вокзалѣ в ожиданіи поѣзда я смиренно усѣлся в углу за столиком и очень рад был, попав вскорѣ в купэ вагона единственным пассажиром, что позволило мнѣ немедленно приняться за нѣкоторыя техническія измѣненія с цѣлью понизить нижній этаж непривычнаго для себя облаченія. Стало как будто бы лучше.

Около 2-х часов дня я сошел с поѣзда на перрон Кротошина; маіор очень сердечно и дружески привѣтствовал меня и, послѣ недолгой ѣзды по городу, мы подкатили к его дому. Усадивъ меня в гостинной в кресло, маіор извинился, что он на секунду меня оставляет, а я, погрузившись в низком мягком креслѣ чуть не до полу, сразу увидал, что всѣ четыре уха моих штиблет вынырнули наружу; в один момент пересѣл я на диван и спрятал ноги за стол и это было во время, так как уже выходил маіор со своей супругой и барышней, ея сестрой.

Послѣ церемоннаго представленія и первых слов всѣ мы усѣлись вокруг стола и я снова ухитрился сѣсть на диван. Хозяйка выразила сожалѣніе, что видит меня не в формѣ, так как никогда не видѣла русскаго офицера. О, если бы милая дама знала, как я об этом сам сожалѣл; и в гостиной и потом за изысканным обѣдом с шампанским чувствовал я себя отвратно: какое то странное чувство не то неодѣтости, не то какой то стеклянности связывало меня по рукам и ногамъ; из боязни, чтобы что-нибудь не отстегнулось, не полез воротничек на уши, не развязалась бабочка, не вылезла манишка, боялся я шевельнуться и томительно ждал конца обѣда; однако послѣ обѣда пришлось еще в гостиной пить кофе и ликеры и среди них к моему удивленію оказалась бутылка нашей смирновки, которую дамы пили с удовольствіем, запивая кофе.

Между тѣм время бѣжало, пробило 4 и надо было спѣшить к поѣзду. Получив от любезнаго маіора пару совѣтов на счет Берлина, из коих я очень немного понял, так как слава моя о знаніи нѣмецкаго языка была болѣе чѣм преувеличена, я в сопровожденіи маіора уѣхал на станцію и скоро с чувством большого наслажденія мчался в вагонѣ к Берлину, освободившись наконец от той натянутости, которая меня так стѣсняла во время моего визита. Незамѣтно я заснул и спал вѣрно долго и крѣпко.

Проснулся от хлопанья дверей и усиленнаго движенія; поѣзд стоял на какой то большой станціи и в мое купэ налѣзло публики до отказа. Напротив меня какой то толстый нѣмец, дымил сигарой и в упор смотрѣл на меня. Наконец спросил меня, куда я ѣду. Берлин, отвѣтил я и закурил папиросу. „Russen", указал нѣмец на папиросу и добавил: — sehr gut. Я предложил ему; он бросил окурок сигары, мокрый и слюнявый в окно, закурил мою папиросу и начал ее расхваливать другим нѣмцам; разговор принял общій характер и портсигар мой быстро опустѣл; все купэ наслаждалось Russen'ми. В разговорѣ я спросил, гдѣ мнѣ остановиться подешевле и ближе к центру города.

Нѣмец отвѣтил: — möblierte Zimmer überall am Fridrichbahnhof,—вынул путеводитель из кармана,ткнул пальцем на какую то строчку и прочел: — Marien,— Ecke Luisenstrasse, von M. 1,50 an Billig und gut.

Мы быстро приближались к нѣмецкой столицѣ, замелькали огни, участились остановки, поѣзд пополз по віадукам городской дороги и наконец остановился на Фридрихштрассе: а минут через 15 я уже водворился в указанных, весьма посредственных меблирашках; тотчас принесли книгу и я росписался в ней. Очевидно прохвосты всѣ были полиціи прекрасно извѣстны, а потому паспортами порядочных людей никто не интересовался.

Затѣм на подобіе тюремщика снабдили меня связкой огромных громыхавших ключей: от ворот, входа, комнаты и еще каких то и я сдѣлался законным обитателем комнаты. Я заказал себѣ чай и взглянул на себя в зеркало. Господи, как я был хорош: воротничек помялся и вмѣстѣ с галстухом уѣхал совсѣм на бок, поганая манишка покоробилась и краями выпирала из жилета, весь костюм стал каким то жеваным, а брюки, о это были не наши из чудеснаго штиглица с никогда не исчезающей складкой, вздулись на колѣнях пузырями и стали еще короче. Когда

горничная принесла чай, я показал смѣясь на пузыри и спросил: Hübsch?

— O, ich werde wieder saueber machen, — отвѣтила она.

Я выставил ей платье и сапоги и лег спать.

Утром брюки оказались пріутюженными. Уныло облачился я в ставшій мнѣ на всю жизнь ненавистным штатскій наряд и отправился искать паровоз, твердо рѣшив, ни на брюки свои, ни на что вообще не обращать никакого вниманія. Цѣлый день блуждая по городу я находил лишь игрушки, а не то, что мнѣ нужно было и только пред вечером в одном магазинѣ мнѣ обѣщали к утру раздобыть модельку.

Изрядно утомившись добрел я до Unter den Linden. Цѣлый день ничего я не ѣл и стал искать какой нибудь ресторан; их было много, но то он мнѣ казался слишком хорошим для моей внѣшности, то наоборот, смахивал на простую пивную. Свернув куда то за менѣе людный угол, я вдруг замѣтил скромную, но и солидную вывѣску: „Skandinavien Restaurant“. Распахнул дверь и вошел. Портье пробурчал: „Mahlzeit“ и нехотя снял с меня хламиду и впустил в зал.

Я выбрал свободный столик в углу и сѣл; ресторан видно хорошій, публики не много, но чистая, одѣта не в примѣр мнѣ, среди нея офицер. Лакей во фракѣ, так же вяло как и швейцар, подал карточку. Когда я заказал рюмку Геннеси, закуску, суп и шницель, мнѣ показалось, что он посмотрѣл на меня так недовѣрчиво, точно хотѣл сказать: „zahlen“.

Во время ѣды все торчал вблизи, вѣрно чтобы я не удрал.

Поѣв, потребовал счет. Дал 5 марок и на сдачу, что то около 60 пф., махнул рукой и тут мой лакей чуть не ударился лбом о пол, так низко он склонился.

Со словами: „bitte besuchen, aufwiedersehen“ и т. п. проводил до дверей и распахнул их.

Портье замѣтил и кинулся за хламидой и вышел я из ресторана провожаемый поклонами, хоть и в хламидѣ и снова с пузырями на колѣнах, но с чувством

удовлетвореннаго самолюбія. Пройдя короткое разстояніе остановился глазам не вѣря: „Russischer Restaurant“. Вот, думаю, так штука, чего ж это я дурак там обѣдал: Однако как не зайти и не посмотрѣть, пива выпить, что ли. Захожу и чуть с мѣста не расхохотался: на самом видном мѣстѣ небольшой комнаты, на буфетной стойкѣ, стоит ведерный, ярко начищенный самовар, на нем труба, а на трубѣ чайник; я плюхнулся на стул в самом веселом настроеніи, глядя на улыбавшуюся мнѣ из за стойки нѣмку и на росписанныя красно-сине-бѣлыми полосами стѣны комнаты. Еще больше поразило меня когда, каким то чутьем угадавшій слуга, обратился ко мнѣ по русски: „что прикажете подать“. Не имѣя ни души знакомой в Берлинѣ я обрадовался, что можно поговорить и спросил, откуда он знает русскій язык. „Я раньше работал в Петербургѣ оффиціантом,—отвѣтил он; — вернулся из за семьи, я нѣмец“. — „Пожалуйста скажите хозяйкѣ, чтобы она сняла чайник с трубы“. „Говорил, говорили и гости, — сказал он улыбаясь,—но она нѣмка упрямая, не хочет и всѣм отвѣчает: „So ist hübscher“. Выпив пива, я пообѣщал на другой день прійти пообѣдать и, уходя, спросил, куда бы мнѣ пойти в какое либо варьете.

— О, Винтергартен, только Винтергартен, это близко и это стоит посмотрѣть, замѣчательно!“ Было 8 час, я еще посидѣл на скамьѣ Linden, глазѣя на движеніе и потом потихоньку направился к Винтергартену.

Подойдя к кассѣ попросил мѣсто ближе к сценѣ.

— 1-er Platz — 3 Mark, отвѣтила кассирша.

Заплатил, снял хламиду и в своих коротких макаронах неловко побрел за слугой в красной с золотом ливреѣ; он подвел к столику совсѣм против сцены у оркестра и, указав номерной стул, сказал: „bitte“.

Сѣл, осмотрѣлся; огромный зал с потолком ввидѣ небеснаго свода, битком набитый; за моим столом против меня двѣ молодыя, расфранченныя, с подведенными глазами нѣмки и их компаньон, молодой

нѣмец с бачками; курят, пьют вино, смѣются; разглядывают меня без стѣсненія, шушукаются и видимо острят на мой счет, К счастью взвился занавѣс, меня оставили в покоѣ и я увлекся дѣйствительно очень интересными выступленіями, вызывавшими оглушительные взрывы апплодисментов.

Перед первым антрактом к нашему столу присоединился еще один зритель, занявшій стул рядом со мной. Это был высокій, безукоризненно одѣтый в черный костюм и лаковыя туфли, мужчина с небольшими a la Wilhelm русыми усами: высокій воротничек подпирал его самоувѣренное, гладко выбритое лицо; в лѣвом глазу сверкал монокль. Когда при антрактѣ дали полный свѣт, нѣмец стал разглядывать кругом сидѣвшую публику; обѣ нѣмки визави явно стали кидать взгляды в его сторону. Бросив быстрый, с головы до ног взгляд на меня, нѣмец сдѣлал гримасу и отвернулся спиной. Нѣмки замѣтили это и засмѣялись: вѣроятно контраст в одеждѣ обоих нас был дѣйствительно комичен. Между тѣм началось 2-ое отдѣленіе. Появились головоломные японскіе акробаты, зал дрожал от апплодисментов; я восторгался; но сидѣл спокойно.

Вдруг мой сосѣд повернулся ко мнѣ и рѣзко спросил.

„Warum klatschen Sie nicht?

Я вспыхнул, но сдержался и спокойно отвѣтил; „ich will nicht“.

— „So“, протянул он.

Нѣмки зашушукали. Появилась танцовщица; снова апплодисменты и снова придирка сосѣда: „und Sie klatschen doch nicht?

— „Nein“, — отвѣчаю я, чувствуя что явно назрѣвает скандал, весьма сочувственно встрѣчаемый нѣмками визави. Навѣрное, думают жулик какой нибудь к ним забрался и собираются выпроводить вон.

Когда при 2-ом антрактѣ дали свѣт, мой сосѣд

вдруг в упор уставился на меня и ляпнул: — Warum solche kurze Hosen?

Я покраснѣл как рак, но подумал, ах, все равно и отвѣтил: — darum keine andere.

Нѣмки прыснули, кавалер с бачками заржал и возопил: — kolossal, wunderbar zweite Bühne!

Тогда сосѣд, блестя моноклем и пожирая меня взглядом, ткнул пальцем на галерку и закричал: — dann müssen Sie sitzen da, aber nicht hier.

Я тоже разозлился и, еле сдерживаясь, отвѣчаю: — Wenn Sie wollen sitzen Sie da und ich bleibe hier.

Нѣмец опѣшил.

— Ich bin ein Offizier, Sie müssen gleich herausrutschen!

Ну, думаю, постой. Растегнул пиджак, достал легитимаціонный билет и говорю ему: — nein, ich bin auch ein Offizier, aber russicher. Lesen Sie.

Он взял билет, прочел и вдруг вижу мой франт встает и, вручая билет и сам покраснѣв, смотрит на случайно открывшійся мой жетон с тремя прусскими коронами и иниціалами на синем щитѣ:

— Verzeien Sie,—тихо спрашивает: — was ist das?

— А это, говорю, знак Выборгскаго вашего императора полка, в котором я служил.

Тут мой сосѣд вытянулся, руки по швам и представляется: лейтенант такого то баварскаго стрѣлковаго полка такой то. Встал и я, назвал себя, а он снова: — Verzeihen Sie, bitte, ради Бога, я готов язык себѣ отрѣзать, но я никак, никак не думал, что вы офицер, да еще русскій полка нашего кайзера.

Я пожал ему улыбаясь руку и говорю:

— Понимаю вашу ошибку; это все натворили мои „kurze Hosen“. Видите ли, мы русскіе офицеры штатскаго платья никогда не носим и потому не имѣем; выѣзжая сюда на 3 дня, я надѣл то, что подвернулось и сам сознаю себя смѣшным.

Мы сѣли. Смотрю кругом глазѣют на нас, кавалер с бачками выглядит очень сконфужено, а нѣмки

уже начали шуриться на меня. Когда же по приказу лейтенанта, видно хотѣвшаго замять исторію, появилось ведерко с шампанским и мы чокнулись, нѣмки буквально утонули в наших рюмках.

Вышли мы из варьете вмѣстѣ; лейтенант никак не захотѣл так скоро разстаться и уговорил ѣхать ужинать в какой то уютный и веселый ресторан. Поѣхали, вылѣзаем из автомобиля и поражены: сзади подкатывает другой и вылѣзают... обѣ нѣмки и бачки! Втиснулись в залѣ вмѣстѣ, как будто общей компаніей и очутились за одним столом; конечно разговорились, очень весело поужинали, хохотали над инцидентом и только бѣдные бачки вѣроятно страдали, так как нѣмки на него не обращали никакого вниманія.

На другой день лейтенант, оказавшійся очень милым человѣком, пріѣхал ко мнѣ и мы вмѣстѣ отправились искать, что мнѣ было нужно. Только с его помощью я купил баснословно дешево тяжелый паровозик, два вагона и рельсы со стрѣлками, кругами и прочими нужными путевыми сооруженіями. В 4 часа дня он проводил меня на станцію и поѣзд помчал меня вмѣстѣ с ящиком, в который были упакованы мои покупки к границѣ.

Командир бригады остался весьма доволен пріобрѣтеніем, а я разсказав о своих похожденіях, высказал убѣжденіе, что, если бы не мои короткіе брюки, я вряд ли сам так удачно справился с задачей.

Разсказ мой вызвал общій хохот, а командир с этих пор при разных неудачах любил повторять: — эх не было коротких брюк; тогда дѣло повернулось бы иначе.

Забытое злодѣяніе.

Залитый кровью поѣздъ какъ то тревожно и и суетливо подошел и остановился у перрона небольшой станціи, расположенной в огромных казенных лѣсах вблизи германской границы; поѣзд этот, совсѣм недавно вышедшій со своей оконечной станціи Гербы, лежащей на самой чертѣ границы, состоял всего из двух вагонов III класса, одного mikste I и II класса и нѣскольких товарных и он, не пройдя и половины своего короткаго пути в 20 слишком верст до г. Ченстохова, тѣм не менѣе подошел к полустанку, везя ужасный груз цѣлой кучи только что убитых, не успѣвших еще остыть людей.

В одном из вагонов III класса, в самых невѣроятных позах, находилось одиннадцать трупов и один смертельно раненый человѣк; это были казначей Гербской таможни, везшій в г. Ченстохов для сдачи в казначейство крупную сумму казенных денег, два сопровождавших его вооруженных револьверами таможенных досмотрщика и восемь пограничных солдат гербскаго отряда ченстоховской бригады с унтер-офицером во главѣ, назначенных в конвой; одни из них, уронив винтовки или судорожно зажав их в руках, лежали плашмя на полу между скамьями и в проходѣ, другіе, склонивших, на скамьях, а казначей и досмотрщики, как сѣли в вагон, так и продолжали оставаться на своих мѣстах с той лишь разницей, что казначей, сидя у окна, уперся в угол, опустив свою пробитую пулями голову на грудь, сидѣвшій напротив него досмотрщик упал головой ему на колѣни, а другой, распластав руки и ноги и съѣзжая со скамьи, сѣл на пол, обло-

котив поднятую вверх голову о край скамьи, рядом с убитым казначеем.

Большинство голов было разворочено смертельными выстрѣлами, стѣны вагона и скамьи забрызганы каплями крови и мозгами, нѣкоторыя окна пробиты и на полу кое-гдѣ появились лужи и ручейки расползавшейся крови. Весь вагон был насыщен приторно сладким одуряющим запахом крови, пороха и табачнаго дыма.

На открытой площадкѣ стараго вагона mikste шедшаго впереди кошмарнаго, с мертвыми пассажирами вагона 3-го класса, лежали один за другим, сверкая ярко-зеленными подкладками своих пальто, два убитых пограничных генерала и на порогѣ у выхода лежал находившійся без сознанія пограничный подполковник, у котораго правая рука, начиная от локтевого сгиба, была раздроблена пулей и тут же около него валялся браунинг.

Никто в поѣздѣ не слыхал а, может быть, и не обратил вниманія на выстрѣлы; пассажиры другого вагона 3-го класса были отдѣлены средним вагоном mikste, а два кондуктора сидѣли в служебном отдѣленіи грохотавшагося товарнаго вагона и были заняты своими дѣлами.

Поѣзд, как ни в чем не бывало, продолжал медленно ползти вперед и только не доѣзжая двух-трех верст до станціи один из кондукторов вышел из отдѣленія и открыл дверь в вагон 3-го класса: в смертельном ужасѣ ринулся он обратно на площадку и стал дергать сигнальную веревку. Поѣзд остановился. В мгновеніе ока ужасное событіе стало всѣм извѣстно; растерявшіеся люди бѣгали вдоль поѣзда, безтолково кричали и, не зная что дѣлать, в паникѣ дрожа тѣлом вскакивали к себѣ обратно.

Раздался свисток, паровоз судорожно рванулся и, точно сам дрожа от ужаса, через нѣсколько минут остановился у маленькой станціи, откуда начальник ея бросился сообщать в Ченстохов подробности ужаснѣйшей катастрофы, разразившейся в поѣздѣ.

Вѣсть об этом с быстротой молніи разнеслась по городу; послѣдовало распоряженіе поѣзду немедленно слѣдовать в Ченстохов и, когда он прибыл, всѣ военныя и гражданскія власти, доктора и наряды полиціи и войск, а перед вокзалом и огромная толпа народа, встрѣтили его. Тринадцать трупов и двое раненых было снято с поѣзда, к границѣ уже неслись пограничная конная сотня и эскадрон митавских гусар, которым приказано было обыскать лѣса и приграничныя деревни с цѣлью во что бы то ни стало захватить подлых убійц.

Каким же образом могло свершиться и при том, как это видно будет, безнаказанно такое вопіющее и дерзкое преступленіе?

Стоял 1905 год. Далекая Сибирь, Харьков, Кіев, Одесса, а за ними и Москва горѣли пламенем возстаній и бунтов и Россія, озаряемая огнем пожаров, содрогалась под громом пушечной и ружейной пальбы, стараясь с помощью Викжеля, объявившаго всеобщую забастовку и этим затруднявшаго переброску войск, захлебнуться в морѣ собственной крови по которому подпольные соціалисты, жаждавшіе разрушенія страны и выползшіе из всѣх щелей, готовились направить во всѣ стороны свои смертоносные корабли. Были вспышки и в промышленных центрах Польши, но слабыя, тотчас умиравшія. так как крѣпок был дух войск Варшавскаго военнаго округа, а к пограничникам, удвоившим свою бдительность, доходили лишь слухи и на границѣ все было спокойно. Желѣзныя дороги работали и жизнь мало чѣм отличалась от нормальной.

В эту пору вновь назначенный начальних 3-го пограничнаго округа генерал-лейтенант Вестенрик выѣхал в сопровожденіи штаб-офицера для порученій подполковника Бржезицкаго инспекторским осмотром в Велюнскую бригаду. Он только недавно принял округ от ушедшаго в отставку генерала Усова и это была первая бригада, кстати не без страха ожидавшая требовательнаго по слухам новаго начальника,

куда он направлял путь. Прибыв в г. Ченстохов з
день до начала смотра Велюнской бригады и встрѣ
ченный на вокзалѣ командиром ченстоховской бри
гады генерал-маіором графом Цукатто, генерал Вестен
рик немедленно выѣхал по подъѣздной жел.-дорожно
вѣткѣ в Гербы, чтобы осмотрѣть без предупрежденi
гербскій пост гербскаго отряда, правофланговаго
ченстоховской бригадѣ.

Пост этот, лежащій на самой чертѣ границы, ра
положен в поселкѣ того же названія; нѣсколько да
лѣе от границы находится довольно оживленная пер
воклассная Гербская таможня, дома и разныя построй
ки служащих этой таможни и станція желѣзной дороги
еще не связанная сквозным рельсовым путем с гер
манской одноименной станціей, расположенной п
другую сторону границы. Кругом поселка на огромно
разстояніе тянутся примыкающіе к нѣмецким лѣса
русскіе казенные лѣса, отдѣленные друг от друга ши-
рокой просѣкой, служащей чертою границы.

Как раз в день пріѣзда генерала Вестенрика
Гербская таможня отправляла в Ченстоховское казна-
чейство накопившіяся крупныя казенныя суммы, что-то
около трехсот тысяч рублей и ввиду тревожнаго вре-
мени потребовала для охраны в пути усиленный кон-
вой от гербскаго поста, в каковой и было назначено
8 солдат при унтер офицерѣ.

По словам скончавшагося вскорѣ от ран солдата,
единственнаго свидѣтеля разыгравшейся в вагонѣ бой-
ни, прослѣ того, как начальник округа распустил сол-
дат и прослѣдовал к командиру отряда, конвой не-
медленно снарядился и отправился на станцію; поѣзд
еще не был подан. На перронѣ станціи толпился в
ожиданіи поѣзда обычный люд типа постоянных пас-
сажиров вѣтки: была довольно большая группа кресть-
ян, мужчин и женщин, очевидно возвращавшихся из
заграницы, нѣсколько человѣк похожих на торговцев
и мелких торговых агентов, ежедневно толкающихся у
таможни, были и типичные евреи — спекулянты, всѣ
они галдѣли, курили, не обращали никакого внима-

нія на солдат и рѣшительно никакого подозрѣнія на себя не навлекали.

Вскорѣ в сопровожденіи 2-х досмотрщиков с чемоданом в рукѣ подошел казначей, а вслѣд за сим подан был поѣзд. Унтер-офицер занял задній вагон и, впустив туда казначея и досмотрщиков, отказался впустить частных пассажиров, поставив часовых, в том числѣ и раненаго, у дверей. Казначей сѣл у окна в серединѣ общаго вагона, поставив в ногах чемодан, рядом помѣстился один досмотрщик, а другой сѣл напротив, а в проходѣ, загораживая обѣ скамьи, стал ефрейтор. Прочіе солдаты размѣстились в разных мѣстах вагона. Толпа бросилась в первый вагон, там произошла давка и через нѣсколько минут в занятый солдатами вагон вошел начальник станціи и обер-кондуктор и обратился к казначею с настоятельной просьбой впустить в вагон человѣк десять-пятнадцать нѣмцев и мужиков, так как первый вагон набит до отказа, а запасных вагонов нѣт. Очевидно казначей не хотѣл отказать в просьбѣ знакомаго начальника станціи и в вагон вошли и разсѣлись в разных мѣстах человѣк 12—15, большинство по внѣшнему облику крестьян, или рабочих и лишь четверо говорили по нѣмецки и были чище одѣты. Они вѣжливо поклонились казначею и заняли мѣста на сосѣдних скамьях.

Поѣзд тронулся. Часовые у дверей, ефрейтор и унтер-офицер стояли, прочіе солдаты сѣли на свободных мѣстах. Вскорѣ один из нѣмцев, высокій с черной бородой, ломанным польским языком „по шліонски“, поднявшись со скамьи, спросил, как куда то проѣхать; разговор сдѣлался общим, закурили. Когда проѣхали вторую остановку, кто-то из мужиков в другом концѣ вагона заспорил с другим; началась между ними отчаянная ругань.

Начальник конвоя подошел к спорившим с цѣлью унять их, солдаты же стали смотрѣть в сторону ссоры, слѣдя за унтер-офицером. В это время высокій с бородой крикнул: — цихо, псякрев, палиц; — всѣ сразу

вскочили на ноги и по всему вагону началась бѣшеная стрѣльба. Раненый не успѣл сообразить в чем дѣло и поднять винтовку, как грохнулся теряя сознаніе на пол, пробитый смертельно двумя пулями в грудь на вылет и только успѣл замѣтить, что его разстрѣливал одиноко сидѣвшій против него и всю дорогу молчавшій низкій с рыжими усами и шарфом вокруг шеи человѣк. Между тѣм генералы и подполковник Бржезицкій, сѣвшіе в поѣзд перед самым отходом его, когда солдаты были уже в вагонѣ, о чем то разговаривали.

Вдруг генерал Вестенрик прервал разговор словами: — господа, мнѣ кажется гдѣ-то стрѣляют, и поднялся; ясно послышались еще нѣсколько коротких, глухих щелчков; тогда генерал, за ним граф Цукатто и сзади штаб-офицер направлялись к выходу. Поѣзд шел очень медленно по лѣсу, весьма в этом мѣстѣ густому. Не успѣл генерал выйти на площадку, как отворилась противоположная дверь вагона 3-го класса и в ней показался очень хорошо замѣченный подполковником Бржезицким высокій с черной бородой человѣк; фуражка с большим прямым козырьком была глубоко надвинута на лоб. Он круто остановился, стремительно поднял руку и двумя мѣткими в лоб выстрѣлами наповал свалил обоих генералов. Подполковник Бржезицкій выхватил из кармана браунинг и в тот момент, когда подымал руку, получил рану, раздробившую локтевую кость. От сильнѣйшей боли он потерял сознаніе и упал, уронив револьвер.

Дѣло было сдѣлано и цѣною 14-ти жизней бандиты, разстрѣляв каждый свою жертву, сдѣлались обладателями казначейскаго чемодана и исчезли с ним в чащѣ лѣсов. В этом дѣлѣ обращают на себя вниманіе два обстоятельства: первое, это удивительная безпечность, довѣріе к людям и непринятіе мѣр предосторожности как со стороны таможни, так и казначея и начальника конвоя; не потребовав отдѣльный, хотя бы товарный вагон, и даже не производя обыска людей впущенных в вагон. Объясненіе этому, но не

оправданіе отчасти лежит в том, что кругом шла совершенно нормальная жизнь и никто не допускал возможнонти нападенія на пробѣгѣ поѣзда 20 верст при столь сильном конвоѣ и второе: чрезвычайная дерзость и освѣдомленность шайки, дающая полное основаніе предполагать, что у нея всюду имѣлись оставшіеся неизвѣстными сотрудники.

Посланные эскадроны и сотни на развѣдки и розыски вернулись безрезультатно: убійцы точно провалились сквозь землю; несомнѣнно одни скрылись за границей, другіе разсосались среди мѣстнаго населенія. Кто же они были? Первоначально полагали просто шайка грабителей. Но скоро они себя обнаружили и вот как. Убійство это вызвало взрыв негодованія и жажду мщенія среди пограничных солдат. Пользуясь своим правом употребленія оружія при несеніи службы на границѣ, солдаты стали щелкать каждаго, кто неосторожно приближался к границѣ.

При дознаніи обычный отвѣт: — крикнул мол „стой", потом два выстрѣла вверх; не остановился тогда в него. Зараза быстро перекинулась в сосѣднія бригады и тогда взвыли приграничные жители, боясь на поле выйти, на мельницу выѣхать. И тогда появилась подпольная прокламація: — товарищи пограничные солдаты. Что вы дѣлаете? Зачѣм убиваете неповинных людей? Мы очень сожалѣем, что наше правое дѣло потребовало в Гербах много ваших жертв. Но мы не грабители. Мы работаем для вашей же пользы, как работают ваши и наши товарищи у вас в Россіи, в Москвѣ и Одессѣ. Опустите ваши дула в землю и подымите их против ваших истязателей, ваших начальников. Подпись P. P. S. (Польская партія соціалистов).

Как же приняли это солдаты? Они всюду представляли разбрасываемыя прокламаціи и говорили: — появись ты только у нас, мы те покажем как наши дула пахнут.

Конечно, не прокламаціи остановили разстрѣл на границѣ, а принятыя мѣры доказательства их безраз-

судности и безцѣльности и строжайшія дознанія по ним.

Это возмутительное по замыслу и исполненію преступленіе, на котором в свое время слѣдовало оставить сугубое вниманіе, прошло мало замѣченным как общественностью так и печатью, тяготѣвшей за рѣдкими исключеніями, ко всему тому, что способствовало революціи и умаляло престиж власти, той печати, которая вопила по поводу энергичных дѣйствій полковников Семеновскаго полка Мина и Римана и тщательно затушевывала всякую связь отдѣльных выступленій с центром, дѣйствовавшим в Москвѣ. Описанное злодѣяніе попросту было предано полному забвенію. Да будет мир праху убитых, виновных только тѣм, что они честно несли службу своему отечеству.

Поимка контрабанды.

В этот день мнѣ очень не хотѣлось идти на ночь в секрет на границу. Стояла гнилая и ненастная осень, дороги развезло, дождь моросил и не переставая круглыя сутки, все небо заволокло и тяжелыя тучи ползли казалось над самой головой. Небольшая пограничная рѣчка набухла, а вся прилегавшая к ней низовина состоявшая по большей части из лугов и небольших клочков полей, представляла из себя сплошное болото, по которому не вездѣ можно было пробираться, не рискуя завязнуть в грязи. Лишь мокрыя вороны носились стаями с мѣста на мѣсто, унылым карканьем своим наводя тоску.

Шагая по своей комнатѣ офицерскаго поста одного из глухих отрядов германской границы, я разсуждал со старшим вахмистром о нарядѣ на службу и о расположенiи секретов в предстоящую ночь. Дѣло было серьезное. Отряд этот, состоявшiй из 4-х постов, вытянувшихся на протяженiи 8 верст вдоль опушки расположенных в тылу его необъятных лѣсов, принятый мною всего два мѣсяца тому назад, имѣл дурную славу. Долгое время оставался он вакантным и не имѣл офицера; были случаи прорыва контрабанды и в тылу отряда неоднократно дѣлались задержанiя. Поэтому начальство приказало мнѣ подтянуть отряд и увеличить охрану границы, относя прорывы контрабанды нахожденiем в отрядѣ неблагонадежных нижних чинов и вмѣняя мнѣ в обязанность обнаружить их, так как они парализуют всякую полезную службу прочих чинов отряда.

Каждый день по утрам, вот уже вторую недѣлю, шли эти совѣщанiя с вахмистром; вопрос касался за-

держанія большой партіи контрабанды и принятія всѣх мѣр, чтобы она не прошла благополучно мимо носа. По имѣющимся совершенно точным свѣдѣніям контрабанда эта уже двѣ недѣли лежала сложенной в сараѣ небольшой нѣмецкой деревни в одной верстѣ от границы, как раз напротив правофлангового поста, на котором трое солдат находилось под сильным подозрѣніем.

Таким образом приходилось всѣ распоряженія облекать полнѣйшим секретом и неожиданностью приведенія их исполненіе в послѣднюю минуту, во избѣжаніе их разглашенія и из опасенія, что подозрѣваемые солдаты могли имѣть неизвѣстных пособников и на других постах отряда. Однако контрабанда оставалась в своем складѣ без всяких признаков движенія и на зарѣ, пропитавшись сыростью как губка и продрогнув до мозга костей, возвращался я из секрета домой и ожидал вахмистра для выслушанія его докладов о всем замѣченном и разработки с ним новых планов.

Извѣстно было также, что приграничные контрабандисты, пока что, сидят по домам и, что главное, сам вожак Мартин Каспржак вмѣстѣ со своими двумя братьями Янеком и Бартеком замѣчен был также дома. Это был здоровеннѣйшій дѣтина, саженнаго роста, запасной ефрейтор Преображенскаго полка, спеціально занимавшійся контрабандным промыслом и, как вожак и организатор контрабандных партій, пользовавшійся большой извѣстностью. Жил он в небольшой деревнѣ Дембицѣ, раскинувшейся отдѣльными хатами в лѣсу по опушкѣ между третьим и послѣдним постами отряда. Одним словом на контрабандном фронтѣ как будто все было спокойно: контрабанда спокойно лежала за границей, контрабандисты невинно сидѣли по домам, солдаты добросовѣстно мокли на своих участках на границѣ и в тылу в секретах, дождь продолжал лить не переставая и по ночам стояла такая тишина, что не слышно нигдѣ даже собачьяго лая, так как и они забились от ненастья в

разные углы и не подавали признаков жизни. Можно было думать, что все спит мертвым сном, но на самом дѣлѣ это было не так; граница среди этой тишины жила таинственной и напряженной жизнью, притаившейся и смотрѣвшей невидимыми глазами из под каждаго куста, из за каждаго намокшаго дерева, внезапно под порывом вѣтра обдававшаго градом крупных дождевых капель, скопившихся на вѣтвях и листьях. Новидимые глаза слѣдили за каждым блеснувшим гдѣ либо огоньком, обостренный слух улавливал всякій еле примѣтный звук и шорох, врывавшійся в ночную тишину. Десятки этих невидимых и неслышных глаз и ушей слѣдили друг за другом с обѣих сторон, сообщались между собой одним им понятными способами и старались ввести друг друга в заблужденіе.

Было ясно, что контрабандисты или пронюхали о принятых мѣрах и ожидают, когда люди отряда утомятся, чтобы с меньшим риском прорваться через границу, или ожидают от неблагонадежных солдат сигнала, когда можно будет прорыв сдѣлать навѣрняка. Словом предстояла невеселая перспектива ползанія по грязи в теченіе весьма неопредѣленнаго времени, пока не получатся болѣе или менѣе точныя свѣдѣнія об увозѣ контрабанды из склада в другое мѣсто.

Отпустив вахмистра и исходя из вышеупомянутаго соображенія, я почти рѣшил в эту ночь в секрет не идти. К тому же сапоги мои и платье никак не могли высохнуть, а сам я чувствовал себя не совсѣм здоровым. Была суббота, дождь к вечеру еще надал и, когда я вышел на крыльцо, было так темно, как может быть темно вѣроятно только в аду. Все таки я приказал вѣстовому подсушить и приготовить свое набухшее одѣяніе, осмотрѣл револьвер и с наслажденіем усѣлся пить чай.

Неожиданно донесшійся стук колес въѣхавшей на постовой двор и остановившейся у моего крыльца телѣги, вызвал у меня даже нѣкоторую досаду за нарушенный покой и я насторожился.

В комнату вошли совсѣм не ожидавшіеся мною в такую погоду гости: таможенный чиновник, расположенной в 15 верстах от меня таможни, давно собиравшійся ко мнѣ и не испугавшійся разверзшихся хлябей небесных и сосѣд мой по отряду штабс-ротмистр Предтечин. Пожимая мнѣ руку и всячески ругая дорогу, по которой им пришлось плестись черепашьим шагом, гости усѣлись отогрѣваться чаем, предупредив меня, что на всякій случай они захватили с собой в попутной корчмѣ грѣшную влагу и мнѣ остается лишь позаботиться о закускѣ.

Меню из яичницы с ветчиной, коробки сардин, пары сельдей и квашеной капусты немедленно было составлено и я не без удовольствія примирился с необходимостью остаться дома. Лепорелло мой засуетился, стал накрывать стол, поставил холодную закуску, ухитрился приготовить еще винигрет, водрузил графин с водкой и пару бутылок удѣльнаго вина, всегда бывшаго у меня в запасѣ, на всякій случай, и вскорѣ внес огромную сковороду вкусно пахнувшей и шипящей яичницы, но не успѣли мы что называется разобраться с чего начинать и чокнуться рюмками, как во дворѣ снова раздался топот быстро въѣхавшаго галопом всадника и через минуту в комнату вошел видимо взволнованный начальник послѣдняго моего поста унтер-офицер Дмитріев и доложил: — ваше благородіе, извольте как можно скорѣй ѣхать, надо еще человѣк трех с нами. Безпремѣнно пойдут на 4-й участок. Тольки скорѣе, чтобы поспѣть, может вже тащут товар к рѣчкѣ.

— Можете представить себѣ что произошло! Как пуля кинулся я в казарму. Моментальное приказаніе! Назначенные бросились одѣваться, другіе выводить лошадей. В два счета я был готов и бросив на ходу гостям: — распоряжайтесь как дома, — выскочил во двор, гдѣ уже нервно топотали привычные кони и сидѣли на них солдаты и бравый начальник моего поста унтер-офицер Комаров.

Вскочив на коня, тихо приказал: — пошел лѣсом, рысью к фольварку! — Это была небольшая в полуверстѣ от границы усадьба, примыкавшая к лѣсу, от которой до самой патрульной тропы у рѣчки шла полевая, обсаженная двумя рядами тополей, дорога, выходившая на 5-й участок, а шагах в 200 от фольварка отходила вправо от дороги межа, позволявшая выйти в секреты в тыл нѣскольких участков послѣдняго поста. С мѣста взяли крупной рысью, чтобы привыкнуть к темнотѣ; впереди Дмитріев, послѣдним солдат с потушенным факелом.

В лѣсу, пригнувшись к конским шеям, дабы не напороться на сук, пошли галопом; к опушкѣ подошли шагом и остановились. Спѣшились кромѣ факельщика, котораго услал вправо освѣщать опушку послѣ тревоги. Коней оставил с коноводом у опушки за сараем, а сам с унтер-офицерами быстрым шагом двинулся по дорогѣ. Шагов на 200 впереди межи на самой дорогѣ приказал засѣсть Комарову, соображая как бы контрабандисты не свернули послѣ прорыва на нее, как на наиболѣе легкій путь к лѣсу мимо фольварка, и сам двинулся по межѣ и остановился приблизительно против стыка 4 и 5-го участков, а Дмитріева услал правѣе к 3 участку.

Засѣли. Темно так, что на землѣ рѣшительно ничего не видно, все одинаково черно; только послѣ сильнѣйшаго напряженія глаз еле различаешь, что небо чуть свѣтлѣе; примѣчаю на нем впереди черное пятно, ползу вперед — куст, вправо вижу другой. Уже знаю, гдѣ я: впереди канава, далѣе болотистый луг до рѣчки и 4 й участок; здѣсь при набухшей от дождей рѣчкѣ она проходима в брод, воды будет по пояс, на 3-ем она много глубже и обиліе омутов, значит вѣрнѣе всего что молодцы переправятся именно здѣсь. Будут конечно босые и мокрые, но это для них ни по чем — дѣло привычное.

По счастью моросившій дождь прекратился; превращаюсь весь в слух, но кромѣ біенія собственнаго сердца не различаю рѣшительно никаких звуков: кру-

том абсолютная тишина и вдруг... прямо впереди меня блеснул огонек и щелкнул сухой выстрѣл... второй... третій...

Выстрѣл подхватил сосѣдній часовой и через секунду тревожные выстрѣлы послышались вправо и влѣво по линіи часовых. Вскочил на ноги, перемахнул через канаву и, прислушиваясь, с револьвером в рукѣ, ожидаю вот, вот услышу шлепанье бѣгущих ног, дыханье людей и с криком „стой" брошусь на них; но в этот момент рѣзкій крик „стой" влѣво от меня к сторонѣ дороги, рванул воздух, а вслѣд за ним раздался отчаянный, дважды повторенный, вопль: — сюда! — Не разбирая мѣстности со всѣх ног ринулся на крик и набирая за голонище воду, побѣжал. По патрульной дорогѣ скакали уже с разных сторон объѣздчики с факелами. Картина, которую я увидал при свѣтѣ факела на дорогѣ, была для меня неожиданна: вцѣпившись руками в горло, Комаров держал огромнаго дѣтину с привязанной на спинѣ его ношей; один глаз у Комарова был закрыт, представлял сплошной синяк и по лицу струилась кровь.

Подбѣжали еще два солдата из секретов, вахмистр и примчались еще два факела. Оторвав контрабандиста от судорожно вцѣпившагося в него Комарова, который шатаясь прислонился к дереву, я приказал окрутить контрабандисту руки и взять его на фуражный аркан.

— Это он тебя ударил? — спросил я Комарова.

— Так точно, их было много, человѣк может 20. Когда топот ног по дорогѣ поравнялся со мной я крикнул — „стой" и бросился на них. Один вдарил меня в глаз, винтовка упала и я вцѣпился ему в шею и стал кричать — „сюда"; прочіе шарахнулись и, скидывая ноши, побѣжали, а энтот стал бить меня кулаками, а я так давил горло, что он ослаб и я его вдержал пока не прибѣжали на помощь.

— Спасибо, молодец!

— Рад стараться, ваше благородіе, — гаркнул весело Комаров.

Я подошел к проносителю. Тот стоял разставив босыя ноги с зисученными выше колѣн по пояс мокрыми штанами и сбившейся на затылок фуражкѣ козырьком на бок и нагло улыбался.

— Как тебя зовут, спрашиваю.

— Неразумем, — отвѣчает не мѣняя позы.

Схватил я свою кавказскую нагайку, обвитую проволокой и, не помня себя, со всего маху огрѣл его.

— Как зовут, завопил уже я, — готовясь снова его ударить.

— Мартин Каспржак, проше пана, — сообразил он, что лучше отвѣчать и сдвинул ноги.

— А, так вот кто ты, ну ладно, на посту потолкуем, — отвѣтил я и только теперь замѣтил, что на дорогѣ и по полю кругом всюду лежали громадные, вперемежку с небольшими, тюки с контрабандой, брошенные при бѣгствѣ котрабандистами; приказал все сносить в одно мѣсто на дорогу.

На опушкѣ лѣса все время мелкал факел, маячившаго там солдата; вдруг он быстро, быстро по мчался, остановился и затѣм раздался выстрѣл. Там тоже сброшено было еще 7 малых нош замѣченными солдатом и скрывшимися в лѣсу хлопами. Всего собрали мы 22 огромных величиной с добрый стол, и 17 небольших, но тяжелых тюков.

Я послал на фольварк к помѣщику Пинскому, с которым был в прiятельских отношенiях, за большой четырехконной телѣгой и, когда она прибыла, то нагрузили мы ее буквально с горой; на Каспржака навалили еще 2 малых ноши и освѣщенные спереди и с боков факелами, тронулись, счастливые и довольные поимкой, в путь на мой пост, с шагавшим за подводой Каспржаком, котораго на арканѣ держал один из всадников.

Гости мои, конечно знавшiе о бывшей тревогѣ, и всѣ солдаты поста высыпали на двор и, когда кортеж со мною во главѣ подъѣзжал к посту, штаб-ротмистр Предтечин крикнул: — смирно, а затѣм гром-

кое — ура!—привѣтствовало наше прибытіе. Увидав и приведеннаго нами верблюда, Предтечин заключил меня в объятіях и стал на радостях душить.

Каспржака посадил я в карцер, приказав дать чай и приставить часового; тюки снесли в одну из пустых моих комнат; контрабанда была так велика, что комнату завалили до отказу. Заперев, опечатав и поставив при ней другого часового, отпустил всѣм бывшим на задержаніи солдатам по чаркѣ водки, перевязал Комарова и счастливый усѣлся с гостями к столу полить задержаніе и согрѣться. Было 2 часа ночи. Нечего и говорить, что выпито было и не мало.

Гости мои не остались ночевать зная, что у меня с утра начнется сложная процедура с составленіем протоколов и со сдачей контрабанды в таможню и часа через два уѣхали, а в 10 часов утра я уже приступил к выясненію обстоятельств перехода границы.

Явился с послѣдняго поста часовой 4-го участка, первый открывшій тревогу, показаніе котораго было особенно важно. Это был маленькій невзрачный солдатишко со смѣшной фамиліей Пуговка. Обычно в пограничную стражу воинскими начальниками назначались видные и крѣпкіе солдаты наравнѣ с кавалеріей и, надо думать, Пуговка попал просто по недоразумѣнію. Щуплый и слабосильный похож он был на крысенка с маленьким острым носиком и безпокойными, бѣгающими глазками на вѣчно перепуганном лицѣ и было смѣшно, что этот пигмей, котораго Каспржак легко мог унести вмѣстѣ с контрабандой, в сущности стал виновником и героем большого задержанія. Объясненіе Пуговки было просто. В день задержанія с 6 ч. утра до 12 дня стоял он часовым на 4 участкѣ и рѣшил так спрятаться, чтобы его с прусской стороны не было видно; в темнотѣ еще залѣз он в кусты и сидѣл не показываясь. Когда стало свѣтло, на той сторонѣ показался какой то хлоп с мальчен-

кой; сначала что то смотрѣл на полѣ, потом подошел к рѣчкѣ и стал рѣзать лозу; мальченка собирал и складывал в охапку; мужик все рѣзал и посвистывал, а Пуговка никак не выходил.

Вѣрно хлоп подумал никого нѣт, быстро скинул сапоги, вошел в середину рѣчки выше колѣн и разов три смѣрил глубину длинной палкой; потом вылѣз, отмѣтил на палкѣ и мальченка с нею убѣжал, а сам стал снова ходить по берегу и рѣзать лозу. Пуговка смекнул — дѣло неладное. Когда смѣнился, отпросился в лавку к жиду в Дембицѣ и узнал, что всѣ хлопы с Дембиц с утра куда то ушли. Когда он вернулся на пост, то доложил начальнику и попросил с 6 ч. вечера до 12 ч. ночи опять назначить его на четвертый, а когда стемнѣет, чтобы начальник незамѣтно подошел он скажет, что еще примѣтит.

Вечером он снова увидал мужика еще с двумя другими. Когда начальник подполз незамѣтно к нему, он сказал: — безпремѣнно оставьте секреты на 4-ый, а потом долго ждал, вдруг услыхал плеск воды, выждал немного и стал бить тревогу. Дмитріев все это подтвердил добавив, что сейчас же поскакал доложить мнѣ.

Каспржак, как обычно, отговорился незнаніем сообщников, а из троих подозрѣваемых солдат один был часовым далеко на I-м участкѣ, а два вовсе не были в нарядѣ на службу. Дѣло было ясное и, нагрузив на двѣ подводы контрабанду и Каспржака, я с конвоем доставил и сдал контрабанду в таможню. Большіе тюки были с соломкой для шляп и искусственной мерлушкой, малые с сыгарами и цѣнной мануфактурой, всего по оцѣнкѣ на 1300 рублей, да штрафа на Каспржака наложили 6000 рублей, арестовали его и отправили войту гмины для заключенія в тюрьму до суда. Поимка получалась громкая, обѣщавшая всѣм задержателям и хорошія наградныя деньги: товар разумѣется будет продан много дороже, а раз задержан проноситель, то 75% пойдут в награду; если

же проноситель штрафа не уплотит, то еще 20%
штрафа за него даст в награду казна.

Через два дня пронесся слух, что Каспржак бѣжал; оказалось, что будучи арестован до отправки в тюрьму при волости, он взломал рѣшетку в окнѣ и благополучно скрылся за границу; вѣроятно за ним просто в волости слѣдили неблагополучно. Еще черезъ нѣсколько дней прiѣхавшiй вахмистр сообщил мнѣ новость, которой я никак не ожидал: поговаривают, что Пуговка дал контрабандистам старый заржавленный берданочный затвор, они повѣрили, что это его 3-х линейный, перешли рѣчку, а он выждал пока они отошли и стал бить тревогу; контрабандисты попались. Контрабандисты грозят убить, ваше благородiе потому, значит, всякая вѣра в солдат у них пропала,— добавил вахмистр.

Эге, подумал я, вот она какая штука, лрорывы дѣлаются навѣрняка, под залог казеннаго затвора! Значит, уж если попался на удочку контрабандистов слабый солдат, то свяжут они его по рукам и ногам: либо служи им, либо иди на каторгу. И если таких два три подлеца в отрядѣ разведется, то прочiе сто хоть на изнанку выворачивайся — никогда ничего не поймут! Ну хорошо, и я послал за Пуговкой

Предстал он предо мной совсѣм перепуганный. Послушай, друг, говорю ему, скажи правду, как ты задержал контрабанду, дал ты старый затвор? Смотрю, глаза его забѣгали, захлопали и показались слезы: так точно, тихо прошептал он, иначе нельзя было, ваше благородiе.

— Почему?

—Так что, ваше благородiе иначе никак невозможно задержать поимку, задарма только секреты караулят, хлопы идут тольки на затвор.

— Да откуда ты это знаешь?

Пуговка совсѣм замялся и молчал

— Говори-же, я тебя не съѣм!

— Ваше благородiе,—всхлипывая начал Пуговка, тѣ трое, он назвал подозрѣваемых солдат, постоянно

смѣялись надо мной, что я бѣдный, и некрасивый, и дурак, и не умѣю ничего, а потом сказали: — пойдем Пуговка когда к Маринкѣ, вона тебя скоро научит. как и что с ею дѣлать нада, а потом дѣла значит будут наши обчія.

Маринка эта была мнѣ уже извѣстна, я у нея дѣлал обыск; это была писанная польская красавица, молодая вдова, говорили любовница Каспржака, соблазнявшая и не отказывавшая солдатам; жила она с сестрой особняком в лѣсу и ходить к ней было удобно.

Пуговка продолжал: — значит они меня к Маринкѣ, а вона сейчас водку поставила, колбасу, нарѣзала, а когда выпили и говорит мнѣ: оставайся у меня, они сейчас уйдут. Когда солдаты ушли, тут вона прямо ко мнѣ: хочишь — пусти через границу. Говорю ладно. Засмѣялась она, зубы показывает, налила водку. Только говорит, ты дашь это и ткнула на затвор винтовки. Ваше благородіе, значит, думаю, пропал я, буду уже дожидаться до конца. Хорошо, говорю. Маринка услала сестру, а потом я ушел, она дала мнѣ рупь и говорит, приходи чрез двѣ недѣли. Я пошел и думаю, вот она в чем механика, ну ладно, значит вси будут служить, а мы всих обманывать. Может потому я и бѣдный, и дурак, и не умѣю ничего. Так таперя я вас обману, чтобы вси были умными, а вы дураки. Когда поѣхали в штаб за обмундированіем в оружейной мастерской в лому, я нашел старый затвор. Потом, ваше благородіе, как значит у пруссах привезли контрабанду, она должна была пойтить, когда на 4-й участок стану я и мужик, что рѣзал лозу, приходил говорить со мной, а тѣх троих начальник поста гонял на 1 и 2 участок, гдѣ пройти никак невозможно. Я их пустил, а толки больше в отрядѣ на затвор не пойдут.

—Значит пропустить хотѣли тѣ трое?—спрашиваю его.

— Не могу знать, они со мной не говорили больше, очинно боялись секретов и что за ними слѣдит начальник.

— А почему именно в ту ночь пошла контрабанда?

— Не могу знать, а тольки сказывали, что в субботу у вашего благородія будут гости.

— А кто тебѣ это говорил?

— А они втроем между собой говорили и сказали мнѣ.

Я конечно донес по командѣ. Пуговку перевели в другой отряд, а тѣх троих предали суду и, хотя прямого обвиненія в пропускѣ контрабанды не было, все же засудили за связь с контрабандистами и совращеніе других солдат. Всѣ в отрядѣ остались очень довольны изъятіем трех молодцов и охрана границы пошла на совѣсть, а крупныя наградныя участникам поимки показали, что не в котрабандистах счастье, а в исполненіи своего долга по присягѣ.

Недѣли три послѣ этой поимки пріѣзжает ко мнѣ крестьянин деревни Копец, той самой гдѣ был ненадежный пост, Станислав Ящинскій, зажиточный, степенный человѣк лѣт 60 и, низко кланяясь, просит меня оказать честь и посѣтить его в воскресенье по случаю свадьбы его дочери Варвары.

Я был с ним в пріятельских отношеніях; во всѣх случаях, когда мнѣ нужны были лошади, я посылал за ним. Кони были у него прекрасные, возил он всегда лихо и терпѣливо ждал сколько бы не потребовалось. Был он разговорчив и от него много узнавал я об уловках контрабандистов. Отказать ему была бы большая обида, я был холост и мнѣ интересно было посмотрѣть на польскую крестьянскую свадьбу и ближе познакомиться с мѣстным людом, что могло быть полезным во многих отношеніях. Когда в воскресенье проѣзжал я мимо его дома, бывшаго немного в сторонѣ от дороги, видно было, что гости уже съѣхались на торжество: стояли многочисленныя подводы с лошадьми украшенными лентами и бумажными цвѣтами, сновал народ и носились по улицѣ перед домом как угорѣлые мальчишки, безконечно счастливые что там, в недоступных им хоромах, будет играть музыка.

Я пріѣхал на пост, оставил там коня и на всякій случай, зная, что крестьянскія свадьбы часто сопровождаются неожиданной потасовкой, предупредил Дмитріева, чтобы он был на готовѣ в любой момент прибѣжать к Ящинскому, когда я потребую, да еще и прихватить кого нибудь с собой. Ящинскій видно ждал уже меня, встрѣтил с женой на крыльцѣ и провел меня в большую горницу с собравшимися уже там гостями. Поздоровавшись общим привѣтом, положил по обычаю на поднос для молодицы золотую монету, поздравил ее и мужа, лавочника из сосѣдняго села, и пожал руку деревенской интеллигенціи, прибывшей из окрестностей на свадьбу: пану войту, волостному писарю, учителю и аптекарю с женой.

Пир начался. Грянула мазурка: скрипка, віолончель, флейта и контрабас. Мальчишки на улицѣ пошли колесом, а я, сидя в красном углу, рядом с молодой и против Ящинскаго, в окруженіи разсѣвшейся по сосѣдству интеллигенціи, с любопытством оглядывал публику, с гамом занимавшую мѣста за длинными столами, поставленными вдоль стѣн комнаты. Столы были завалены ѣдой, разными вкусными домашними колбасами, жереной свининой, курами, яйцами, какими то пирогами, мазурками и пляцками, а около меня были открыты двѣ коробки сардин, стояла бутылка коньяку и еще какія то бутылки с вином.

Хлопы и дѣвицы разсѣлись в перемежку и было между послѣдними немало смазливых, разряженных в національные корсажи, украшенных цвѣтами и лентами, но красивѣе всѣх была Маринка: высокая, стройная, в расшитом черном, бархатном корсажѣ и бѣлой юбкой, с обиліем бус и монист, с каким то красным цвѣтком, приколотым к пышной свѣтлорусой косѣ, лрической уложенной на головѣ, она правильностью черт своего лица и общей чистотой рѣзко выдѣлялась среди прочих. Сидѣла она за другим поперечным столом и я все время мог ее видѣть.

Начались разные тосты, заработали ножи и вилки, а кое-гдѣ подальше и просто пятерни, все чаще

наклонялись бутылки, гул голосов и смѣх становился все задорнѣе и пир стал тѣм, чѣм он и должен был быть: свадьбой.

Середина комнаты очистилась и закружились пары в оберкѣ, краковіякѣ, мазуркѣ и вальсѣ. Только сам Ящинскій и знать продолжали чинно сидѣть, наблюдая танцы и подогрѣваясь Крупняком, но публика становилась уже все развязнѣе: подбѣгали и подсаживались к нам и дѣвушки и парни, чокаясь и приглашая выпить с ними.

Одна Маринка продолжала сидѣть и, когда я случайно взглядывал на нее, то встрѣчал всегда злой какой то взгляд, взгляд ненависти, но мѣняла она этот взгляд удивительно: глаза ея начали слегка щуриться, она обнажала прелестные, ровные бѣлые зубы и все лицо ея дышало таким заманчивым кокетством, которое впору было бы любому салону. Я перестал обращать на нее вниманіе и разговорился с аптекарем, как вдруг почувствовал, что рядом кто то сѣл; я повернулся и увидал, что эта была Маринка.

Улыбаясь обратилась она ко мнѣ на ломанном польско-русском языкѣ: пшепрашем пана офицера; моге я выпить с вами.

Мы чокнулись. Ластясь и касаясь меня ногой, Марика болтала всякій вздор, прижималась, пила и говорила — пан очень красивый, а потом наклонилась к моему уху и добавила: — як будет совсѣм темно, Маринка выйдет на подвурек, будет ждать пана, пойдем за сарай, пан увидит как я кохам. Меня бросило в жар и я разсмѣялся, думаю — ну и фрукт баба. Быстро темнѣло. Маринка танцовцала и, каюсь, я залюбовался ею. Но видимо от стараго Ящинскаго ничто не ускользнуло и, сидя против меня, он все видѣл и замѣтил; он наклонился ко мнѣ, наливая вино, и прошептал: броне Боже, не ходите; тутай пришли братья Каспржаки, пана забіют.

Сразу понял я ловушку, готовившуюся мнѣ, вынул записную книжку и написал: Дмитріев сейчас бѣги втроем за сарай Ящинскаго у лѣса, сядьте в 50

шагах, чтобы никто не видѣл. На меня хотят напасть. Как свистну — ко мнѣ. Взять нагайки. Записку незамѣтно передал Ящинскому переслать на пост с мальчишкой. Он встал, сдѣлал пьяный трюк, выпил и, шатаясь, вышел, потом вернулся, сѣл и мигнул — сдѣлано мол.

Я слѣдил за Маринкой; она плясала, выбѣгала на двор, подбѣгала ко мнѣ и наконец сказала: — тераз никого нѣт, я иду, жду пана. Покружилась еще для вида, взглянула на меня и вышла.

В избѣ стоял уже содом и никто не обратил вниманія, как я поднялся и скользнул в двери, Маринка во дворѣ прибѣжала ко мнѣ. Я крѣпко взял ее под руку и медленно пошли мы к сараю и, когда уже приближались к заднему его срѣзу, я быстро поднял свободную руку и рѣзкій звук свистка — торпедо залился в воздухѣ. Произошло прямо невѣроятное.

Три парни стремительно бросились от сарая к лѣсу, а от лѣса навстрѣчу выскочили солдаты и один из хлопов нарвался прямо на них. Его сразу сбили с ног и начали хлестать нагайками.

Я крикнул: — довольно, по разу на прощанье и бѣги пред дом. Маринка дрожала и рвала руку. А я ее потащил к хатѣ и сказал: — брось Маринка ты свои затѣи, а то будет еще хуже и иди лучше танцовать. Блѣдная и дрожащая вошла она в горницу и сѣла в углу.

Ящинскій, конечно, все видѣл. Он налил вина и, чокаясь со мною сказал: — бардзо добже, что достали эти лайдаки в шкуру, за дравіе пана ротмистра. — Скоро простился я с ним очень сердечно и покинул охмѣлѣвшую свадьбу.

Когда выходил — Маринка подошла ко мнѣ и прошептала: — пан, простите меня, я дура.

Я кивнул ей и вышел.

На улицѣ ждали солдаты. — Ну что, братцы, хорошо всыпали?

— Так точно, хором отвѣтили они смѣясь,—жаль что другіе убѣгли, ваше благородіе.

— А кого били?

— Не могим знать, темно, не примѣтили.

Дал я им по рублю и уѣхал. Потом оказалось высѣкли деревенскаго хулигана Яна Славека.

Попытка устроить мнѣ западню и в лучшем случаѣ исколотить меня, свидѣтельствовавшая о несомнѣнном против меня озлобленіи контрабандистов, заставили меня быть осторожнѣе и постоянно имѣть револьвер при себѣ. Конечно напасть на меня на границѣ или устроить засаду было маловѣроятно и рисковано, но подвергнуться им как либо случайно, когда совершенно на встрѣчу с кѣм либо из них, при том по наружности незнакомых, не разсчитываешь, было возможно при самых разнообразных обстоятельствах, в особенности если с их стороны устроена за мной слѣжка.

Однако время шло, рѣшительно ничего в этом отношеніи не было слышно и кругом царило полное благополучіе. И сам Славек, получившій на свадьбѣ хорошую всыпку, клялся и божился, что ничего этого не было и что поколотили его на ярмаркѣ, а один раз он даже прибѣжал на пост и дал небольшое свѣдѣніе о контрабандѣ, за что получил от меня нѣсколько рублей и обѣщал мнѣ свое содѣйствіе, если будет что либо знать.

Прошло Рождество и приходила к концу зима. В концѣ февраля вдруг повалил снѣг, покрыл бѣлыми скатертями поля и луга и украсил своими хлопьями почти всю зиму стоявшія оголенными вѣтви деревьев. А к ночи появлялся морозик, бодрящій и какой то веселый, когда совсѣм не холодно, во всем тѣлѣ ощущается легкость и дышется радостно и свободно. Тучи к вечеру скрывались за горизонтом и выплывавшая луна заливала природу таким ярким серебристым свѣтом, кладя густыя сине-фіолетовыя тѣни, что, кажется, прояви она еще не много усилій, тѣни начнут блѣднѣть, разовѣть, растают совсѣм и ночь станет днем, а

луна превратится в солнце, но только с холодными, не грѣющими, мертвыми лучами.

Однажды рано утром солнце, скрытое днем за тучами, как бы в отместку лунѣ, рѣшило залить землю своими ослѣпительными лучами, предвѣщавшими тепло и пробуждающуюся жизнь со всѣми весенними ея радостями и, когда я проснулся, то милліарды лучей врывались в мою комнату с безоблачнаго блѣдно-голубого неба и виднѣвшаяся в оконо мое крыша казалась жемчужной, утыканной разными камнями самоцвѣтами и брилліантами.

С наслажденіем выпил я чаю и произвел конное ученіе; потом пообѣдал, надѣл коротенькій кавалерійскій, скрытый синим сукном и отдѣланный черной мерлушкой, полушубок, взял папирос и тросточку и вышел во двор. Посмотрѣл на поля, покрытыя незамѣтно тающим снѣгом и залитыя солнцем. Отчетливой линіей извивалась в полуверстѣ впереди граница, ввидѣ рѣчки поросшей кустами, и далеко был видѣн шагавшій вдоль нея часовой. За рѣчкой как на картинкѣ видна была Пруссія, шоссе с правильной линіей выстроившихся вдоль его ровных деревьев, бѣлые домики под красными крышами и еще дальше розовой дымкой тянулась зубчатая линія нѣмецкаго лѣса. Тянуло гулять, походить по простору, без цѣлей и намѣреній, посмотрѣть на витіеватые узоры заячьих слѣдов на снѣгу, оставленные ночными танцорами, плясавшими под лунный свѣт и пугавшимися собственных смѣшных безхвостных синих тѣней с длинными ушами и короткими передними лапками; или приблизиться, посмотрѣть и осторожно пройти мимо, чтобы не побезпокоить черной кучки вмѣстѣ сбившихся куропаток. Послушать работу дятла в лѣсу, долбящаго дерево и выбивающаго удары с разными оттѣнками деревяннаго звука, как будто он подражал игрѣ на ксилофонѣ; замѣтить особую предвесеннюю суетню птичек, гоняющихся одна за другой. От куста к кусту, дерева к дереву, пересѣкая болотца и выходя на лѣсную опушку и я, как заяц, дѣлал петли и не замѣтил как

передо мною вырос фольварк Дембице, гдѣ жил помѣщик Пинскій, а недалеко за ним был уже и мой предпослѣдній пост Кирпичевка.

Я прошел к посту, провѣрил наряд на службу и на обратном пути рѣшил зайти к Пинскому. Мой визит оказался как нельзя болѣе кстати; я застал у него другого знакомаго помѣщика и оба они мечтали о преферансѣ. Пинскій очень обрадовался, сейчас подали чай и мы усѣлись за игру. В 10 ч. вечера солидно, по помѣщичьи, закусили, а затѣм рѣшили сыграть еще пульку.

Пулька затянулась и только в 1 час ночи я попрощался и отправился домой, наотрѣз отказавшись от лошадей, предложенных мнѣ Пинским, так как лунная ночь была дивно хороша. Напрямик лѣсом до моего поста было около 2 верст состоявших из приблизительно одинаковых 3-х частей: первая сразу же от усадьбы шла через густой, темный, старый еловый лѣс, вторая составляла лѣсную, открытую, поросшую кустарником, прогалину и третья состояла из сосноваго рѣдкаго молодняка, оканчивавшагося поляной, в концѣ которой высился офицерскій пост.

Морозило и со звоном лопали под моими ногами затянувшіяся льдом лужицы. Я все болѣе углублялся в густую чащу лѣса, гдѣ стало так темно, что лунный свѣт почти не проникал и лишь впереди виднѣлась освѣщенная им щель выхода на среднюю поляну. И вдруг чуть слѣва и сзади себя я услыхал шаги. Я остановился, прислушался — тихо, повидимому и этот кто то остановился. Потом раздался какой то шорох, чуть слышный треск сломавшейся вѣрно под ногами его вѣтки и сразу пришла в голову мысль о возможной на меня засадѣ контрабандистов и вспомнился инцидент на свадьбѣ; недалеко всего в каких нибудь 300 шагах начинаются хаты и деревни Дембице, резиденціи Каспржаков; ничего нѣт удивительнаго, что меня замѣтили шагавшим по полям, прослѣдили мой визит к Пинскому и теперь думают со мной расправиться за все. Я машинально протянул к зад-

нему карману рейтуз, гдѣ у меня неизмѣнно был карманный браунинг и холодок прошел по спинѣ: карман был пуст, очевидно я забыл брауниг дома. Теперь все оружiе мое заключалось в тросточкѣ, вѣрнѣе я был безоружен.

Тогда я, стараясь не шумѣть, зашагал дальше, лишь бы скорѣе добраться до прогалины, гдѣ по крайней мѣрѣ свѣтло и до поста ближе и в ту же минуту услыхал, что за мной также кто то двинулся. Я снова остановился, остановился видно и тот. Полная жуткая тишина, только еле примѣтный шорох вѣроятно осыпающагося с вѣтвей снѣга. Но вот раздался какой то треск сзади и я слышу, как за мной бѣгут.

Тут я уже не выдержал и пустился что есть мочи бѣжать к полянѣ, а когда выскочил наконец на ярко освѣщенное луной пространство и увидал дорогу между низкими и мелкими кустами можжевельника, то обалдѣл уже окончательно: прямо предо мной я увидал улепетывающаго по дорогѣ во всѣ лопатки человѣка, у котораго смѣшно мотались по сторонам фалды длиннѣйшаго пальто и длинная тѣнь, как привидѣнiе перескакивала через кусты. Он быстро исчез в сосновом молоднякѣ, а я остановился и перевел дух. Кругом ничего не было слышно. Что за чертовщина, думал я, зашагав дальше и, когда выбрался из лѣса и подошел к посту, то увидал дежурнаго и сидящую на скамеечкѣ у входа какую то черную фигуру.

— Кто это? — спросил я солдата.

— Ицек, ваше благородiе — отвѣтил он; — iон как скаженный выбѣжал из лѣсу, вдарился на скамейку и толком нельзя понять, чего с ним стало.

Это был еврей Шмулевич, доставлявшiй в отряд разные продукты, к слову сказать, очень порядочный еврей.

Я подошел к нему и спрашиваю: — что с тобой, Шмулевич?

Трясясь всѣм тѣлом, приподнялся со скамьи и говорит:

— Шпигался я, ваше благородіе, ой-ой как шпигался.

— Кого же ты испугался?

— Ну, знаете, иду я это с Дембице, мы ш Янкелем тольки иж Крашевицы пріѣхали и я дальше домой вже пишком пошел и слышу, ктось идет жа мной, потом поштоял, а потом как побѣжит жа мной, так я подумал пропал Ицек и тоже побѣжал, и так бѣжал и бѣжал, пока вже не упал на шкамейку и и еще и теперь думаю, какой такой разбойник это был.

Я разсмѣялся и говорю ему: — ну Ицек успокойся, это я за тобой бѣжал.

Он изумленно посмотрѣл, покачал головой и сказал:

— Ни можит быть! — А поцему ви бѣжали ваше благородіе?

— За мной тоже кто гнался, Ицек, только ты теперь знаешь кто за тобой бѣжал, а вот кто за мной, это мы с тобой вѣрно никогда не узнаем.

Теперь разсмѣялся и Ицек и замѣтил:

— Ну, знацит, это била цѣлая биготня по вшему лѣсу водного жа другим, хорошаво дѣла! Ну только увше равно, Ицек больши па ночам ходить по лѣсу один ни будет и от такой биготни откаживается.

Сознаюсь, я чувствовал себя довольно глупо и смотрѣл в сторону границы: там на границѣ отчетливой черной фигуркой видѣн был шагавшій часовой, а вдали по той сторонѣ черной линіей протянулся прусскій лѣс и синія тѣни пятнами ложились на ослѣпительно сверкавшем снѣгу.

Царскій смотр.

Кто не помнит блестящих майских парадов на Марсовом полѣ? Волшебной кавалерійской атаки, когда вся масса кавалеріи, заставляя дрожать землю, неслась, сверкая красивыми формами, палашами, саблями и склоненными пиками, к царской ставкѣ и как вкопанная останавливалась перед своим державным вождем государем императором.

Как они были хороши! Впереди огромной свиты верхом на конѣ государь пропускал мимо себя проходившіе полки, гордо несшіе на штыках своих величіе, славу и благородство своей родины; стройно и плавно проходили полки под своими вѣковыми знаменами, этими скрижалями исторіи государства россійскаго, великаго своим величіем, своею вѣрностью и своею помощью слабым.

В лицѣ дипломатическаго корпуса, военных атташе и иностранных корреспондентов весь мір смотрѣл на величественное зрѣлище прохожденія русских войск перед своим царем. Огромныя массы зрителей стекались со всѣх сторон столицы к Марсову полю, а на другой день газеты разносили по всей Россіи подробное описаніе майскаго парада, перечисляли части войск участвовавших и вся Россія между прочим читала: на лѣвом флангѣ кавалеріи выдѣлялся своей черной однообразной линіей, черными папахами и мундирами с зелеными погонами, своей выправкой и молодцеватостью дивизіон отдѣльнаго корпуса пограничной стражи.

Пограничники невольно возбуждали особое любопытство: их почти не знали. Не знало не только гражданское населеніе великой страны, но увы, мало знала, а иногда и совсѣм не знала армія, частью ко-

торой были пограничники. Часто смѣшивали их с та моженниками по тому простому признаку, что одни и другіе служат на границѣ. Отчасти такому взгляду со дѣйствовало то обстоятельство, что пограничная стража имѣя военную организацію, до 1893 года, находилась в вѣдѣніи департамента таможенных сборов. С 1893 года повелѣніем императора Александра III она была изъята из департамента и образован был отдѣльный корпус пограничной стражи с командиром корпуса во главѣ, приравненным в правах к командующему войсками военнаго округа. По мотивам политическим и практическим корпус, имѣя свое исключительно военное самоуправленіе, в мирное время числился при министерствѣ финансов, министр котораго являлся шефом корпуса и докладчиком государю императору по вопросам требовавшим высочайшаго разрѣшенія.

С этого времени корпус пріобрѣтает все большую извѣстность; учреждается храмовой праздник корпуса в день Введенія во храм Пресвятой Богородицы 21 ноября в этот день государю императору на парадѣ вмѣстѣ с Лейб-гвард. Семеновским полком также и сводной пограничной сотни в пѣшом строю.

Послѣ кончины императора Александра III, I-ая С.-Петербургская бригада была названа его именем и на ея погонах засіял серебряный вензель державнаго основателя корпуса; затѣм и населеніе столицы впервые увидало на майском парадѣ в конном строю пограничный сводный дивизіон, ежегодно до прекращенія вообще этих парадов вызывавшійся в столицу.

24-я Крымская бригада, шефство над которой принял государь император Николай II, стала бригадой его величества; поговарили о названіи 2-й Ревельской бригады именем государыни императрицы Маріи Ѳеодоровны в память частаго посѣщенія императором Александром III вмѣстѣ со своей семьей поста Пулапе названной бригады, гдѣ император любил запросто играть с нижними чинами в рюхи и гдѣ послѣ его смерти поставлен был царю памятник с неугасимой

лампадой и хранились на посту как реликвія рюхи, которыми он играл.

Кто знает, может быть недалеко было время величайшей награды корпусу пожалованіем какой либо из бригад прав гвардіи!

Велико, ни с чѣм несравнимо было счастье тѣх немногих, которые удостаивались быть избранными на высочайшій смотр! Небольшими командами стягивались они из разных мѣст необъятной Россійской границы в столицу с тѣм, чтобы послѣ подготовки к смотру, предстать перед государем императором, услышать его милостивыя слова и, вернувшись по домам, разсказать о той высокой оцѣнкѣ, которой неизмѣнно отличал корпус государь, твердо вѣрившій в безпредѣльную преданность ему и выдающуюся доблесть пограничников.

Был один из ненастных вечеров начала октября 1910 г. Я сидѣл у себя на посту одной из прибалтійских бригад, куда всего два мѣсяца тому назад был переведен, откомандовав 10 лѣт отрядом одной из наиболѣе бойких и безпокойных бригад на германской границѣ, и прислушивался к рокоту разбушевавшагося моря и вою вѣтра.

Непривычно все еще чувствовал я себя в новой обстановкѣ: огромныя дистанціи между постами с небольшим составом людей и лошадей, отсутствіе часовых и лишь рѣдкіе патрули вдоль побережья, наконец, невидимость, неощутимость той самой черты, что называется границей, которую так легко перескочить и которую надо так напряженно охранять, будучи всегда, ежеминутно, готовым мчаться по первому тревожному выстрѣлу.

Бѣшеные порывы вѣтра содрогали пост, мелкій и частый дождь хлестал в окна и, точно глухіе пушечные выстрѣлы, бухали крутыя волны прибоя, разбиваясь о берег. Мои мысли, невольно стремившіяся в хаос ревѣвших волн, вѣтра и темноты и рисовавшія картину не особенно симпатичнаго, но возможнаго нахожденія среди этого хаоса в утлой ладьѣ, ка-

ковой была постовая шлюпка, были прерваны шагами вошедшаго солдата подавшаго телеграмму. Читаю и не знаю, вѣрить или нѣт:

— Поздравляю назначеніем высочайшій смотр; распоряженіе слѣдует. Подпись—адъютант.

Тысяча мыслей, сомнѣній, предположеній, догадок, планов, соображеній, вмѣстѣ с какой то яркой, неожиданной, сказал бы я волшебной и вмѣстѣ с тѣм реальной радостью, нахлынули на меня таким огромным валом, что тот хаос, о котором я только что думал, стал настолько ничтожным, что душа с радостью готова была навсегда погрузиться в нем за то счастье, которое принес этот вал.

Через 3 дня напряженнаго ожиданія пришло наконец и распоряженіе, а через три дня, сдав сосѣду отряд, я вмѣстѣ с ефрейтором и солдатом отбыл в штаб бригады, чтобы оттуда уже со всей выбранной командой отправиться в С.-Петербург.

Путь мой в столицу был не долог и, получив в штабѣ бригады документы и необхоъимыя распоряженія, я уже на другой день вечером вмѣстѣ с 7 ью отборными молодцами прибыл в штаб Петербургской бригады рядом с Павловским училищем на Ждановкѣ в распоряженіи командира этой бригады. Для прибывших нижних чинов были приготовлены казармы коннаго дивизіона нв Петровском островѣ, офицеры размѣщены в комнатах для пріѣзжающих при штабѣ.

В штабѣ я узнал, что вслѣдствіе каких то задержек распоряженіе о смотрѣ запоздало и потому будет сформирована на сей раз лишь полусотня в 32 ряда при 3 офицеров из частей I-го Петербургскаго и III-го Варшавскаго пограничных округов.

На другой день собралась вся полусотня, явился здоровенный бородатый старшій вахмистр и утром на третій день я с прибывщими в полусотню штабс-ротмистром 12 бригады Ходецким и поручиком 14 бригады Басовым отправился представляться начальнику штаба пограничнаго корпуса ген.-лейтенанту Кононову и командиру корпуса генералу от инфантеріи Пыха-

чеву. Когда мы являлись начальнику штабу, он улыбнувшись замѣтил:

— Что, господа, вас нарочно так подобрали?

До курьезности всѣ трое мы оказались похожими друг на друга как двѣ капли воды: одного выше-средняго роста, одинаково худощавы, одного сложенія. Суровый командир корпуса видимо внѣшностью нашей остался доволен; отпуская нас, сказал мнѣ:

— Вмѣняю вам в обязанность как командиру сотни представить ее Его Величеству выше отличной во всѣх отношеніях.

Началась лихорадочная подготовка сотни к смотру, до котораго оставалось пять недѣль. С утра до вечера поперемѣнно, то в казармах, то в манежѣ Петербургской бригады, шли усиленныя занятія. Молодой, бравый и чрезвычайно энергичный командир Петербургской бригады полковник Ушаков ежедневными повѣрками доводил свои требованія, казалось, до выше возможнаго. Впрочем мы сами, унтер-офицеры и всѣ рядовые понимали, что полусотня не может, даже не смѣет быть, хуже всѣх ранѣе представлявшихся; полнѣйшее вниманіе и стараніе проявлял весь состав и, когда через 2 недѣли я повел полусотню под оркестр Петербургской бригады в Михайловскій манеж на начавшіяся репетиціи смотра совмѣстно с Лейб-гвардіи Семеновским полком, я уже знал, что полусотня почти готова, что остается навести еще только лоск и что в грязь лицом она не ударит. И на первой же репетиціи она это и доказала.

Когда по общей командѣ — к ногѣ, — полусотня взяла шашки в ножны, то третій пріем погруженія шашки в ножны с отрывом руки на свое мѣсто был взят так отчетливо, так коротко, с таким одновременным, еле замѣтным щелчком дужки об устье ножен, что в полку долго потом еще щелкали шашки и отрывались в разброд руки.

Производившій репетицію командир Гвардейскаго корпуса генерал Данилов разсвирѣпѣл, мы стояли вольно, а в полку безпрерывно раздавалась команда

— к ногѣ. — Не раз во время репетицій полусотня наша, бывшая по фронту вдвое длиннѣе пѣхотных рот, выведенных на смотр в малорядном составѣ, отдыхала, стоя „вольно“ и наблюдала, как полк под зычные окрики корпуснаго командира исправлял тѣ или иные замѣченные им дефекты. Эти репетиціи проходили все лучше и за 5 дней до высочайшаго смотра прекратились.

Полусотня была уже одѣта в новое, сшитое по мѣркѣ для каждаго солдата обмундированіе и получила совершенно новую амуницію до послѣдняго ремешка и шпор включительно. За день до отправки в Царское Село полусотню осмотрѣл командир пограничнаго корпуса. Ему представилась образцовая часть: бравый вид, щегольское и красивое обмундированіе, выправка, отчетливость построеній, полная тишина и вниманіе во фронтѣ, широкій, плавный и твердый шаг в движеніи, не оставляли сомнѣній в том, что полусотня с честью поддержит репутацію пограничников и заслужит высочайшую похвалу и царское спасибо.

18-го ноября утром полусотня выступила с оркестром музыки на Царскосельскій вокзал и около 11 час. утра выгрузилась вмѣстѣ с Семеновским полком в Царском Селѣ и за полком потянулась по улицам царской резиденціи. Впереди мѣрно заколыхались помпоны киверов шагавших семеновцев; звеня шпорами отбивала сзади шаг полусотня, рѣзко выдѣляясь среди засыпаннаго снѣгом города яркими свѣтло-зелеными верхами папах.

Полусотню встрѣтил лейб-гусарскій унтер-офицер и провел в манеж 4-го эскадрона. Подошедшій вахмистр доложил мнѣ, что полусотня будет расположена и довольствоваться при 4-ом эскадронѣ и что за офицерами полусотни прибыла дворцовая линейка для отвоза в Екатерининскій дворец. Пока я отдавал своему вахмистру распоряженія, раздалась команда — смирно — и я увидѣл направлявшагося ко мнѣ лейб-гусар-

скаго полковника. Приняв мой рапорт и представленіе моих офицеров, полковник сказал:

— Не безпокойтесь, ротмистр, ваши люди будут устроены как можно лучше, сейчас их накормят, а потом будут отдыхать; вѣдь завтра и послѣзавтра с 10 до 12 утра у вас репетиціи. А теперь прошу вас, господа, со мной проѣхать в наше собраніе позавтракать.

Мы поблагодарили и начали извиняться, что не ожидали этого, одѣты несоотвѣтственно, что вещи неизвѣстно куда доставлены, что поручик одѣл шинель даже поверх тужурки.

Полковник и слушать не хотѣл и дворцовая линейка мигом подвезла нас к гусарскому собранію. Полковник распорядился, чтобы линейка прибыла за нами в 4 ч. дня и мы смущенно переступили порог собранія.

В раздѣвальной нас встрѣтил маленькій, смуглый дежурный офицер; это был сіамскій принц Чакрабон. Разоблачившись с помощью гусар в бѣлых рубахах и малиновых кушаках, мы вошли в столовую. Просто, душевно, как будто бы давно знакомых людей, встрѣтили нас собравшіеся там лейб-гусары и всѣ мы трое очутились в разных углах огромнѣйшаго закусочнаго стола, буквально заваленнаго самой разнообразной, до головокруженія аппетитной и заманчивой, горячей и холодной закуской и бутылками всевозможных калибров, цвѣтов и сортов. Я обратил вниманіе на обиліе пустующих, на сервированных в залѣ столов.

— А это для семеновцев, — отвѣтил мнѣ офицер; они не прійдут, какія то там недоразумѣнія, но на всякій случай все для пріема у нас готово.

Гусары нас так атаковали, что легко могло произойти уже не от закусок, а от рюмок, полнѣйшее головокруженіе; к счастью время прошло очень скоро и мы простились с гостепріимными хозяевами, так как за нами прибыли лошади. На сей раз это была уже не линейка, а коляска, запряженная парой прекрасных сѣрых лошадей; кучер с орлами вѣжливо заявил

нам, что зовут его Станислав и, если нам нужны будут лошади, то всегда он будет подавать нам коляску.

Со странным чувством вошли мы в Екатерининскій дворец; как то не вѣрилось, что мы будем здѣсь жить. По длинным корридорам лакей провел нас к номерной двери, открыл ее и сказал:

— Это ваша, господа, комната, а напротив маленькая назначена г. полковнику Ушакову;— затѣм он предупредил нас, что в 6 часов будет обѣд и оставил нас одних, указав то, что нам, как жильцам, надо было знать

Наши вещи мы нашли в комнатѣ. Комната была огромная, очень теплая и уютная; несмотря на 4 кровати с столиками, шкафы, умывальник и мягкую мебель вокруг круглаго стола, в ней было очень свободно. Мы распаковали и разложили свои вещи и принялись за туалет.

Вскорѣ постучал в дверь и вошел другой лакей; это был видный, благообразный старик с мягкими манерами и привѣтливым лицом; сдѣлав поклон, он заявил, что находится в нашем распоряженіи и что им будет исполнено все, что нам нужно, так как мы гости царя.

В его сопровожденіи прошли мы в столовую, куда собрались и семеновцы и гдѣ находился уже дворцовый комендант. Всѣ три дня до смотра мы обѣдали с ним во главѣ; обѣды проходили уютно, весело и непринужденно. Каждый вечер приходил наш старик и соблазнял нас всевозможными закусками к чаю и кофе. Мы были сыты и отговаривались. Он как будто обижался и говорил, что так — никак нельзя — и приходил с полными подносами всякой холодной ѣды, кофе, чаем, коньяком и винами. Волей неволей мы принимались хозяйничать и просиживали за разговором до поздней ночи вмѣстѣ с капельмейстером Семеновскаго полка также помѣщенным у нас в комнатѣ.

Накануне высочайшаго смотра вечером прибыл полковник Ушаков и сейчас же потребовал меня к себѣ.

— Вам предстоит поднести ея величеству букет от пограничнаго корпуса. Отправитесь для этого во дворец ея величества вмѣстѣ с командиром Семеновскаго полка, когда будет указано. Но раньше я должен вас научить как поднести цвѣты. Садитесь. Смотрите на меня. Я буду подходить к вам как будто на самом дѣлѣ.

Полковник продѣлывал всю процедуру с колѣнопреклоненiем, отходом и установленным этикетом, вручая мнѣ вмѣсто цвѣтов свою фуражку. Затѣм садился он и фуражку подносил я. Мнѣ кажется это длилось безконечно, пока наконец он удовлетворился и отпустил меня. Мои офицеры ждали меня. Мы наскоро выпили чаю и завалились пораньше спать. Вѣдь на другой день предстоял царскiй смотр.

И вот день этот настал.

В манежѣ лейб-гусар его величества все было готово для встрѣчи государя императора. Вдоль длиннаго фасада манежа вытянулась алая линiя лацканов лейб-гвардiи Семеновскаго полка в полной парадной формѣ; вдоль короткаго против входа в манеж, перпендикулярно к полку, зеленѣли ярким цвѣтом приклад-ного сукна уланскiе мундуры пограничников. Постепенно начало съѣзжаться начальство и лица приглашенныя на смотр.

Стою замерев перед полусотней и кажется, что время остановилось; чувствую каждый удар своего сердца; оглядываюсь на своих офицеров и солдат и не сомнѣваюсь, что и их сердца отбивают такт вмѣстѣ с моим. Отчетливо сознаю, что всѣ мы составляем один организм, одинаковый в стремленiи увидѣть своего царя, одинаковый в безпредѣльной своей жертвенности, одинаковый в желанiи быть достойным его взгляда. — И полное спокойствiе овладѣло мной, всѣ сомнѣнiя исчезли, я как то сразу всѣм существом своим почувствовал, что полусотня не может не быть и

будет великолѣпной; сердце забилось спокойно и ровно с увѣренною и бодрой улыбкой обвел фронт глазами и мнѣ отвѣтили веселые и бодрые взоры моих солдат.

Но вот у входа какое то движеніе, чей то голос громко крикнул: его величество соизволили прибыть. Точно электрическій ток пронизал воздух, все замерло и вмѣстѣ с громкой командой — смирно, — слушай на краул, — звуками музыки и грохотом барабанов, широко распахнулись двери манежа и вошел государь. Знамена склонились. Государь принял рапорт и подошел к правому флангу. Музыка смолкла. Государь остановился против 1 роты и поздоровался с ней. Дружный отвѣт на царское привѣтствіе, клики —ура— и величественные звуки народнаго гимна смѣшались в воздухѣ. Медленно шествуя вдол фронта и останавливаясь перед каждой ротой, государь здоровался и поздравлял с праздником. Все ближе и ближе подходит царь; вот он здоровается с 16 ротой и направляется к школѣ солдатских дѣтей; я становлюсь на правый фланг полусотни, напряженіе достигает предѣла. Теперь только не пропустить момент, когда государь поздоровается с полусотней; он здоровается негромко, а тут теперь весь полк кричит — ура — и заглушает звуки. Вот царь повернул и идет к полусотнѣ; подходя к ней берет под козырек. Салютую и иду за ним. Государь останавливается.

— Здорово пограничники — раздается ровный голос его. Дѣлаю чут замѣтный знак и как один человѣк. полусотня дружно отвѣтила.

— Здравія желаем, ваше императорское величество.

— Поздравляю вас корпусным праздником.

— Покорнѣйше благодарим, ваше императорское величество —, весело и молодецки крикнули солдаты и — ура — покатилось по фронту.

По окончаніи молебна дважды государь пропустил части церемоніальным маршем. Широким

твердым и рѣзким шагом, звеня шпорами, соблюдая удивительное равненіе, оба раза полусотня молодецки прошла мимо государя под эвуки пограничнаго марша, заслужив царское — спасибо — Смотр кончился. Государь, а вслѣд за сим лица бывшія на смотру отбыли. Распорядившись насчет отправки полусотни послѣ обѣда в Петербург, я с офицерами поспѣшил во дворец, гдѣ в 3 часа дня назначен был обѣд в высочайшем присутствіи.

Когда мы, приведя себя в порядок, вошли в зал, сервированный для обѣда, он был уже почти полон лицами приглашенными к обѣду. Ко мнѣ сейчас же подошел генерал-маіор Ушаков, в этот день произведенный в генералы, и предупредил, чтобы я был готов, когда дадут знать, отправиться с букетом. Но увы, это счастье не пришлось пережить. Через нѣсколько минут прибыл флигель-адъютант и передал сожалѣніе ея императорскаго величества государыни императрицы, что она, ввиду нездоровья, не может принят командиров представлявшихся государю частей. Флигел-адъютант принял букеты и отбыл для врученія государынѣ. Теперь только замѣтил я ту обстановку, в которой мы находились: огромный в два свѣта зал казался сплошь золотым: вся отдѣлка зала, карнизы, барельефы, рамы на огромных вдѣланных в стѣны зеркалах и картинах — все сверкало золотом и кажется, зал так и назывался „золотым".

Пол сплошь был покрыт огромным ковром. На одном концѣ зала стоял покоем большой стол, сервированный на 30—40 лиц с центральным мѣстом для его величества. На другом концѣ расположились два оркестра: придворный и Семеновскаго полка. В серединѣ зала были сервированы отдѣльные круглые столы на 12 персон каждый. Всѣ собравшіеся стояли вдоль прохода к дверям, откуда должен был войти император. Громко раздавшійся возглас:

— Его величество изволят слѣдовать — заставил всѣх встрепенуться; зал замер. В предшествіи гофмейстера, сопровождаемый особами императорской

фамиліи и лицами ближайшей свиты вошел государь император; отвѣчая на поклоны царь прошел вдоль зала к большому столу и, повернувшись лицом к собравшимся в залѣ, слегка наклонил голову. В тот же момент из боковых дверей попарно вошли ливрейные лакеи и стали обходить в залѣ гостей; в каждой парѣ один нес поднос с рюмками и графинами с разными напитками, а другой с самыми разнообразными, небольшими квадратными тартинками; всѣ закусывали стоя, образовав небольшія группы; распорядители ходили между группами и угощали именем государя, а государь, оперевшись рукой о стол, стоял совершенно один все время пока продолжалась закуска, наблюдая за залом. Минут через 10—15 распорядители стали указывать мѣста обѣдавшим.

Когда всѣ разошлись, государь сѣл и всѣ заняли свои мѣста согласно именных карточек положенных вмѣстѣ с меню и программой музыки у каждаго прибора. Мое мѣсто оказалось за царским столом, приборов на 10 вправо от его величества и напротив него. Как только государь сѣл, за его креслом стали два придворных, черных как вакса араба в живописных восточных костюмах, а против государя по другой сторонѣ стола точно изваянія неподвижно стали два пажа в черных бархатных камзолах, бѣлых чулках и черных шляпах с бѣлыми страусовыми перьями. Придворный оркестр заиграл и обѣд начался.

Я рѣшительно не помню, кто сидѣл рядом со мной; мнѣ казалось, что я вижу какой то сказочный, волшебный сон; я машинально ѣл, старался незамѣтно и как можно больше смотрѣть на государя, на всю свою жизнь запечатлѣть в себѣ его образ. Как в туманѣ смѣнялись блюда, убиралась и смѣнялась посуда и что то нѣжно играли, чередуясь, оркестры. Но вот разлито по бокалам шампанское. Государь поднялся и произнес здравицу за Семеновскій полк.

Марш полка и клики — ура — сопровождали высочайшій тост, Через небольшой промежуток импе-

ратор вновь поднялся и произнес: — Я пью за славу и процвѣтаніе доблестнаго пограничнаго корпуса, беззавѣтную службу и геройскіе подвиги котораго я вижу каждый день. — Громкое — ура — и звуки пограничнаго марша послѣдовали за милостивыми словами монарха.

Обѣд кончился тостом за драгоцѣнное здравіе государя императора и мощными звуками русскаго гимна. Государь удалился, а всѣ офицеры представлявшихся частей перешли в сосѣдній небольшой зал и построились полукругом в ожиданіи обхода их государем и его бесѣды. Мы трое оказались правѣе Семеновцев, а правѣе нас расположилась группа высшаго начальства представлявшихся частей. Вскорѣ вышел государь уже в сюртукѣ и погонах и начал обход офицеров с лѣваго фланга Семеновцев. Медленно подвигаясь и задавая разные вопросы, государь приближался к нам. Повернув голову влѣво и глядя на государя, я замѣтил, что выслушивая чей либо отвѣт, государь лишь мельком взглядывал на отвѣчавшаго и останавливал болѣе долгій взгляд на слѣдующем офицерѣ. Вот государь обратился с вопросом к поручику Басову, миновав послѣдняго Семеновца, и смотрит на его сосѣда штабс-ротмистра, у котораго от лѣваго эполета к правому протянут только что введенный двухрядный с кистями нагрудный серебряный шнур учебных команд.

— Это у вас отличіе учебных команд? — обратился государь к нему с вопросом.

„Так точно, ваше превосходительство“ неожиданно, конечно совершенно непроизвольно, сорвалось у бѣднаго штабс-ротмистра. Я бросил на него мгновенный взгляд и испугался. он был бѣлѣе бѣлаго, ни кровинки, казалось вот вот ухнется в обморок. Но государь ласково взглянул на него, чуть улыбнулся и снова спросил:

— За что у вас Станислав с мечами? —

— За Ляоян, ваше императорское величество, — промолвил штабс — ротмистр.

— Вот видите как хорошо, служите и дальше так — обласкал его государь и конечно о каких либо послѣдствіях не могло быть и рѣчи. Замѣтив вѣроятно на моих эполетах 2, государь обратился ко мнѣ:

— У вас на островѣ Рoггѣ был пост; почему его сняли? —

Поняв, что вопрос касается пребыванія их величеств лѣтом в Балтійском Порту я отвѣтил:

— Людьми поста была временно, во время пребыванія вашего императорскаго величества, усилена охрана берега, так как острова были под наблюденіем флота, ваше императорское величество.

— Да, и я так думал, — замѣтил государь и добавил: — в полусотнѣ люди ваши молодцы. — На мнѣ царскій смотр окончился. Государь, сдѣлав общій поклон, удалился. Опъяненные счастьем видѣть так близко государя императора, слышать его непосредственно обращенные вопросы и отвѣчать ему, мы направились в свою комнату, чтобы переодѣться, уложить свои вещи и отправиться на станцію для отъѣзда вмѣстѣ с полусотней в столицу.

Спускаясь по главной лѣстницѣ, я вдруг услыхал сзади себя громкій оклик:

„Командир пограничной сотни, остановитесь.“

Оглянувшись, увидал неизвѣстнаго мнѣ моложаваго генерал-лейтенанта с русыми подъусниками, сходившаго вниз с нѣсколькими офицерами. Подойдя ко мнѣ генерал сказал:

— Считаю своим долгом сказать вам, ротмистр, что впервые видя пограничников в строю, я остался в полнѣйшем восторгѣ; благодарю вас за глубокое наслажденіе доставленное мнѣ выправкой, стройностью и вообще всѣм видом молодецкой сотни. Совершенно увѣрен в высокой цѣнности пограничных частей.

Генерал крѣпко пожал мнѣ руку и пошел впереди, продолжая хвалить нас сопровождавшим его офицерам. Эта неожиданная лестная оцѣнка, сдѣланная посторонним генералом, была для всѣх нас в высокой степени пріятная; мы знали, что полусотня вы-

держала свой экзамен и со спокойной совѣстью может разъѣзжаться по своим бригадам.

Быстро покончив со своими дѣлами и сдав симпатичному нашему старику лакею по установленной пограниками традиціи сто рублей чаевых, мы в той же коляскѣ со Станиславом, на сей раз одѣтым в парадную ливрею, покатили на вокзал и в 10 час. вечера вмѣстѣ с полусотней прибыли домой и тотчас же почувствовали сильнѣйшее утомленіе, легли спать, чтобы отдохнуть перед предстоящим на другой день смотром в штабѣ корпуса.

К 12 ч. дня 22 ноября полусотня в полной парадной формѣ выстроилась в корридорѣ штаба пограничнаго корпуса на Васильевском островѣ у зданія Биржи для представленія шефу графу В. Н. Коковцову. Ровно в 12 ч. граф Коковцов прибыл в штаб корпуса и в сопровожденіи командира корпуса генерала от инфантеріи Похачева, начальника штаба корпуса генерал-лейтенанта Конова и командира 1-ой петербургской императора Александра III бригады генерала-маіора Ушакова прошел к полусотнѣ.

Приняв рапорт и поздоровавшись с полусотней, шеф поздравил с корпусным праздником, поблагодарил за блестящій высочайшій парад и приказал озаботитьтя посылкой людей в театры и показом им столицы, а офицерам распорядился выдать наградныя деньги. Послѣ смотра полусотня была отведена к праздничному обѣду, а в штабѣ был сервирован общій чай для всѣх офицеров и чинов штаба корпуса во главѣ с графом В. Н. Коковцовым.

Послѣ чая нам троим выдано было 300 руб. наградных и разрѣшен мѣсячный отпуск.

Прошло 2—3 дня. Мои офицеры уѣхали в отпуск, а я и нижніе чины стали разъѣзжаться по своим бригадам, с тѣм, чтобы разлучиться вѣроятно уже навсегда. Сердечно и трогательно было наше разставаніе и каждый из нас вмѣстѣ с чувством большой взаимной дружбы, возникшей на почвѣ пятинедѣльной общей ревностной работы, спаян был еще и общим

рѣдким и незабываемым счастьем представиться на смотру его величеству государю императору.

Царскій смотр кончился!

Бывшіе на смотру навсегда унесли с собой обаятельный облик державнаго хозяина земли русской. Забыть его нельзя! Только смерть может сгладить драгоцѣнныя черты лица его. Не забудут они никогда и тѣ переживанія, которыми наградила их судьба на царском смотру и 21 ноября в день корпуснаго праздника воспоминанія о нем неизбѣжно предстанут пред ними во всей своей красѣ и силѣ. Тѣ же, кто на смотру не был, зная милостивыя слова государя императора, поймут как высоко царь цѣнил тяжелую, строевую и боевую службу пограничнаго корпуса и гордые этим сознаніем беззавѣтно исполнят свой долг до конца за вѣру, царя и отечество.

На берегах Балтики.

Сильный юго-западный вѣтер развел в Моонзундском проливѣ большую волну, нагоняя ее из Рижскаго залива, а на меня мысли, как мнѣ удастся справляться с этой безпокойной стихіей и привыкну ли я к ней.

Я только что прибыл из сухопутной бригады, только что принял Вердерскій отряд одной из приморских бригад, объѣхал верхом свои четыре поста, растянутые на 50 верст вдоль побережья Рижскаго залива и теперь сидѣл в маленьком полисадникѣ своего поста и уныло глядѣл на ялик вытащенный на берег, на казенную шлюпку, безтолково прыгавшую на якорѣ, на два расположенных друг против друга маяка у входа в залив и на противоположный берег пролива в 8 верст шириной, гдѣ бѣлѣли на островѣ крохотные домики небольшой пристани Куйваст и виднѣлся пограничный пост островной бригады, на котором жил мой ближайшій сосѣд.

— Да, думал я, глядя на море, это брат не штука, что ты скакал по степям и лазил по горам, мѣсил болота и блуждал в лѣсах, ловил контрабанду и составлял протоколы, строил мосты и дороги и вычислял смѣты на постройки, разводил огороды и производил дознанія, был всесторонним хозяином и знал бухгалтерію, лѣчил людей, был пѣхотинцем и кавалеристом, а вот посмотрим каким ты будешь моряком, когда тебя заставят покататься в такую погодку — и я, невольно бросив взгляд на лежавшій на боку ялик, встал и пошел домой, размышляя на тему об универсальности пограничнаго офицера, готоваго, казалось, объять необъятное. Вѣроятно на свѣтѣ так уж устрое-

ено, а может быть лукавым примѣнено было спеціально к пограничной стражѣ, но только я замѣтил, что, если ты чего либо не хочешь, то это обязательно должно случиться, так и теперь, не успѣл я глотнуть стакан чаю, как вошел начальник поста и доложил.

— Ваше Высокоблагородіе, так что от острова Шильдау, не иначе как „Беркут" идет.

— Ну так что же, пускай себѣ идет,—отвѣтил я, полагая, что рѣчь идет о каком нибудь пароходѣ.

— Никак нѣт, ваше благородіе, ежели „Беркут", так не иначе командир бригады ѣдут, это не его дистанція.

Эге, сообразил я, начинается и, взяв бинокль, вышел на двор, гдѣ приближавшійся, но бывшій еще далеко корабль наблюдали дежурный у поста и вольнонаемный рулевой Тенис Роман в бушлатѣ и матросской фуражкѣ с золотым названіем отряда на лентѣ. Черный корабль с желтой трубой и бѣлыми надстройками быстро наростал в своих размѣрах и оказался крейсером нашей бригады „Беркут"; выйдя из острова Шильдау. он слегка взял курс влѣво и, подойдя версты на двѣ к берегу, с грохотом бросил якорь и тотчас на мачтѣ его взвились три разных флага.

— Командиру отряда прибыть на борт, — сказал унтер-офицер.

— Да ты почему это знаешь? — воззрился я на него.

Он быстро открыл код, т. е. бывшую в руках сигнальную книгу, я увидал три буквы, соотвѣтствующія флагам и прочел ту фразу, которую он сказал.

Не скажу, чтобы я с особым удовольствіем снаряжался в первое свое, такое неожиданное, плаваніе. Но дѣлать нечего! Надѣл я лядунку с перевязью, шашку, накинул так называемую непромокашку и приготовился вскочить на коня, виноват, т. е. в лодку, изобразить из себя что то в родѣ морского гусара. Нѣсколько солдат столкнули ялик, тотчас же вставшій на дыбы, два из них сѣли на весла. Тенис на руль, а я

на первую пред ним банку. Точно норовистая лошадь лодка продѣлала нѣсколько головокружительных скачков на гребнях прибоя, броском воды меня шлепнуло прямо по лицу, заставив попробовать соленую водичку и „тихо и плавно качаясь“ поплыли мы мимо каменистаго рифа на простор к стоявшему довольно далеко крейсеру. За рифом взмахи волн стали много энергичнѣе, заставляя меня подозрительно коситься и крѣпче держаться за борт и каждый раз, когда послѣ взлета вверх, лодка стремительно падала вниз, точно играя в жмурки и прячас от крейсера, мнѣ казалось, что душа моя осталась на верху, а тѣло погружается в воду для подводнаго плаванія. Однако каждый взмах приближал нас к крейсеру и скоро высокая черная масса, важно и глубоко кланяясь носом Рижскому заливу, выросла перед нами.

Я взглянул наверх и увидѣл нѣсколько человѣк, спускавших по лѣвому борту узенькую веревочную лѣстницу с деревянными планочками, по которой предстояло мнѣ карабкаться на палубу Веселенькое дѣло, черт побери, подумал я про предстоящія акробатическія упражненія и, ощутив в себѣ нѣкоторыя обезьяньи свойства, приготовился схватить лѣстницу, чтобы повиснуть на ней и не угодить в полной формѣ в воду, в крѣпкія объятія какой нибудь жадной русалки.

Между тѣм лодка взяла правильный курс и в один момент опустилась рядом с лѣстницей, я протянул руки и чуть не полетѣл кувырком прямо в воду: лѣстница предательски поднялась вверх и вправо, а мы как на салазках поѣхали вниз, причем я угодил мимо скамьи и сѣл прямо на дно, недоумѣнно глядя вверх на отошедшій корабль. Сдѣлав круг подошли второй раз опять даром: лѣстница оказалась над головой и я успѣл сдѣлать пальцами только какое то показательное движеніе. Мнѣ кричали сверху:

Не беритесь за нижнюю планку, а много выше и сразу ставьте ногу на планку, и, в третій раз, я таки ухватился за веревки, но нога моя провалилась между

звеньями и я сразу сѣл верхом на планку; в ту же секунду лодка моя исчезла и я повис над пучиной. Я перехватил руками повыше и, качаясь как маятник, подтянул ноги и стал на планку, а потом полѣз на верх и очутился лицом к лицу пред командиром бригады — генералом с морскими офицерами. Только открыл я рот, чтобы рапортовать, как командир мнѣ говорит:

—Снимите фуражку.—Признаться я совсѣм опѣшил, но снял.

—Одѣньте и теперь рапортуйте:

Исполнил.

— Когда входите на военный корабль, надо раньше снять головной убор, а потом распортовать. Шканцы святое мѣсто. А затѣм не надо одѣвать шпор, — разъяснил генерал. Поздоровавшись со мной и представив морякам, генерал сказал мнѣ: я вас нарочно вызвал, чтобы дать вам практику посадки на корабль в столь свѣжую погоду, а теперь мы сейчас съѣдем нв берег и я осмотрю ваш отряд. — Заработала лебедка, спустили моторный катер и уже не по веревочной, а настоящей лѣстницѣ с площадкой внизу генерал, командир отдѣла, врач и я сошли на катер и с попутной волной пошли к берегу.

Едва мы высадились, как вѣтер стал еще сильнѣе; катер немедленно отвалил обратно и „Беркут" ушел отстаиваться за остров Шильдау. Пройдя на пост командир приказал приготовиться для коннаго ученія и, пока шла сѣдловка и приводился в порядок плац, начал обходить помѣщенія поста, а оттуда направился к плацу, гдѣ были выстроены конные нижніе чины. Но как только он подошел к фронту, внезапно, в одно мгновеніе, разразился сильнѣйшій ураган, тучи песка и щебня понесло по плацу и засыпало глаза, чучела и станки повалило, лошади заволновались и никакой команды нельзя было разобрать. Ѣзду отмѣнили, вернулись на пост и командир приказал послать за двумя парами почтовых лошадей, чтобы объѣхать мои посты.

Мой пост, как и противоположный на другой сторонѣ Моонзунда, находились на почтовом трактѣ с переправой через проливы на пароходѣ — ледоколѣ „Генерал Суровцев," почему в обоих пунктах были почтовыя лошади с особыми, очень высокими, рессорными бричками. Когда прибыли обѣ брички, я по правилам сухопутных бригад собрался сопровождать верхом, но командир бригады сказал:

— Нѣт — с, загоняете свою лошадь, садитесь вмѣстѣ с доктором.

Мы разсѣлись и под звон колокольчиков бойкія эстонскія лошадки быстро покатили нас по шоссе. В одной верстѣ от поста нам надо было свернуть круто направо, на дорогу идущую к югу вдоль побережья, и преодолѣть одно естественное препятствіе, а именно переѣхать вброд через неширокій саженей в пять проток соединявшій небольшое болотистое озеро с вершиною глубоко врѣзающагося в этом мѣстѣ морского залива. При тихой погодѣ или береговом вѣтрѣ переѣзд этот не являлся препятствіем, видна была длинная каменная кладка для пѣшеходов и торчали всюду камни, по которым можно было оріентироваться, но при вѣтрѣ с моря нагоняется столько воды, что многіе признаки звтопляются, приходится вброд ѣхать почти 1 версту и, если один из извѣстных ямщикам камней покрыт водой, то тогда переѣзд становится небезопасным.

Между тѣм этим путем до моего перваго поста было 12 верст; второй путь в обход озера по отвратительной проселочной дорогѣ с колдобинами, камнями и поворотами увеличивал разстояніе на 8 верст, а третій кружный, но хорошій путь, по шоссе, составлял 32 версты. Когда мы подровнялись с первым поворотом, то увидали, что все было залито водой и только верхушки нѣкоторых камней, да гребешок пѣшеходной кладки торчали из под нея: вѣтер продолжал свирѣпо дуть с моря и по всему заливу мелькали зайчики разгулявшихся волн. Пришлось оставить мечту, переѣхав залив и проѣхав через виднѣвшійся

на том берегу лѣс, оказаться вблизи перваго поста и ямщики рѣшили ѣхать в обход озера.

Дальнѣйшій путь по постам особых затрудненій не представлял и к 6 ч. дня мы подъѣхали к крайнему моему посту Валайда, одиноко стоявшему на выдвинувшемся в море мысу, гдѣ предстояло отдохнуть и подкормить лошадей для безостановочной без заѣздов на посты обратной дороги.

Было 9 ч. вечера, когда мы тронулись с поста. Выбравшись шагом на расположенный в верстѣ от поста тракт лошади, чуя возврат домой, пошли бойкой рысью и, в наступающем мракѣ, слабо освѣщенном луной, быстро катились по гладкой дорогѣ при звонѣ почтовых колокольчиков обѣ брички, оставляя версты за собой. Около 12 ч. ночи ямщики вдруг остановились. Предстояло рѣшить вопрос: ѣхать ли напрямик через злополучный залив, до котораго оставалось 10 верст, а там до дому рукой подать или свернуть направо по кружному пути и ѣхать лишних 20 верст.

Я и доктор подошли к первой бричкѣ, гдѣ здоровеннѣйшій ямщик повернувшись к генералу, говорил, что вѣтер стал тише и что вода в заливѣ навѣрное пошла на убыль.

— А вы как думаете? — спросил меня генерал.

Что мог сказать я, еще совершенно незнакомый с мѣстными условіями?

Отвѣчаю: — я думаю, ваше превосходительство, что раз ямщик находит возможным прямо ѣхать, то вѣрно он это знает.

— Ну хорошо, попробуем, трогай прямо, — рѣшил генерал и брички наши покатились дальше. Между тѣм луна спряталась и, когда мы через час, миновав лѣс, подъѣхали к заливу, было совершенно темно. Брички снова остановились. Разобрать что либо впереди рѣшительно нельзя было; слышен был только плеск волн и свист вѣтра и только на другой сторонѣ, влѣво, заманчиво свѣтил огонек, вѣроятно на расположенной рядом с постом усадьбѣ. Оба

ямщика о чем то совѣщались по эстонски, командир нервничал.

— Ну что? Теперь пожалуй назад надо ѣхать, еще 20 верст прибавить, — ворчал он.

Мы молчали.

Рѣшеніе вынес командирскій ямщик: врач и я садимся к нему; вторая бричка болѣе низкая, поѣдет вперед порожняком, мы за нею.

— Все будет хорошо — добавил ямщик.

Пересѣли, врач третьим, рядом с генералом, а я забрался к ямщику на козлы. Проползла мимо первая бричка, послышалось хлюпанье воды и она исчезла; за нею тронулись мы.

Первая бричка в темнотѣ пропала безслѣдно и даже не было слышно ея колокольчика; вѣроятно мы отстали. Вот оно, по морю аки по сушѣ, думал я, с трудом различая впереди крупы наших лошадей. Первое глубокое мѣсто проѣхали благополучно, но колеса ушли цѣликом в воду и казалось вода вот вот зальет кузов. Потом стало мельче, но здѣсь было разсыпано очень много камней и, перевернись мы на одном из них, холодная ванна была обезпечена. Генерал ворчал и ругался, что ямщик хочет нас утопить, но он очень медленно и внимательно подвигался вперед, так как повернуть назад уже никак нельзя было. Все это ничего, думал я, а вот как мы переѣдем проток и гдѣ он, когда все покрыто водой... но в этот момент ямщик встал на ноги, крикнул нам:

— Подымайте ноги вверх —и изо всей силы хлестнул лошадей. Лошади рванулись и мы бухнули в воду! Одну секунду показалось — крышка, мы поплыли: крупы лошадей исчезли в водѣ, она хлынула в бричку и я почувствовал, что ноги мои в водѣ. Но в слѣдующую секунду новый рывок лошадей и кузов брички сразу вынырнул из воды; непріятность осталась за спиной и по мелкой уже водѣ мы скоро выѣхали на другой берег, гдѣ нас ожидала первая брич-

ка. Промокшіе, оставшуюся версту промчались в один миг. Командир ругательски ругал предательскій залив и ворчал на меня, что во всем виноват я, нарочно устроив холодную ванну.

Однако, когда пріѣхали, обсушились и усѣлись за горячим самоваром и ужином, с которыми ожидала нас моя жена, он быстро отошел и согласился со мной, что пріятнѣе быть уже дома, чѣм колесить еще 20 лишних верст. Все таки, замѣтил он смѣясь, больше я в такую погоду через этот залив не поѣду и приказал дать ямщикам три рубля „за спасеніе от утопленія".

К утру шторм совсѣм прекратился и командир на „Беркутѣ" покинул отряд.

Понемногу все таки я стал привыкать к морю, а впослѣдствіи и сильно к нему привязался, так как много очарованія и прелести таит оно в себѣ, но всегда смотрѣл я на него, как на капризную красавицу, могущую в любой момент показать свой измѣнчивый нрав, разстроить всѣ планы, нѣгу и ласку замѣнить гнѣвом и ужасом.

Однажды выѣхал я в Гапсаль на прекрасном палубном парусном ботѣ „Мира", только недавно назначенном на мой пост; другой такой же бот „Ирис" был назначен сосѣднему офицеру. Сдѣлав в Гапсалѣ необходимыя покупки, я должен был спѣшить домой, так как должны были быть гости, и увѣрен был, что через 3—4 часа буду уже на мѣстѣ, принимая во вниманіе ровный, наиболѣе благопріятный нам вѣтер.

В два часа мы прошли пол пути как вдруг сразу наступило полное безвѣтріе, грот-парус заполоскал и повис, кливера обмякли и бот безпомощно остановился. Сначала мы сидѣли и терпѣливо ожидали, авось вѣтер снова задует, потом рулевой Тенис стал насвистывать, увѣряя, что вѣтер на свист отзовется, потом стали мокрым пальцем нащупывать свѣжесть, как признак перемѣны, но все было тщетно и в концѣ концов достали два огромных весла и пошли чере-

пашьим шагом, прибыв домов вмѣсто 5 — 6 дня, как разсчитывали, только в 2 ч. ночи.

„Ирис" был еще несчастливѣе; через мѣсяц послѣ назначенія он погиб, как раз когда я, вслѣдствіе отъѣзда в отпуск сосѣда — офицера, временно командовал его отрядом. В этом отрядѣ два поста офицерскій и вахмистерскій были расположены в 7 верстах один от другого на противоположных берегах Матцальскаго залива верст на 30 врѣзающагося в материк.

Как то утром старшій вахмистр ушел на „Ирисѣ" со своего поста на офицерскій вмѣстѣ с одним солдатом и старым опытным рулевым, чуть не 50 лѣт безсмѣнно служившим в этом отрядѣ и знавшим не только идеально всѣ слабыя мѣста побережья, но пожалуй и каждую песчанку на днѣ моря.

Поставив бот на якорь всѣ они сошли на берег. Часа через три, окончив свои дѣла и положив отрядную книгу и сдѣланную хозяйственную отчетность в кожаную сумку, вахмистр приказал рулевому и солдату идти на бот и приготовиться к отъѣзду, а сам еще задержался на посту.

День был солнечный, дул ровный сѣверный вѣтер и лишь бѣлыя облака кое гдѣ плыли по небу. Минут через 15 подошел к берегу и вахмистр и на постовом яликѣ пошел на бот, гдѣ рулевой с солдатом подняли уже паруса и приготовились к подъему якоря. Ялик ушел обратно к берегу, а солдат на ботѣ начал выбирать якорь. В этот момент во мгновеніе ока разразился страшнѣйшій шквал, грохот — парус и один кливер моментально спустили и бот бѣшено помчался на другом кливерѣ через залив.

Все море покрылось бѣлыми гребнями волн, среди которых, ныряя, стремительно несся бот, не слушая руля, несмотря на всѣ усилія рулевого направить бот к мѣсту обычной стоянки за мыс у поста. Отчаявшись в этом, рулевой направил тогда бот на другую сторону мыса и в верстѣ от берега бот на полном ходу среди хаоса волн и брызг налетѣл на

подводный камень, перескочил через него и, распоров бок и погружаясь в воду, помчался дальше, но вскорѣ снова налетѣл на камень и остановился, уйдя по палубу в воду, через который стали перекатываться огромные валы.

Время было осеннее, холодное, смеркалось, до берега было болѣе полуверсты и положеніе потерпѣвших было отчаянное, тѣм болѣе что пост был скрыт за мысом и в этих мѣстах берег был безлюдный.

Вахмистр не знал, что с поста замѣтили несчастье и что там дѣлались отчаянныя попытки выйти к ним на помощь, но каждый раз большая рыбачья лодка, несмотря на 12 весел и всѣ усилія солдат и рыбаков, выбрасывалась прибоем обратно на берег. Тѣм временем на ботѣ солдат нырнул в носовую, залитую водой каюту и достал винтовку. Стали стрѣлять, но помощь не приходила. Тогда вахмистр привязал сумку с отчетностью к мачтѣ, приказал рулевому и солдату также привязаться к ней и, сказав что, если сам не погибнет, то спасет их, раздѣлся, перекрестился и кинулся в воду.

Как он добрался до берега он не помнит, так как выброшенный волнами, он в темнотѣ с трудом добрался до поста и около дежурнаго солдата, синій и окоченѣвшій, в безпамятствѣ упал на землю, успѣв крикнуть „спасайте на ботѣ.“ Несмотря на растиранія спиртом и разныя мѣры, он заболѣл тифом и два мѣсяца был между жизнью и смертью.

Только к утру удалось снять с бота совершенно окоченѣвших рулевого и солдата, насквозь мокрых от низвергавшихся на палубу волн; их отогрѣли, напоили коньяком и они отдѣлались лишь легкой простудой. Бот же погиб безвозвратно, так как весь лѣвый бок оказался вырванным и подымать его и чинить не было смысла. И в первом и во втором случаѣ рѣшительно не было никаких данных ожидать такую рѣзкую перемѣну. Не так ли и женщина дарит неожиданные

сюрпризы, когда, казалось бы, данных для этого никаких нѣт.

Скучно было, что нѣт контрабанды; не ощущался реально тот противник, с которым надо было бороться. Очень рѣдко кое гдѣ вылавлинались из моря утопленные на якорях боченки со спиртом, или дѣлались в прибрежных деревнях поиски. Но не всюду морская контрабанда рискнет проникнуть и для сего нужны подходящія, очень разнообразныя условія. Таким образом роль постов главным образом сводилась к наблюденію.

Чаще приходилось принимать участіе при разнаго рода корабельных аваріях и береговых несчастіях, причем в нѣкоторых болѣе серьезных случаях телеграфировать спасательному обществу, которое немедленно высылало свои специальные пароходы для оказанія помощи, разумѣется таксируя ее в зависимости от обстановки весьма крупными суммами; за извѣщенія общество по уставу тоже вознаграждало; не извѣстить не позволяла сама служба, так как это было бы преступленіем, а с другой стороны получались и конфузныя недоразумѣнія.

Однажды на виду поста, в пунктѣ гдѣ была мель, остановился какой то пароход. Стоял час, другой, третій; наконец это показалось подозрительным и я послал телеграмму в общество; еще простоял он чуть ли не 4 часа, всѣ мы уже не сомнѣвались что он припечатался и... вдруг задымил и слѣд простыл. Ну, думаю, скандал, спаситель то навѣрное прійдет: Дѣйствительно через нѣкоторое время показался на горизонтѣ дым, а затѣм выплыл и спасительный пароход. Покрутился он, конечно, ничего не нашел и лупит ко мнѣ.

— Гдѣ же ваш купец? — кричит съѣхавшій на берег капитан.

Отвѣчаю, разводя руками, что вот был, да ушел.

— Черт бы его побрал, сколько я угля и времени из за него потерял — возопил капитан и отвалил во свояси.

На другой день получаю от общества перевод на сто рублей и, разумѣется, отправляю обратно. Но деньги возвращаются опять ко мнѣ. Тогда пишу им подробную бумагу и снова возвращаю деньги и что же? получаю деньги опять назад и отвѣт, что общество благодарит за извѣщеніе, просит неизмѣнно извѣщать и в будущем и обратить сто рублей по принадлежности, выдав посту за его наблюденіе. Тогда я понял, что эти сотни пустяки в сравненіи с тѣми тысячами, которыя общество получает в случаѣ оказанія им помощи, примѣром чего может быть слѣдующій эпизод.

Как то у сѣверной оконечности острова Даго, в совершенно тихую погоду, ухитрился застрять на мели грузовик англичанин. Вѣроятно по аналогичному вызову прибыл спасательный пароход, познакомился с грузом, обстановкой и заломил за снятіе с мели бѣшеную сумму, чуть ли не 25 тысяч рублей.

Капитан купца взвыл волком, уговаривал, упрашивал, плакался, что лишится мѣста, предлагал кажется десять тысяч, но спаситель был неумолим; стал невдалекѣ на якорь и ждет!

Случайно проходившій вдали пограничный крейсер замѣтил оба парохода и направился к ним. — Подойдя к ним и узнав в чем дѣло, крейсер завел стальные тросы и сдѣлал попытку сдвинуть купца, но тросы лопнули. Увѣренный, что болѣе слабому и неприспособленному пограничнику с задачей не справиться, капитан спасителя стал хохотать и издѣваться над его усиліями и неоднократными попытками.

Тогда командир крейсера примѣнил какой то особый трюк и купец был сдвинут с мѣста, сошел с мели и под конвоем крейсера пошел в порт. Капитан спасителя, увидав, что дѣло его сорвалось, разразился руганью и, взбѣшенный, пошел ни с чѣм. В порту капитан купца явился к командиру бригады благодарить за помощь и привез деньги, но бригадный от денег отказался и предоставил капитану дать по своему усмотрѣнію командѣ крейсера за труды.

Взволнованный и радостный капитан насилу уговорил принять кажется двѣ тысячи, которыя приказом были распредѣлены между всей командой крейсера, а часть отчислена была в экономическія суммы.

Были отряды, гдѣ аваріи случались особенно часто и одним из таких отрядов командовал ротмистр Энквист, выбранный к тому же за свою неустрашимость кромѣ того атаманом спасательной станціи, находившейся около его поста. Он кажется дѣйствительно ничего не боялся и, когда наконец отряд начали снабжать вмѣсто зависѣвших от вѣтра открытых шлюпок моторными катерами, правда великолѣпными, палубными, с хорошей каютой и всякими удобствами, он на своем 40-сильном катерѣ ходил в море в любое время и в такія погоды, когда большіе пароходы предпочитали отстаиваться в порту. Его неустрашимость увы не всегда кончалась благополучно,

Так однажды, слѣдуя в парусной шлюпкѣ с поста на пост вмѣстѣ с командиром 2 отдѣла и младшим врачем Кліоттом и правя рулем, он вмѣсто того, чтобы идти мористѣе, вздумал проскочить между очень опасными рифами, наскочил на камень, перевернулся и командир отдѣла с доктором погибли. Энквист объяснил невозможность идти мористѣе каким то крупным дефектом шлюпки.

В другой раз вздумал он испытать новую, неутопающую спасительную лодку, присланную на станцію. А вот мы посмотрим, как она не утопает, заявил Энквист и, когда на морѣ разразился страшнѣйшій осенній шторм, явился с вахмистром и двумя солдатами на спасательную станцію и, сѣв с ними в лодку, по рельсам скатился в бушевавшую стихію и поднял парус. С берегов наблюдали и видѣли, как он взял курс в открытое море и как потом лодка перевернулась,

Ухитрившись срубить мачту, всѣ они начали носиться по морю, держась за веревочные отводы и переворачиваясь вмѣстѣ с лодкой, то килем, то банками вверх. На бѣду шторм был от берега и уносило все дальше. Солдаты стали изнемогать и то один, то дру-

гой отрывались. Энквист десятки раз нырял за ними и заставлял держаться за веревки, но один оборвался еще раз и исчез навсегда в волнах. В это время вѣтер круто повернулся и Энквист замѣтил, что лодку начало наискосок гнать к берегу.

Он стал подбодрять державшихся, как вдруг огромный вал поставил лодку дыбом, сбил всѣх троих с веревок и всѣ оказались оторванными в разных мѣстах. Энквист бросился к вахмистру, схватил его и успѣл доставить к лодкѣ, но спасти солдата не мог и тот на глазах пошел ко дну, крикнув:

— Прощайте ваше высокоблагородіе.

Долго еще гнало лодку к берегу и выбросило в 5 верстах от поста. И он, и вахмистр были без чувств и заболѣли.

Дознаніе подтвердило геройскія усилія Энквиста спасти солдат, все же ему сдѣлан был строжайшій выговор, а лодка была признана негодной. Энквист был не только безстрашным моряком, но и таким же кавалеристом и в 1905 году, в Ревелѣ, как мнѣ говорили, только потому безпорядки не приняли больших размѣров, что он, командуя вызванной туда конной пограничной сотней, был вездѣ в один миг, разгоняя толпы и нагоняя своей рѣшительностью панику! Несомнѣнно и моряку, кавалеристу свойственна лихость; не потому ли между ними всегда была взаимная симпатія?

Мнѣ не долго пришлось командовать Вердерским отрядом и очень скоро простился я со своими предательскими заливами, хотя и привык к ним и никогда не ѣздил в объѣзд, а жарил напрямик.

Послѣ царскаго смотра в день корпуснаго праздника в 1910 году, на котором я имѣл великое счастье командовать пограничной сотней, освободился самый правофланговый Лагинскій отряд, примыкавшій к 1-ой С.-Петербургской императора Александра III бригадѣ и я был переведен в этот отряд.

В каждой бригадѣ есть отряды хорошіе, средніе и плохіе и среди них бывали такіе, которые являлись

сущим наказаніем по безлюдности, условіям жизни, оторванности от міра сего и по плохим путям сообщенія, куда обычно попадали новые офицеры и такіе, которые почему либо предпочитали глушь, в родѣ одного холостого ротмистра, ни за что не хотѣвшаго разстаться со своим, находившимся у черта на куличках, отрядом только потому, что он был страстным охотником, а отряд изобиловал дичью; кстати отмѣчу, что пограничные офицеры вообще почти поголовно были охотниками. Среди же хороших отрядов были и исключительно, как напримѣр Ливадійскій 24-ой крымской его величества бригады, охранявшій царскую резиденцію, Суворовскій в С.-Петербургѣ, Ревельскій, Рижскій и другіе и к этим отрядам относился и принятый мной Лагинскій, всѣ три поста котораго, соединенные друг с другом прекрасным шоссе, были расположены по взморью вдоль Нарвской бухты от Гунгербурга до живописнѣйшей дачной мѣстности Тойла, в которой был роскошный дворец, с собственной очень красивой церковью, манежом, огромной оранжереей и разными причудами петербургскаго Елисѣева.

Дачныя мѣста Шмецке, Меррекюль, Удріас, Монплезир, Канука, Силламяги с обиліем великолѣпных вилл тянулись безпрерывной линіей вдоль красиваго берега с чудным пляжем, который знатоки находили одним из лучших в Европѣ и много лучше Остенде. Всѣ посты кромѣ того лежали вблизи Балтійской жел. дороги, почему командир отряда снабжался годовым билетом I класса от Ревеля до С.-Петербурга и мог, проѣхав в одну сторону отряда по берегу, вернуться обратно по жел. дорогѣ через станцію Іевве, до которой лѣтом от столицы ходило много дачных поѣздов.

Офицерскій пост Лагино находился в Монплезирѣ, но отряд было бы черезчур фривольно называть Монплезирским и он назван был Лагинским. Прекрасный пост, отдѣльный офицерскій дом, вѣрнѣе зимняя вилла в 7 комнат, конюшни, баня, всякія службы, парк, сад, огороды, телефонная связь, станція Корф в 2½ верстах,

город Нарва в 20, чудный лѣс и всѣ жизненныя удобства были так хороши, что иногда становилось стыдно, вспоминая тѣ Богом забытые отряды, в которых сам сидѣл годами, выполняя свой суровый и безпокойный стаж. Но в таком отрядѣ тоже надо было всегда быть на чеку, всегда все должно было быть в блестящем видѣ и посты надо было держать в крѣпких руках ввиду царившаго кругом соблазна. Но надо сказать, что люди были великолѣпны и большая награда себѣ ощущалась, видя как в теченіи всей службы они свою преданность и любовь проявляли на каждом шагу совмѣстной с ними жизни. В этом отрядѣ мнѣ удалось скомбинировать и примѣнить прибор, дѣлавшій чрезвычайно простым и понятным усвоеніе людьми теоріи стрѣльбы.

Прибор обратил на себя вниманіе и начал получать распространеніе, а я попал в кандидаты для направленія на Тульскій оружейный завод для подготовки к должности штаб офицера осматривающаго оружіе в частях пограничнаго корпуса. Но был уже 14 г., вспыхнула война и командировка лопнула.

С началом войны перестали мы быть отрядами и стали участками берегового наблюденія, входившими в двѣ образованных из бригады сотни, подчиненныя начальнику связи Балтійскаго моря. Я переѣхал по плану мобилизаціи на другой наблюдательный пост, получили мы разныя инструкціи, особые сигнальные, на весьма далекое разстояніе днем и ночью, фонари с газогенераторами и началась новая служба наблюденія и связи.

Ровно через год из бригады был сформирован 6-сотенный 2-й пограничный конный полк и сотни получили различное назначеніе в дѣйствующей арміи, разойдясь в разныя стороны. Но предварительно на постах шла интенсивная подготовка людей и лошадей, в большом количествѣ прибывших на пополненіе и вот в этот період происходили нѣкоторые эпизоды вслѣдствіе спѣшности и подготовки и незнакомства людей с нѣкоторыми деталями службы наблюденія, ко-

торая должна была идти своим чередом. Так между прочим о всѣх прибываемых к берегу минах надо было доносить на предмет прибытія морских спеціалистов. На одном посту прибило какой то металлическій без рогов шар; рѣшили что это не мина, а так что то вродѣ желѣзнаго мяча и покатили его на пост, а там помѣстили у открытаго манежа и дежурные у поста облюбовали его в качествѣ своего сидѣнія в минуты отдыха.

Однажды унтер-офицер вывел смѣну на ѣду, приказав двум пѣшим солдатам приготовиться для установки барьеров и разных станков. Пока смѣна обучалась ѣздѣ, один из ожидавших своей роли солдат сѣл на шар и начал по нему чѣм то поколачивать. Вдруг раздался страшный взрыв. Сидѣвшаго разнесло на клочки, другого изранило, а взбѣсившіяся лошади, раскидав обалдѣвших всадников, разбѣжались по лѣсам и много трудов стоило их собрать. А в другой раз один офицер, большой рыболов, разрядил сам мину, вынул начинку и начал в рѣкѣ глушить рыбу, а наглушив ее, выбрал нѣсколько отмѣнных лососей, завернул еще хорошую порцію начинки в пакет и повез сюрприз командиру сотни, большому любителю рыбы.

— Вот, г. полковник, я привез вам рыбку, — сказал он внося пакеты в канцелярію, — а это динамитик, им прекрасно глушить рыбу.

— Какой динамитик? — опѣшил командир сотни.

— Убирайтесь вон с вашей рыбой и динамитиком; вы взорвете мнѣ всю канцелярію, — вскочил с мѣста полковник, — сію минуту утопить в рѣкѣ — крикнул он вслѣд и долго не мог успокоиться, бѣгая по комнатѣ.

Нечего и говорить, что послѣдовали грозные разносы с кабинетами отдохновенія, отбившіе у всѣх охоту вылавливать гостинцы, выбрасываемые морем.

С уходом сотни кончилась и моя служба на границѣ, яркая, разнообразная, живая; дающая бодрость

и здоровье душѣ и тѣлу, поучающая любить міръ Божій и людей.

Гдѣ вы, еще живые, соратники службы моей на рубежах великой Россіи? Вам шлю я земной привѣт и ту неизбывную привязанность, которую вырвать может только могила, а всѣм умершим, погибшим и убитым благовѣйно говорю „вѣчная память".

Нѣмцы у нас.

Как то осенью в началѣ девятисотых годов, еще до Японской войны, каждый день зв границей слышна была канонада: шли большіе маневры в окрестностях Силезскаго городка Кемпен, расположеннаго в 15 верстах от границы, в присутствіи самого императора. Мы, конечно, были своевременно предупреждены о предстоявших в такой близости маневрах и чрезвычайно ими интересовались, но, увы, наблюдать их никому из нас не пришлось и, наоборот, надо было быть на чеку, ввиду всегда возможнаго, неожиданнаго какого либо пограничнаго инцидента в связи со скопленіем больших масс войск в таком непосредственном сосѣдствѣ.

Приходилось поэтому питаться разнаго рода слухами и разсказами и в этом отношеніи я находился в особо благопріятных условіях, так как я квартировал в довольно большом, тысячи в три жителей, сплошь еврейском посадѣ, в котором находилась первоклассная таможня, было десятка два лавок и жил мой командир отдѣла и который отдѣлялся мостом через небольшую пограничную рѣчку от нѣмецкаго поселка Вильгельмсбрюке, тоже с таможней, нѣсколькими бирлокалями и конечной станціей желѣзнодорожной вѣтки, шедшей через Кемпен в г. Бреславль.

А разсказы шли про маневры самыя диковинные. Говорили, что гдѣ то совсѣм близко, нѣмцы купили старую каменную мельницу и будут фактически разстрѣливать ее не холостыми, а боевыми снарядами; и что снаряды могут залетѣть в гости и к нам; и что кайзер неожиданно телеграммой вызвал из Майнца какую то чудовищную крѣпостную батарею и что она

ровно через 24 часа прибыла уже на мѣсто, чѣм кайзер остался очень доволен и мало ли что еще не говорили, переплетая вымысел с правдой. А между тѣм маневры шли и нѣмцы в часы досуга устремлялись к границѣ, причем солдаты толпами глазѣли через рѣчку, как на какую то заморскую диковинку, на нашего часового, а офицеры, оставляя на таможнѣ свое оружiе, отправлялись в посад, гдѣ скупали всѣ русскiе конфеты и папиросы, а затѣм являлись на пост, чтобы представиться мнѣ, обмѣняться нѣсколькими словами любезности и уйти обратно. Эти визиты были так часты, что постоянно отрывали от дѣла и пришлось сказать начальнику поста докладывать о моем отсутствiи, что тот успѣшно и выполнял отрицательным поворотом головы. Однажды впрочем я пожалѣл, что дѣйствительно не был дома, а находился в разъѣздѣ.

К таможнѣ подошел генерал и, увидѣв перед нею нѣскольких досмотрщиков, на чистѣйшем русском языкѣ поздоровался „здравствуйте, братцы", а потом добавил: „доложите управлящему, что я очень хочу его видѣть".

На генералѣ были русскiе, боевые ордена и тѣ бросились к управляющему. Когда статскiй совѣтник К. С. Федоров пригласил генерала к себѣ, послѣднiй, представившись, попросил дать ему досмотрщика проводить его к пограничным русским офицерам, как его сотоварищам по русскому оружiю. На сей раз удивленному моему унтеръ-офицеру не пришлось кивать головой, но ни меня, ни командира отдѣла подполковника Маврина, дома не было.

Генерал очень сожалѣл, оставил визитныя карточки, дал насильно золотую монету унтер-офицеру на память и отбыл за границу. Это был граф Пфейль, командир гренадерскаго полка в Бреславлѣ, в молодых чинах продѣлавшiй Турецкую войну с Преображенским полком, но затѣм обидившiйся на обойденное свое производство и уѣхавшiй обратно в Германiю.

Но вот наступил день, когда германскія пушки подняли сплошной, долго непрекращавшійся рев и среди него отчетливо бухали вѣроятно крѣпостныя орудія, сотрясая стекла в посадѣ и пугая евреев, из которых один даже обратился ко мнѣ: „ваше высокоблагородіе и пачему это пажваляют нѣмцам так штрилять: мозит вже патом настоящаво война будит?“ Затѣм канонада замолкла и наступила тишина; маневры окончились, войскам дан был отдых и офицеры повалили снова в посад покупать привезенныя со всѣх сторон конфеты и папиросы, а я опять притаился у себя дома, предоставив унтер офицеру бесѣду с ними.

Утром на другой послѣ канонады день я увидал из окна своей квартиры, бывшей в отдѣльном особнякѣ против зданія поста, как на обширный постовой двор вошли два германских офицера и объясняются при помощи переводчика с начальником поста, который затѣм прибѣжал ко мнѣ и доложил, что два офицера непремѣнно желают меня видѣть. Пришлось надѣть шашку и выйти. Офицеры направились ко мнѣ навстрѣчу.

Один из них оказался чрезвычайно симпатичным маіором, а другой в фуражкѣ с синим околышем, врачем; они сообщили мнѣ, что присланы командиром полка, расположеннаго в крѣпости Грац, узнать, может ли он в сопровожденіи 17 офицеров прибыть на слѣдующій день в 12 часов, чтобы посмотрѣть пост и познакомиться с бытом русских солдат. Далекіе от всякой политики мы, пограничники, были с нѣмцами в самых предупредительных и дружеских друг к другу отношеніях, но на сей раз, ввиду оффиціальности посѣщенія, я попросил делегатов немного обождать и отправился доложить эту просьбу командиру отдѣла.

Подполковник Маврин поручил мнѣ передать офицерам, что он очень рад удовлдтворить желаніе командира полка, послѣ чего вернуться мнѣ к нему и обсудить порядок встрѣчи нѣмцев. — Рѣшено было

13

немедленно вызвать всѣх офицеров отдѣла и рѣшить этот вопрос сообща. Во всѣ стороны поскакали солдаты и через три часа всѣ шесть офицеров и младшій врач, всѣми любимый лихой товарищ и прекрасный доктор Е. Генц, были в сборѣ.

Послѣ короткаго обсужденія план был готов: большая росписная комната на моем посту, украшенная русскими и германскими флагами, превращается в столовую; всѣ офицеры сейчас же ѣдут по домам и каждый заготовляет дома квкое либо угощеніе, которое утром должно быть привезено им ко мнѣ; от отдѣла для встрѣчи на постовом дворѣ выстраивается в конном строю при трубачѣ полусотня под командою ротмистра Бусыгина; во время завтрака в палисадникѣ поет хор с пѣсельным инструментом; всѣ офицеры с подполковником Мавриным во главѣ в разъѣздной формѣ: мундир, лядунка, шашка и револьвер, при орденах, ожидают гостей на постовом крыльцѣ, а я, как командир отряда, да еще маракующій по нѣмецки, встрѣчаю их около постового гриба и служу переводчиком при взаимном представленіи.

Рано утром на другой день постепенно стали съѣзжаться офицеры и разгружать приготовленную за ночь дома провизію. Наши дамы выполнили свою задачу болѣе чѣм блестяще и в таком чисто русском масштабѣ, что можно было думать нам предстоит угостить не два десятка офицеров, а накормить цѣлую сотню голодающих факиров. Чего только не было навезено! Всевозможныя кулебяки и пирожки, паштеты и форшмаки, соленья, моченья, и варенья, разная жареная птица и поросята и такія диковинныя закуски, какія могло создать только высшее вдохновеніе и кулинарное искусство.

Под руководстовм моей жены и нѣкоторых пріѣхавших дам и при общем нашем содѣйствіи аппетитно и изящно были сервированы в росписной комнатѣ два длинных стола и среди голово-кружительнаго разнообразія разставленных блюд чернѣли четыре полуфунтовых банки паюсной икры, того самаго астрахан-

скаго кавіара, от одного вида котораго у иностранцев начинают пробѣгать мурашки и течь слюнки. Разных фасонов и цвѣтов бутылки и графины дополнили убранство столов и, когда около 11 часов пришел подполковник Маврин, все уже было готово и дѣйствительно было устроено великолѣпно, вызвав его замѣчаніе, что за такими столами не мудрено сложить и свои кости.

Время бѣжало, было уже $11^{1/2}$, дамы удалились в мою квартиру, чтобы хоть издали посмотрѣть на сцену встрѣчи, во дворѣ выстроилась спѣшенная полусотня, а мы группой в ожиданіи стояли у крыльца. День удался прекрасный, солнечный и теплый и за забором, по другой сторонѣ улицы, толпилась мѣстная публика, собравшаяся поглазѣть на рѣдкое событіе. Так как пост стоял в концѣ посада, то по улицѣ были поставлены махальные. Но вот раздался громкій возглас дежурнаго у поста „ѣдут".

Маврин со своим иконостасом орденов на груди, буквально от плеча к плечу, поднялся на крыльцо и стал впереди офицеров, полусотня сѣла на коней, а я выскочил на улицу и увидѣл приближающуюся мелкой трусцой извозчичью парную коляску, в которой сидит всего один пожилой с сѣдыми усами нѣмецкій офицер. А гдѣ же остальные? мелькнуло у меня в головѣ, но было уже поздно разсуждать, так как коляска остановилась у поста. Маврин и офицеры, скрытые за постом, не могли видѣть, ѣдет ли кто либо еще сзади или нѣт; он только увидал слѣзающаго с коляски офицера и дал Бусыгину знак.

Раздалась свирѣпая команда:

— Шашки вон, равненіе налѣво, — а я, взяв под козырек, представился и прошу его пожаловать. Смотрю, офицер в полном замѣшательствѣ, держит тоже под козырек, а рука дрожит. Прошу его идти — не хочет. Наконец он смущенно спрашивает, в чем дѣло? Узнав от меня суть, он еще болѣе заволновался и говорит, что он ровно не причем, что он взял извозчика просто прокатиться и что очень просит от-

пустить его, так как ему неудобно мѣшать пріѣзду командира другого полка. Передаю все это подполковнику Маврину.

— Ну нѣт, раз он пріѣхал, надѣлав столько суматохи, тащите сюда — и сам стал спускаться с крыльца. Сообразив, что отступленія нѣт, бѣдный маіор сдался и, покраснѣв как рак, стал представляться улыбавшимся офицерам, а Бусыгин еще свирѣпѣе зарычал: шашки в ножны.

Взглянув на часы и увидав, что стрѣлка перевалила за 12, я снова вышел за калитку и закурил папиросу, но в этот момент услыхав уже со всѣх сторон возгласы „ѣдут, ѣдут" увидал я уже цѣлую кавалькаду, приближавшуюся к посту: нѣсколько колясок и человѣк шесть нѣмецких офицеров верхами. Крикнув:

— Михаил Алексѣевич, ѣдут, — приготовился встрѣчать.

Подъѣхали.

Из перваго экипажа сошел пожилой, высокій, сухощавый полковник с орденом Желѣзнаго Креста на шеѣ и, быстро подойдя ко мнѣ, назвал себѣ: оберст фон Брандау; затѣм в моем сопровожденіи направился к крыльцу. Послѣ взаимных коротких привѣтствій с командиром отдѣла и офицерами увѣренным, твердым шагом, прошел перед середину полусотни и, взяв под козырек, крикнул по русски:

— Здорофо братцы;—потом обошел фронт и сказал:

—Спасиба

Начался обход по очереди разных хозяйственных помѣщеній и конюшень. Маврин шел рядом с ним и на всѣ вопросы отвѣчал „bitte", кажется единственное слово, которое он знал по нѣмецки и в дальнѣйшія подробности входил уже я. Офицеры гурьбой шли за нами. Перед закрытыми дверями амуничника с мобилизаціонной выкладкой остановились; нѣмец спрашивает, что здѣсь.

Маврин говорит, замок испортился и я перевожу;

фон Брандау улыбнулся, вѣроятно сообразив, что туда нельзя и пошел дальше в казарму нижних чинов.

Здѣсь всѣ нѣмцы остались очень довольны видѣнным, да и по правдѣ сказать на содержаніе нижних чинов и чистоту обращалось весьма серьезное вниманіе и в этом отношеніи во всем корпусѣ посты щеголяли друг перед другом: вся обстановка окрашивалась в бирюзовый цвѣт, у каждаго солдата аккуратная кровать, шкафик, табуретка, 2 простыни, хорошее одѣяло, подушка прикрыта платком с рисунками разборки и сборки винтовки, на стѣнах картины воинских подвигов, все вплоть до пирамиды с винтовками и полочек блистало свѣжей краской и производило веселое и уютное впечатлѣніе.

Побывали затѣм в кухнѣ, попробовали борщ унд каша и через комнату начальника поста вошли в росписную и... нѣмцы оствновились в изумленіи, очевидно не вѣря своим глазам, увидав такую обильную сервировку столов, заваленных кушаньями и напитками, в комнатѣ утопавшей в германских и наших флагах. Нѣсколько секунд на них от неожиданности точно столбняк напал и, одни краснѣя, а другіе блѣднѣя, стояли молча. Потом полковник взволновано спросил Маврина:

— Извините, что это?

Улыбаясь, Маврин развел руками, показывая на столы, и сказал: — bitte, по русски, чѣм хата богата, тѣм и рада.

Я перевел, как умѣл. Фон Брандау взял Маврина за руку, начал благодарить, сказал, что он думал только посѣтить пост и уѣхать, что он окончательно сконфужен и не знает, как ему ответить достойно, за столь радушный пріем. Маврин смѣялся, жал его руку и бормотал — битте. битте.

В углу стоял кіот под шелковыми голубыми с золотом занавѣсями. Вошли 4 солдата и спѣли молитву перед обѣдом. Это тоже произвело большое впечатлѣніе, но особенно нѣмцы поразились, замѣтив на стѣнах комнаты серію форм германскаго обмун-

дированія, отдѣльными картинами офицеров и солдат разных родов войск. Наши солдаты, пояснили мы, должны знать формы сосѣдей и умѣть различать чины.

Нѣмцы качали головами и говорили — gut, sehr gut, мы это, увы, не имѣем.

Потом вперемежку разсѣлись за столами, Маврин с полковником рядом, я против них, но тут к великому моему удовольствію моя трудная роль переводчика окончилась, так как прибыл еще один, почему то опоздавшій, лейтенант, прекрасно говорившій по русски; он учился, как выяснилось, в классической гимназіи в Петербургѣ, а затѣм отец его вернулся в Германію и он поступил на военную службу. Лейтенанта посадили рядом с Мавриным и я облегченно вздохнул, избавившись от своей роли. Непривычные к русскому обычаю закуски нѣмцы, однако, очень скоро вошли во вкус и оказались весьма способными учениками. С мѣста в карьер налегли на икру, потом на кулебяку, пирожки и паштеты. Все что ни ѣли они, вызывало их восторженныя похвалы, было дѣйствительно вкусно и они не замѣчали, как у них справа и слѣва наполнялись рюмки. Рядом со мной сидѣл злополучный маіор, а по другую сторону его Бусыгин, оренбургскій казак, говорившій по нѣмецки еще хуже Маврина; я почти до слез хохотал, глядя как они, усердно ухаживали друг за другом и ни слова взаимно не понимая, объяснялись знаками и с полным рвеніем опустошали рюмки.

Вдруг маіор мнѣ сказал: — я никогда не забуду прекрасную Россію и вас и только мнѣ жаль, что не пришлось повидать казака.

— Да вѣдь вы сидите рядом с казаком, — отвѣчаю ему.

— Как? гдѣ? — чуть не подскочил маіор на стулѣ.

— Да вон он, ваш сосѣд ротмистр, — и указывая на рыжую бороду Бусыгина.

Маіор круто повернулся к нему и возопил:

— Sind Sie ein Kosak?

Бусыгин смѣясь кивнул головой и прибавил: — Оренбург-козак.

Маіор стал трясти его руку, потом схватил рюмку и крикнул: — господа, я пью за здоровье оренбургскаго казака!

Поднялся шум, крики — hoch и Бусыгин стал предметом неожиданных овацій, а они оба друзьями; потом на группѣ снятой врачем Генцем, маіор увѣковѣчил себя сидящим на колѣнях Бусыгина.

Завтрак становился все оживленнѣе, в палисадникѣ великолѣпно пѣл хор. Но вот полковник фон Брандау стал стучать об стакан и воцарилась тишина.

— Господа, я подымаю бокал за здоровье его величества императора Россіи!

Всѣ повернулись лицом к портрету государя императора и нѣмцы стройно запѣли на нѣмецком языке — Боже царя храни.

Гимн по русски подхватили потом мы, затѣм хор в саду и мощные звуки дивной мелодіи далеко огласили посад и дежурный, вытянувшись в струнку, стоял у гриба держа под козырек Звуки замерли, раздалось ура и всѣ сѣли. Затѣм подполковник Маврин провозгласил тост за здоровье германскаго императора и пропѣт был германскій гимн. Потом посыпались тосты один за другим, пили за здоровье каждаго и всѣх вмѣстѣ, за дам, за роды войск, нѣмцы одѣли наши фуражки, мы их и пили за то, чтобы рука об руку пойти совмѣстно в бой. Среди наших пѣсенников появились танцоры, гармошка и затоптали ноги, откалывая камаринскаго и гопака и выдѣлывая колѣнцы со всей той виртуозностью, на которую способен только русскій солдат.

Нѣмцы, что называется, окончательно пришли в раж; несмотря на наши протесты посыпались танцорам и хору деньги, раздались апплодисменты, крики — браво, — всѣ вскочили со своих мѣст, все перемѣшались и уже ровно ничего нельзя было разобрать, а в углу казак тщетно обучал бѣднаго маіора, кото-

раго он таки уложил в гроб, гопаку и тот прыгал, принимая такія неожиданныя позы, что кругом них стон стоял от гомерическаго хохота. Между тѣм слух о нашем пиршествѣ проник за границу и сначала в одиночку, потом маленькими группами начали появляться все новые и новые офицеры самых разнообразных частей войск; мы конечно одинаково радушно их принимали, угощая еще тѣм, что оставалось и безпрерывно посылая в посад за подкрѣпленіями, т. е. за водкой и пивом.

Наконец столы были окончательно очищены, а из лавок и пивнушки „пана Барабана“, как мы называли хозяина мѣстнаго отеля, пришли тревожныя вѣсти, что пиво на исходѣ. Видя такое нашествіе М. А. Маврин смѣясь замѣтил нам, что скоро весь посад будет высушен, а мы рискуем вылетѣть в трубу. Но наплыв все новых гостей, грозившій перейти в форменное наводненіе был замѣчен также и полковником фон Брандау и немедленно начался отлив. Когда наконец остались только коренные гости, полковник произнес рѣчь, сердечно благодаря нас и наших дам, приложивших для пріема гостей столько труда и „сердца“ и, подчеркнув безбрежно русское радушіе, сказал, что его первым желаніем будет видѣть нас и офицеров нашей бригады дорогими гостями своего полка в крѣпости Грац. — А теперь, господа, кончил он, чтобы закрѣпить дружбу между полком и вами, я прошу вас оказать нам честь и прослѣдовать с нами за границу, выпить на прощанье еще по бокалу вина. — Он сказал нѣсколько слов двум офицерам и тѣ помчались вперед. Послали за коляской командира отдѣла, кое кто из нас сѣл на коней и вскорѣ длинный кортеж усѣвшихся, в перемѣшку нѣмцев и нас в сопровожденіи всадников, причем мы оказались при оружіи, с грохотом покатил по темнѣвшим улицам посада и, перевалив мост, очутился за границей, т. е. нѣмцы у себя дома, а мы в гостях у них.

Проѣхав с версту, остановились у какого то отеля, каких в Германіи всюду масса, но этот был получше других и в нем была довольно большая зала, вѣроятно для собраній и других нѣмецких торжеств.

Эта зала была уже приготовлена для нашего пріѣзда: чинно вокруг длиннаго стола выровнены были стулья, а на столах винные бокалы и нѣсколько ведерок для вина. Когда мы усѣлись за столом, то оказалось, что кое кого, в том числѣ и Бусыгинскаго маіора, нѣт, вѣрно они честно пали в бою. Торжественно внес хозяин и горничная нѣмецкое шампанское, захлопали пробки и наполнились бокалы. Еще раз поднял бокал полковник фон Брандау за наше случайное знакомство, которое да превратится в дружбу.

Громкое — ура — было отвѣтом.

Встал наш любимый начальник М. А. Маврин и отвѣтил:

— Мы, пограничники, не политики и всегда мы находимся в отличных отношеніях с нашими сосѣдями; но сегодня мнѣ особенно пріятно подчеркнуть единеніе представителей двух великих императорских армій, у которых, господа, идеал один: — за вѣру, царя и отечество.

Рѣчь перевели и при громких криках — ура! — еще раз пропѣты были оба гимна.

В это время отворилась дверь и в зал вошла группа каких то кирасирских офицеров. Старшій из них обратился к полковнику фон Брандау, прося разрѣшенія привѣтствовать русских офицеров, для чего специально они и пріѣхали. Конечно послѣ взаимнаго представленія они были приглашены к общему столу. Появился на столѣ коньяк, сардины и неизмѣнныя сосыски. И мы были этому очень рады; мы были голодны, так как у себя почти не ѣли, угощая гостей. Еще часа два просидѣли мы и, наконец, пора было и честь знать. Сердечно простились мы с полковником фон Брандау и покатили домой. Кое кто из дневных наших гостей кирасиров провожал нас до границы. В заключеніе, прощаясь перед мостом, еле уда-

лось разстаться с каким то керасирским лейтенантом, который непремѣнно хотѣл ѣхать с нами. Переѣхав мост услыхали сзади громкое — hoch; мы отвѣтили — ура! — и разъѣхались в противоположныя стороны.

Дома нас ожидали наши дамы; пока мы были за границей, онѣ разобрали посуду и на посту все уже было приведено в полный порядок; предвидя. что в таком хаосѣ вряд ли мы сами что-либо успѣем съѣсть, онѣ кое что предусмотрительно припасли и теперь мы пріятно были поражены, увидя накрытый стол с пирожками, курами, цѣлым жаренным поросенком и дорогим русскому сердцу самоваром. Вспоминая разные эпизоды и смѣясь, мы уютно и весело поужинали, а затѣм всѣ разошлись по углам.

Командир бригады, генерал-маіор Крестовскій, остался недоволен, что ему не было сообщено о пріѣздѣ офицеров, так как он прибыл бы сам и прислал оркестр и вообще встрѣчу устроил бы болѣе торжественной; это конечно было упущеніе подполковника Маврина.

В Грацѣ нам побывать не пришлось. Хотя мы были довольно долго в перепискѣ кое с кѣм из офицеров и они намекали на подготовлявщееся приглашеніе нас, но оно не послѣдовало, возможно вслѣдствіе бывшаго вскорѣ производства полковника фон Брандау в генералы и оставленія им полка.

Подполковник Володин кончил свой разсказ и закурил новую папиросу. В этот момент раздался стук в двери и, брянча шпорами, вошел вахмистр и подал телеграмму:

„Утром сотнѣ выступить на соединеніе с полком".

Кончилось сидѣніе в опостылѣвшей деревушкѣ на опушкѣ лѣса и кончились вечерніе разсказы подполковника Володина.

На другой день предстояло пройти походным порядком 47 верст до станціи, чтобы дальше слѣдовать

по жел. дорогѣ в большой губернскій город, гдѣ был расположен штаб пограничнаго коннаго полка.

Офицеры сотни сорвались со своих мѣст, длинный ротмистр дописал что то в своей тетрадкѣ и положил ее в чемодан. Посыпались разныя распоряженія и началась обычная суетня с приготовленіями к походу.

При первых проблесках наступающаго утра офицеры в послѣдній раз переступили порог той крайней хатки, что упиралась своим окном в сѣрое поле.

Сѣрой, неясной еще, линіей вытянулась сотня вдоль деревенской улицы и пофыркивали кони, вдыхая свѣжій, морозистый воздух.

— Здорово молодцы,—обычным, слегка хриплым голосом, поздоровался Володин с сотней.

Дружное и бодрое — здравія желаем ваше высокоблагородіе — послѣдовало в отвѣт.

Офицеры сѣли на коней.

— Справа по три, шагом марш. Лѣвое плечо вперед. Прямо, равненіе направо.

Длинная, сѣрая лента, колыхаясь, тронулась с мѣста, втягиваясь в темнѣвшій впереди лѣс; послѣдней прогромыхала походная кухня и сѣрый дымок, вившійся над трубой ея был послѣдним слѣдом уходившей сотни, но и он, расплываясь в воздухѣ, смѣшивался с предрасвѣтными сумерками и исчезал безслѣдно.

Володин молча ѣхал впереди сотни со своими офицерами, слегка сгорбившись и о чем то задумавшись.

Кругом ползли уже, как ядовитые гады, нехорошіе слухи; пѣхота митинговала, восторженно слушая всякую сволочь, невѣсть откуда появившуюся в ея рядах и с ненавистью и опаской смотрѣла на крѣпкую, здоровую и веселую сотню Володина.

Блеснул огонек спички и Володин закурил папиросу; потом крякнул и обратился к офицерам.

— Вон там за рѣкой возможно и сидит теперь кто-либо из наших нѣмецких собутыльников и щедрой

рукой посылает нам смертоносные гостинцы, но не страшен он, этот враг, враг открытый, честный в бою и храбрый. Неизмѣримо опаснѣе свой враг — враг внутренній, хитрый, подлый, безпощадный; он явит нам такой океан бездушія и кровожадности, предательства и низости, в котором всѣ мы захлебнемся, как чуть не захлебнулись в 1905 году.

Володин махнул рукой и крикнул: — пѣсенники вперед, Тимохин, заводи музыку.

„Во полѣ березынька стояла,
Во полѣ кудрявая дремала“...

Залился высокій, красивый тенор Тимохина и под звуки грустной и такой родной мелодіи все дальше уходила сотня в темную неизвѣстность и задумчиво ѣхали впереди нея офицеры.

Слова Володина оказались пророческими.

КОНЕЦ.

Цѣна Ls 2.20

Izdevniecība
„Laikmets“ Rīgā